

2026

"ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА"

**XXIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

МОСКВА | 20/02/2026

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УНИВЕРСИТЕТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И
БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ»**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПО МАТЕРИАЛАМ
XXIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**"ТРАНСФОРМАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ НАУКИ В ЭПОХУ
ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА"**

20 февраля 2026 г.

**Москва
2026**

УДК 001
ББК 60:72
DOI 10.26118/1019.2026.31.52.044
Т65

Т65 **Трансформация российской науки в эпоху информационного общества:** сборник научных трудов по материалам XXIII Международной научно-практической конференции (20 февраля 2026 г., г. Москва). Москва.: Изд. АНО ДПО «Университет ИТБО», 2026. – 212 с.

Рецензенты:

1. **Ахмедова Ж.А.** – д.э.н., профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет»;
2. **Руденко Л.Г.** – д.э.н., доцент; профессор кафедры «Экономическая теория», ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Настоящий сборник составлен по материалам XXIII Международной научно-практической конференции «Трансформация российской науки в эпоху информационного общества». В сборнике отражены материалы по следующим направлениям: философия, культура, религия; химия и химические технологии; искусственный интеллект: возможности и вызовы; точные науки; сельское хозяйство; юридические науки; экономика, управление, финансы; техника и технологии.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

За достоверность всех данных, представленных в материалах конференции, несут ответственность авторы научных публикаций.

Доклады конференции опубликованы в электронном научном журнале «*Экономика и безопасность*», в разделе «Конференции» <https://voinvestnik.ru/arhiv-konferenczij.html>, помимо это, будут размещены в Научной Электронной Библиотеке (eLibrary.ru) и проиндексированы в РИНЦ.

Научные статьи представлены в авторском варианте.

ISBN 978-5-908150-17-0

УДК 001
ББК 60:72
DOI 10.26118/1019.2026.31.52.044

ISBN 978-5-908150-17-0

© Издательство АНО ДПО «Университет ИТБО», 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА

Председатель:

Новиков Петр Николаевич - доктор педагогических наук, профессор, действующий член Академии профессионального образования, главный научный сотрудник ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации; Центр развития профессиональных квалификаций, член Научного комитета.

Члены:

Марьясин Антон Маркович - руководитель научного центра Методологии бухгалтерского учета, Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России, к.э.н.;

Сон Мей Кхан – PhD, профессор, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли (GDUFS), КНР;

Тернер Анна – профессор, Университет Пардубице, Чехия;

Алиев Шафа Тифлис оглы – доктор экономических наук, профессор Сумгаитского Государственного Университета, Руководитель Центра Исследования Экономики Карабаха UNEC (Азербайджанский Государственный Экономический Университет). Азербайджанская Республика;

Атантаев Истанбек Акматович - доктор экономических наук, профессор, Кыргызский государственный технический университет им. И.Раззакова;

Исмаилова Наргиза Ризвановна - кандидат экономических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына;

Дылдаев Мирлан Муктарович - доктор географических наук, профессор, Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева;

Есеналиева Бактыгул Баховна – доктор экономических наук, доцент, зав.кафедрой «Налоги и налогообложение», Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына;

Ибодуллаев Аброржон Ахроржонович - доктор философии по экономическим наукам (PhD, Ташкентский финансовый институт (г. Ташкент, Республика Узбекистан);

Абдиев Мурат Журатович - доктор экономических наук, профессор, Ошский технологический университет им. М.М Адышева, Киргизская республика;

Киварина Мария Валентиновна - доктор экономических наук, профессор кафедры цифровой экономики и управления Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;

Боташева Асият Казиевна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный лингвистический университет;

Шахбанов Рамазан Бахмудович - доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (08.00.05);

Шарапова Валентина Михайловна - доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»;

Халифаева Анжела Курбановна - доктор юридических наук, Заслуженный юрист РД, ФГБОУ ВО "Дагестанский государственный университет";

Зенченко Светлана Вячеславовна - доктор экономических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;

Шаталова Ольга Ивановна - д.э.н., профессор, профессор кафедры

государственного, муниципального управления и менеджмента, Ставропольский филиал РАНХиГС;

Стефанова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики»;

Ханова Зоя Гаджиалиевна – доктор психологических наук, профессор, советник Постоянного представительства Республики Дагестан при Президенте РФ;

Гуриева Лира Константиновна – доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки РСО-Алания, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования "Северо-Осетинский государственный университет";

Ларионов Максим Викторович – доктор биологических наук, доцент, профессор Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВО "Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского";

Бабаева Зоя Шапиулаховна – доктор экономических наук, профессор, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (08.00.05).

Гуриева Светлана Дзахотовна – доктор психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»;

Бисалиев Рафаэль Валерьевич – доктор медицинских наук, профессор, психиатр, нарколог, психотерапевт, главный врач клиники РЕАМЕД, Татарстан;

Тотров Иорь Николаевич – доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой, Северо-Осетинская государственная медицинская академия;

Мишаков Виктор Юрьевич – доктор технических наук, доцент, почетный работник текстильной и легкой промышленности РФ, заведующий кафедрой "Коммерции и сервиса" ФГБОУ ВО "Российский Государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Беджанова Татьяна Ефимовна – кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Философия. Культура. Религия

Абдрахманова Ф.Р. СУПРУЖЕСКИЙ КОНФЛИКТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТРУКТУРА, ДИНАМИКА И ПОТЕНЦИАЛ МЕДИАЦИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО СПОСОБА УРЕГУЛИРОВАНИЯ.....8-14

Иващенко А.П. ОТ ОБЕЗЛИЧИВАНИЯ К ПОДЛИННОМУ БЫТИЮ: РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ДУХОВНОМ КРИЗИСЕ СОВРЕМЕННОСТИ.....15-20

Нижник Е.А. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА, ПРИОБРЕТЕННОГО В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ.....21-27

Пелевин С.И. ПАРАДОКС БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГИБРИДНЫХ СИСТЕМАХ «ЧЕЛОВЕК–ИИ».....28-34

Химия и химические технологии

Мищук В.А., Усова М.Г. ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ДООЧИЩЕННОЙ ВОДЫ, ВОДЫ СИСТЕМ ХОЗЯЙСТВЕННО-ПИТЬЕВОГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЯ МЕТОДЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА.....35-37

Искусственный интеллект: возможности и вызовы

Хамчиева Х.И. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОЗНАНИЕ, ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ЕСТЕСТВЕННЫМ И ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ...38-43

Точные науки

Кочетков Д.О., Толкачёв В.А. СКОРОСТЬ РЕПАРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ОЖОГОВОЙ ТРАВМЕ КОЖНЫХ ПОКРОВОВ ПРИ АППЛИКАЦИЯХ ЛИПОСОМАЛЬНОГО ГЕЛЯ С ПРОТЕОЛИТИЧЕСКИМ ФЕРМЕНТОМ.....44-48

Сельское хозяйство. Инновации и цифровые технологии

Глазунов М.А., Толкачёв В.А. РЕЗУЛЬТАТЫ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ДИНАМИКИ ЗАЖИВЛЕНИЯ ГНОЙНЫХ РАН ПРИ АППЛИКАЦИЯХ ГИДРОФИЛЬНОЙ МАЗИ С ЭПИДЕРМАЛЬНЫМ ФАКТОРОМ РОСТА.....49-53

Толкачёв В.А., Гонсалес Вильяфуэрте Ленин Джоэль СКОРОСТЬ ЗАЖИВЛЕНИЯ ГНОЙНЫХ РАН ПРИ АППЛИКАЦИЯХ ГИДРОФИЛЬНОЙ МАЗИ С ЭПИДЕРМАЛЬНЫМ ФАКТОРОМ РОСТА.....54-59

Юридические науки

Антоненко Ю.В. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ.....60-65

Борисов А.Д. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫМ ГРАЖДАНСКИМ ПРАВОМ В СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ, НОВЫЕ ФОРМЫ И ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ.....66-69

Гасанова Н.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: К

ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ И ДОБРОВОЛЬНОСТИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ.....	70-75
<i>Иванов Г.Р.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА: МЕЖДУ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРАКТИКАМИ.....	76-79
<i>Корвяков А.В.</i> ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ СТОРОНАМИ.....	80-85
<i>Мальцев Т.Н., Мехоношин М.С.</i> ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ.....	86-101
<i>Страхов И.А., Борисова А.Н.</i> КОНВЕРГЕНЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НАЧАЛ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОТ ФРАГМЕНТАЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ БЕЗОПАСНОСТИ.....	102-106
<i>Чирков А.Д.</i> ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЦИФРОВЫМИ ПЛАТФОРМАМИ И БИЗНЕС-ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ.....	107-111
<i>Шильникова А.А.</i> ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	112-115
Экономика. Управление. Финансы	
<i>Громова О.В.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ВУЗОВ В ДРАЙВЕРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА.....	116-121
<i>Жагловская А.В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕНЕДЖМЕНТА ГИБРИДНОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	122-126
<i>Зебзеев Н.А.</i> ФАКТОРЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЁГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	127-133
<i>Кувалдина Т.Б.</i> КРАУДФАНДИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СТАРТОВОГО КАПИТАЛА.....	134-141
<i>Курбанов М.Э.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМ ФИНАНСОВОГО РИСКА: ОТ КЛАССИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ К КОНЦЕПЦИИ «ЧЕРНЫХ ЛЕБЕДЕЙ» И СИСТЕМНОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ.....	142-151
<i>Розмыслов А.Н., Филипенко Т.В.</i> ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ НА ПОСТРОЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА.....	152-158
<i>Салахова С.М., Алеткин П.А.</i> АМОРТИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ РЕЗУЛЬТАТАМИ.....	159-163
<i>Салгираев З.А.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЛИЯНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ.....	164-173

<i>Степанян Д.С., Алборова С.С.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	174-178
<i>Степанян Д.С., Алборова С.С.</i> ВЫСШЕЕ ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАК ОРГАН ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ.....	179-183
<i>Guo Shaozheng, Musaeva N.M., Chen Yu.</i> HYBRID INCENTIVE SUPPORT MECHANISMS FOR SMES: A CHINA-KYRGYZSTAN COMPARISON AND OPTIMISATION PATHWAYS.....	184-189
Техника и технологии	
<i>Аристова И.Ю., Федорова Т.А., Жадаев Д.С.</i> МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ.....	190-198
<i>Иванова У.П., Маврина А.С.</i> ПРОЕКТ HYPERLOOP: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ (ТЕХНИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ).....	199-205
<i>Хайдаров Л.Ш., Хайдаров Т.Ш., Худенко А.-П.С.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРХИТЕКТУР CPLD И FPGA: КЛЮЧЕВЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ.....	206-211

УДК 316.485.6

*Абдрахманова Ф.Р., старший преподаватель,
БГПУ им. М. Акмуллы
E-mail: a-florida@mail.ru,
Уфа, Россия*
*Abdrakhmanova F.R., senior lecturer,
BSPU named after M. Akmully
E-mail: a-florida@mail.ru,
Ufa, Russia*

**Супружеский конфликт в современной России: структура,
динамика и потенциал медиации как альтернативного способа
урегулирования**

**Marital conflict in modern Russia: structure, dynamics and potential of
mediation as an alternative method of settlement**

Аннотация. В статье анализируется феномен супружеского конфликта в современной России сквозь призму его структурных характеристик и динамических закономерностей. На основе статистических данных Росстата, ВЦИОМ и результатов социологических исследований рассматриваются основные детерминанты конфликтного взаимодействия супругов, включая трансформацию ролевых ожиданий, экономические факторы и ценностные изменения в обществе. Особое внимание уделяется потенциалу медиации как альтернативного способа урегулирования семейных споров, анализируются барьеры институционализации медиации в России и перспективы ее развития в контексте государственной семейной политики до 2036 года.

Ключевые слова: супружеский конфликт, семья, развод, медиация, альтернативное урегулирование споров, семейная политика, ролевые ожидания.

Annotation. The article analyzes the phenomenon of marital conflict in modern Russia through the prism of its structural characteristics and dynamic patterns. Based on statistical data from Rosstat, VTsIOM and the results of sociological research, the main determinants of conflict interaction between spouses are examined, including the transformation of role expectations, economic factors and value changes in society. Special attention is paid to the potential of mediation as an alternative method of resolving family disputes, the barriers to the institutionalization of mediation in Russia and the prospects for its development in the context of state family policy until 2036 are analyzed.

Keywords: marital conflict, family, divorce, mediation, alternative dispute resolution, family policy, role expectations.

Институт семьи в современной России переживает период глубокой трансформации, одним из наиболее ярких проявлений которой является устойчиво высокий уровень разводов. Согласно данным Росстата, в 2024 году на 880 тысяч заключенных браков пришлось 644 тысячи разводов [3]. Это означает, что распадается более 70% брачных союзов, что ставит Россию в ряд стран с наиболее высокими показателями разводимости в мире [9]. При этом, как отмечают исследователи, данная тенденция имеет долгосрочный характер: начиная с 1960-х годов Россия стабильно входит в число лидеров по количеству разводов среди развитых стран [9].

Столь масштабное распространение супружеских конфликтов, завершающихся расторжением брака, актуализирует необходимость их всестороннего научного анализа. Понимание структуры и динамики супружеских конфликтов, а также факторов, способствующих их эскалации, является необходимым условием для разработки эффективных стратегий их урегулирования. В этом контексте особый интерес представляет медиация как альтернативный способ разрешения семейных споров, ориентированный не на конфронтацию, а на поиск взаимоприемлемых решений.

Цель настоящей работы – проанализировать структурные характеристики и динамические закономерности супружеских конфликтов в современной России, а также оценить потенциал медиации как инструмента их конструктивного урегулирования.

Структура супружеского конфликта: основные детерминанты

Структура супружеского конфликта представляет собой совокупность устойчивых элементов и связей, определяющих его возникновение и развитие. Анализ эмпирических данных позволяет выделить несколько ключевых детерминант конфликтного взаимодействия супругов в современной России:

1. Трансформация ролевых ожиданий

Одним из фундаментальных факторов, обуславливающих конфликтогенность современных брачных отношений, является изменение ролевых ожиданий супругов. Как отмечает психолог О. Бачинская, «перегрузка женщины различными социальными ролями» становится одной из главных причин семейных конфликтов [5]. Если в 1990 году высшее образование имели лишь 11% населения, то в 2024 году – 32,4%, причем более половины из них – женщины [5]. Рост образовательного уровня и профессиональной занятости женщин вступает в противоречие с сохраняющимися в общественном сознании традиционными представлениями о распределении семейных обязанностей.

Профессор НИУ ВШЭ Е. Рождественская фиксирует существенный сдвиг в «семейном контракте»: «Ранее мы описывали баланс взаимных

ожиданий как своего рода семейный контракт: мужчина – кормилец, добытчик средств к существованию, а женщина – работающая мать, осуществляющая забота о членах семьи и доме. Поскольку вклад женщины в семейный бюджет на основе квалифицированного труда увеличился, это сказалось на сдвиге половых ролей: понятие главы семьи утратило свое значение, стал цениться партнерский стиль взаимоотношений» [3].

Однако, как подчеркивает О. Бачинская, «по инерции мужчина по-прежнему считает, что дома его должен ждать ужин и улыбчивая жена. А женщина уверена, что все обязанности, включая приготовление еды, теперь должны делиться поровну» [5]. Это противоречие между изменившимися социальными ролями женщин и инерционными ожиданиями мужчин создает устойчивую почву для конфликтов.

2. Экономические факторы

Финансовые трудности традиционно занимают ведущее место в структуре причин супружеских конфликтов. Согласно опросу ВЦИОМ 2025 года, 27% респондентов назвали финансовые проблемы основной причиной разводов [3]. При этом, как отмечают эксперты, деньги редко выступают первопричиной конфликта – чаще они становятся катализатором там, где отсутствуют навыки диалога и взаимопонимания [7].

Важным аспектом является жилищный вопрос. Психолог Е. Александрова прямо называет маленькую квартиру «убийцей семьи», поскольку отсутствие личного пространства ведет к накоплению раздражения и росту конфликтности [9]. Несмотря на активное жилищное строительство, большинство семей могут позволить себе лишь компактное жилье, что создает дополнительные стрессовые факторы.

3. Ценностные изменения

Исследователи фиксируют фундаментальные изменения в отношении к институту брака. Культуролог Ф. Смирнов отмечает, что «брак из священного союза превратился в страховку юридических прав» [9]. Декан факультета экстремальной психологии МГППУ Д. Деулин связывает кризис семьи с глобальной технологической трансформацией общества, которая «существенно меняет правила игры» и создает «психологическое давление на молодежь» [3].

Социолог Д. Лобойко обозначает парадокс современного восприятия семьи: «Семья стала восприниматься одновременно и как высшая ценность, и как непозволительная роскошь. Все хотят "правильную" семью, но мало кто чувствует, что располагает для этого достаточными ресурсами» [3]. Это противоречие между высокой ценностью семьи и низкой готовностью к систематической работе над отношениями становится источником фрустрации и конфликтов.

Динамика супружеского конфликта

Динамика супружеского конфликта характеризуется определенными закономерностями, знание которых необходимо для эффективного вмешательства:

Эскалация конфликта

Исследователи выделяют несколько стадий эскалации супружеского конфликта: от возникновения противоречия через осознание его сторонами к открытому противодействию. Важной особенностью семейных конфликтов является их высокая эмоциональная насыщенность, что затрудняет рациональное обсуждение проблем.

Психолог С. Бояринова отмечает, что у современных супругов часто отсутствуют «навыки договариваться, им проще развестись, создать новую семью и впасть в иллюзию, что там будет всё по-другому» [9]. Эта закономерность указывает на дефицит коммуникативных компетенций как фактор, способствующий эскалации конфликтов.

Факторы, сдерживающие эскалацию

Традиционно к факторам, сдерживающим эскалацию супружеских конфликтов, относили общественное мнение, религиозные нормы, влияние старшего поколения. Однако, как констатирует С. Бояринова, сегодня «от развода удерживало осуждение общества. Сейчас – нет» [9]. Социального давления, побуждающего к сохранению брака, практически не существует, что делает супругов более уязвимыми перед конфликтами.

Позитивным фактором, способным сдерживать эскалацию, выступает наличие детей. Однако, по данным ВНИИ труда Минтруда РФ, каждый третий ребенок в России воспитывается одним родителем [9], что свидетельствует об ограниченности этого сдерживающего механизма.

Медиация как альтернативный способ урегулирования супружеских конфликтов

Сущность и преимущества медиации

Медиация представляет собой процедуру урегулирования спора с участием независимого посредника – медиатора, который помогает сторонам выработать взаимоприемлемое решение [2]. В контексте семейных конфликтов медиация обладает рядом существенных преимуществ перед судебным разбирательством.

Во-первых, медиация ориентирована на сохранение или хотя бы минимизацию разрушения отношений, что особенно важно при наличии общих детей. Во-вторых, она позволяет учесть не только правовые, но и психологические, эмоциональные аспекты конфликта. В-третьих, достигаемые в медиации соглашения более устойчивы, поскольку основаны на добровольном волеизъявлении сторон.

Опыт внедрения семейной медиации в России

Наиболее значимым примером институционализации семейной медиации в России является московская модель. Как сообщает заместитель

мэра Москвы А. Ракова, служба семейной медиации действует в столице более шести лет. Результаты впечатляют: около 70% пар, обратившихся к медиаторам, смогли разрешить семейные конфликты, некоторые из них сохранили брак [4; 6; 8].

Успешность московской модели во многом обусловлена ее доступностью: в семейных центрах столицы и Центре медиации и социально-правовой помощи поддержка медиатора предоставляется бесплатно [6]. С 2024 года действует проект на базе центров госуслуг «Мои Документы»: пары, подающие заявление о разводе, получают возможность пройти консультации с психологом и медиатором [8].

Правительство РФ приняло решение о масштабировании московского опыта на региональный уровень в рамках Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики в России до 2036 года [4; 6; 8]. Московский центр медиации и социально-правовой помощи выступит координатором, методическим и практическим партнером инициативы [8].

Барьеры институционализации медиации

Несмотря на позитивные примеры, в целом институт медиации в России развит слабо. Согласно данным судебной статистики за 2024 год, из 28,2 млн гражданских и административных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции, с помощью медиации было окончено лишь 463 дела [10]. В арбитражных судах из 1,8 млн дел утверждено всего 17 медиативных соглашений [10].

Ю. Яковлева, генеральный директор Центра медиации Ассоциации юристов России, выделяет несколько основных препятствий: неготовность общества (стереотип о том, что споры решаются только в суде), низкую информированность населения, сопротивление юридического сообщества, отсутствие развитой инфраструктуры [10].

Осенью 2024 года Министерство юстиции предложило ввести обязательную досудебную медиацию при расторжении брака, однако Госдума отклонила законопроект [2]. По мнению экспертов, искусственное усложнение процедуры развода не достигает цели, поскольку супруги, решившие расторгнуть брак, уже находятся в испорченных отношениях и стремятся как можно быстрее завершить процесс [2].

Перспективы развития

Развитие медиации требует системного подхода. Как отмечается в аналитическом докладе Ассоциации юристов России, необходимы создание единого реестра медиаторов, разработка стандартов процедур и требований к квалификации, формирование профессиональной инфраструктуры [10]. По прогнозам, реформа альтернативных способов урегулирования споров должна заработать к 2030 году [10].

Важным направлением является интеграция медиации в систему государственной поддержки семьи. Опыт Москвы показывает, что

доступность медиации и ее позиционирование как государственной услуги существенно повышает востребованность процедуры.

Заключение

Супружеский конфликт в современной России представляет собой сложное социально-психологическое явление, детерминированное комплексом факторов: трансформацией ролевых ожиданий, экономическими трудностями, ценностными изменениями в обществе. Высокий уровень разводов (более 70% от числа заключенных браков) свидетельствует о неспособности многих супругов конструктивно разрешать возникающие противоречия.

Медиация обладает значительным потенциалом как альтернативный способ урегулирования супружеских конфликтов. Опыт Москвы, где около 70% обратившихся к медиаторам пар смогли разрешить конфликты, подтверждает эффективность этого подхода. Однако институционализация медиации в России сталкивается с серьезными барьерами: низкой информированностью населения, отсутствием развитой инфраструктуры, доминированием судебного способа разрешения споров.

Решение о масштабировании московской модели семейной медиации на региональный уровень в рамках Стратегии действий до 2036 года открывает новые перспективы. Для реализации этого потенциала необходимы системные меры: создание единого реестра медиаторов, разработка профессиональных стандартов, обеспечение доступности медиации для населения, интеграция медиативных технологий в систему работы с семьей.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение эффективности различных моделей семейной медиации, анализ региональных практик, разработку методик оценки качества медиативных процедур.

Библиографический список:

1. ВЦИОМ. Исследование об изменении отношения к браку, разводу и родительству в России // Правда Севера. – 2025. – 10 июня. – URL: <https://pravdasevera.ru/2025/06/10/6847d5c3084e9f48b102b6cc.html> (дата обращения: 09.03.2026).

2. Швайка А. Мир по принуждению: роль медиации в юриспруденции и бракоразводном процессе // Legal Academy. – 2025. – 1 декабря. – URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/mir-po-prinuzhdeniyu-rol-mediacii-v-yurisprudencii-i-brakorazvodnom-processe> (дата обращения: 09.03.2026).

3. Ритуал или проект: эксперты рассказали, почему в России много разводов // Парламентская газета. – 2026. – 8 января. – URL: <https://www.pnp.ru/social/ritual-ili-proekt-eksperty-rasskazali-pochemu-v-rossii-mnogo-razvodov.html> (дата обращения: 09.03.2026).

4. Московская модель семейной медиации будет внедрена в регионах России // Ассоциация юристов Чувашской Республики. – 2025. – 7 августа. –

URL: <https://lawyers21.ru/novosti/moskovskaya-model-semejnoj-mediaczii-budet-vnedrena-v-regionah-rossii> (дата обращения: 09.03.2026).

5. Бачинская О. Россиянам озвучили частую причину разводов в молодых семьях // Петербургский дневник. – 2025. – 11 июня. – URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2025-06-11/rossiyanam-ozvuchili-chastuyu-prichinu-razvodov-v-molodyh-semyah> (дата обращения: 09.03.2026).

6. Вице-мэр Ракова: Столичные практики разрешения конфликтов распространят в регионах РФ // Комсомольская правда. – 2025. – 23 июля. – URL: <https://www.msk.kp.ru/online/news/6485235/> (дата обращения: 09.03.2026).

7. Кондратьев Н. С Днем супругов. И немного правды о семье в современной России // ZAB.RU. – 2026. – 26 января. – URL: <https://zab.ru/articles/8004> (дата обращения: 09.03.2026).

8. Москва будет координировать внедрение семейной медиации в регионах РФ — заммэра Ракова // Интерфакс Россия. – 2025. – 23 июля. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/moscow/news/moskva-budet-koordinirovat-vnedrenie-semeynoy-mediaczii-v-regionah-rf-zammera-rakova> (дата обращения: 09.03.2026).

9. С разводами полный караул. Почему институт семьи разваливается // Аргументы и Факты. – 2024. – № 22. – 29 мая. – URL: <https://aif.ru/society/people/s-razvodami-polnyy-karaul-pochemu-institut-semi-razvalivaetsya> (дата обращения: 09.03.2026).

10. Яковлева Ю. Перспективы развития медиации в России // Ассоциация юристов России. – 2025. – URL: <https://old.alrf.ru/centermediation/перспективы-развития-медиации-в-россии/> (дата обращения: 09.03.2026).

УДК 141.319.8
DOI 10.26118/8352.2026.51.16.045

*Иващенко А.П., старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет»,
Россия, г. Ростов-на-Дону
Ivashchenko A.P., Senior Lecturer,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Rostov
State Medical University»
Rostov-on-Don, Russian Federation*

**От обезличивания к подлинному бытию: роль этнической картины
мира в духовном кризисе современности
From Depersonalization to Authentic Being: The Role of the Ethnic
Worldview in the Contemporary Spiritual Crisis**

Аннотация. В статье рассматривается роль культуры как пространства формирования устойчивой картины мира, обеспечивающей человеку осмысленное действие в условиях современного духовного кризиса. На основе концепции С. В. Лурье анализируются этнические константы и механизмы адаптации этнического бессознательного, сохраняющие целостность картины мира. Особое внимание уделяется личностному переосмыслению этнических констант в граничных ситуациях, при которых кризис обезличивания побуждает индивида к творческому присвоению традиции. Показано, что через такое переосмысление этническая культура противостоит духовному кризису, сохраняя возможность подлинного существования в фрагментированной, разорванной действительности.

Ключевые слова: этническая картина мира, этническое бессознательное, этнические константы, духовный кризис, граничная ситуация, личностное переосмысление, культура, осмысленное действие, обезличивание.

Abstract. The article examines the role of culture as a space for forming a stable worldview that enables individuals to engage in meaningful action amid the modern spiritual crisis. Drawing on S. V. Lurie's concept, it analyzes ethnic constants and the adaptive mechanisms of the ethnic unconscious that preserve the integrity of the worldview when confronted with reality. Particular attention is given to the personal reinterpretation of ethnic constants in limit situations, where the crisis of depersonalization prompts the individual toward a creative appropriation of cultural tradition. It is demonstrated that through such reinterpretation, ethnic culture resists spiritual disintegration, thereby maintaining the possibility of authentic existence in a fragmented and ruptured reality.

Keywords: ethnic worldview, ethnic unconscious, ethnic constants, spiritual crisis, limit situation, personal reinterpretation, culture, meaningful action, depersonalization.

В эпоху, когда научно-технический прогресс и глобализация разорвали естественную связь человека с миром, а традиционные основания бытия оказались под угрозой, способность человека к осмысленным действиям и поддержанию собственной идентичности становится особо актуальным вопросом. Культура изначально выступает тем универсальным пространством, с помощью которого человек не просто приспосабливается к миру, но создает такой его образ, на основании которого он способен быть подлинным актором, действующим субъектом. Особенно ярко эта функция культуры проявляется в этнически окрашенной картине мира, основной частью которой является устойчивый бессознательный комплекс представлений, обладающий внутренней целостностью и способный сохраняться даже в условиях масштабных социальных трансформаций.

Этнический бессознательный комплекс представлений, упорядоченная схема мироздания, обеспечивающая взаимодействие человека с этим миром, индивидуален для каждого этноса. Картина мира, сформированная подобным образом, устойчива, не рассыпается при соприкосновении с различными обстоятельствами, то есть обладает определенными защитными механизмами.

С точки зрения С.В. Лурье в этническом бессознательном можно выделить три уровня адаптации. На уровне первичной культурной адаптации человека к миру в бессознательном вырабатываются такие парадигмы, которые дают человеку принципиальную возможность активной деятельности в мире. Лурье называет их «центральной зоной». Так как этнос – это динамическое явление, на следующем уровне требуется адаптация выработанного на первом уровне содержания к меняющимся условиям существования этноса, «перекристаллизация» культурной традиции. И, наконец, происходит окончательная адаптация сложившейся культурной традиции к реальному миру, к «здесь и сейчас».

При этом существование этнических констант не подвергается сомнению, они передаются от поколения к поколению на протяжении столетий, не затухают и не искажаются. Этническая культура воспроизводима, а этнические константы не изменяются на протяжении всей жизни этноса и едины для всех членов этноса. С нашей точки зрения, основным моментом в этой структуре являются именно механизмы, поддерживающие внутреннюю целостность этнической картины мира, подобные тем, которые сохраняют целостность психики человека на индивидуальном уровне, и их взаимосвязь. Безусловно, это перекликается с представлениями Н. Гумилева об устойчивости этносферы и особых способностях человека к реадаптации.

Вторым интересным аспектом теории Лурье мы считаем утверждение, что именно на личностном уровне проявляется реакция человека в критической ситуации, т.е. именно на личностном уровне могут быть переосмыслены этнические константы.

Итак, в современном мире происходит нарастание кризисных явлений, провоцирующее индивидуальный духовный кризис человека. Прежде всего потому что, говоря словами Н. Бердяева, главное в кризисе современной культуры — это кризис духовности, который он понимает, как обезличивание общества, подавление личности. В мире, по его словам, происходит кризис человека, и кризис происходит в самом человеке [2, с.497]. Переживая это состояние, человек ищет и возможно создает новый ценностный строй культуры, в этом процессе он вынужден переосмысливать уже имеющийся культурный опыт, а также вовлекать в оборот новые, или же, наоборот, старые и «надежно» забытые, ранее маргинальные аспекты, в том числе обращаться и к культурной памяти, коллективному и этническому бессознательному.

На границе 20 века, по К. Ясперсу, представители западной культуры в результате резкого скачка научно-технического развития создали новый мир, окружающий современных людей, который соперничает с естественным, с природой по силе своего влияния. Замкнутый круг природы был не просто преодолен, он был разорван. Человек покинул природу и создал в ней то, что она, как таковая, никогда бы не создала, и теперь эта новая человеческая реальность, возникшая для обеспечения необходимого человеку существования, принуждает последнего служить своему же созданию. А все то, чему в ней нет места, эта новая действительность уничтожает.

Человек растворен и потерян в том, что должно было стать лишь средством, в том, что созидалось не как цель, и точно не для того, чтобы заменить смысл. У человека нет возможностей обрести в этом удовлетворение, ему абсолютно недостает того, что придает ему собственную ценность и достоинство. То, что на протяжении всей человеческой истории, во всех бедах, при любом кризисе было непререкаемым фоном бытия человека, именно теперь оказалось в стадии исчезновения. При этом вынужденно расширяя свое существование, человек жертвует своим настоящим подлинным бытием, в котором мог бы обрести себя. В созданном нами мире царит духовный кризис, изменения этого мира носят разрушительный характер. Вокруг нас складываются лишь определенные духовные ситуации, но в нашем настоящем не осталось места для духовности как таковой, той духовности, которая была заложена в основе Осевого времени. В современном мире духовность гибнет, распространяясь, растворяясь в массе, и человек сталкивается с небывалой пустотой собственного существования, теряет преемственность традиций. В этом столкновении человек оказывается наедине с этой пустотой и самим собой, в «граничной ситуации», но именно здесь и только здесь человек может прийти к духовности, побуждается к истинному существованию.

«Граничные ситуации» Ясперс определяет как определенные неизменные ситуации, которые нельзя обойти, и преодолеть, не пройдя сквозь них, они принадлежат этому бытию, этой действительности, и в них наличное бытие человека терпит крушение, становится очевидной ущербность этого бытия, т.е. «граничные ситуации» неизбежно приводят его к индивидуальному духовному кризису. В этом суть современного духовного кризиса по Ясперсу, именно в том, что общий кризис духовности переживается каждым человеком как собственная «духовная», «граничная» ситуация. «Духовная ситуация человека возникает лишь там, где он ощущает себя в пограничных ситуациях. Там он пребывает в качестве самого себя в существовании, когда оно не замыкается, а все время вновь распадается на антиномии» [10, с. 36].

В критической, «граничной» ситуации, когда наличное бытие терпит крушение и становится очевидной его неподлинность, человек оказывается наедине с пустотой собственного существования и с самим собой. Именно здесь, по К. Ясперсу, он обнаруживает самого себя в существовании, которое не замыкается, а вновь и вновь распадается на антиномии. Здесь же, согласно К. Г. Юнгу, разворачивается процесс индивидуации — глубинный путь, на котором архетипические структуры коллективного бессознательного, оставаясь неизменными, пересобираются заново в уникальном опыте отдельной личности. Этнические константы, будучи этнически окрашенными архетипами центральной зоны культуры, не отбрасываются и не искажаются под напором современного кризиса духовности; напротив, они проходят акт живого присвоения и перерождения.

Через индивидуацию человек не просто сохраняет связь с этническим бессознательным — он делает его своим, превращая безличное «наследие предков» в подлинно личный способ бытия-в-мире. Только такое творческое переосмысление позволяет этнической картине мира сохранить свою внутреннюю целостность и защитные механизмы, давая человеку силу осмысленно действовать даже тогда, когда внешняя реальность кажется полностью враждебной и лишаящей смысла. Так личностное прочтение этнических констант превращает кризис в возможность.

Этот процесс личностного присвоения и переосмысления этнических констант может быть рассмотрен и в рамках концепции нарративной идентичности, разработанной Полем Рикером. Согласно Рикеру, идентичность человека — это не статичная данность, а непрерывно переписываемая история, в которой тождественность (*idem*) и самость (*ipse*) находятся в постоянном напряжении. Этнические константы, передаваемые из поколения в поколение как устойчивые элементы картины мира, выступают здесь в роли основного нарратива — той большой истории, внутри которой индивид размещает свою малую историю. В момент кризиса, когда традиционный нарратив оказывается под угрозой разрыва, человек не отказывается от него, а совершает акт «пересказывания» — творческого

переосмысления, в котором этническая традиция заново вплетается в личную биографию. Именно через такое нарративное переосмысление этнические константы сохраняют свою воспроизводимость и единство для всего этноса. При этом они обретают живую актуальность в «здесь и сейчас» отдельной личности, с помощью чего человек может противостоять обезличиванию и пустоте современного существования.

В условиях современного духовного кризиса, характеризующегося отчуждением, стиранием индивидуальности, утратой преемственности традиций, культура сохраняет свою фундаментальную функцию: обеспечивать человеку осмысленное действие в мире через устойчивую этнически окрашенную картину мироздания. Этнические константы, оставаясь неизменными в своей сути, воспроизводимыми на протяжении жизни этноса, не препятствуют адаптации, а напротив, благодаря механизмам психологической защиты и личностному переосмыслению в граничных ситуациях, позволяют картине мира сохранять внутреннюю целостность.

Именно в критической ситуации, когда человек сталкивается с граничными обстоятельствами и угрозой распада наличного бытия, этнические константы получают возможность актуализации в опыте отдельной личности. Через такое переосмысление картина мира не застывает в прошлом и не разрушается под давлением обстоятельств, а сохраняет свою внутреннюю целостность и защитные механизмы, обеспечивая человеку способность осмысленно действовать в изменяющихся условиях. В этом проявляется устойчивость этнической культуры: она противостоит обезличиванию и духовному кризису не механически воспроизводя традиции, а в их живом переосмыслении в «здесь и сейчас» отдельного человека.

Библиографический список:

1. Аникина, А. Б. Понятие нарративной идентичности в философии П. Рикера / А. Б. Аникина // *Respublica Literaria*. — 2023. — Т. 4, № 1. — С. 5–14. — DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.5-14.
2. Бердяев, Н. А. Духовное состояние современного мира / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. — Москва : Искусство ; Лига, 1994. — Т. 1. — С. 464–499.
3. Жолобова, И. К. Проблема формирования коммуникативной толерантности студентов высших учебных заведений / И. К. Жолобова, О. Н. Камалова, З. С. Мустафаева // *Гуманитарные и социальные науки*. — 2017. — № 3. — С. 113–122. — DOI: 10.18522/2070-1403-2017-62-3-113-122.
4. Иващенко, А. П. Актуализация коллективных форм идентичности в контексте социальных рисков современности / А. П. Иващенко, Н. В. Савенко // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. — 2025. — № 5 (144). — С. 108–110. — DOI: 10.18522/1997-2377-2025-144-5-108-110.
5. Лурье, С. В. Imperium (Империя — ценностный и

этнопсихологический подход) / С. В. Лурье. — Москва : АИРО-XXI, 2012. — 272 с.

6. Лурье, С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы : учеб. пособие / С. В. Лурье. — 2-е изд. — Москва : Академический Проект, 2020. — 624 с.

7. Рикер, П. Я-сам как другой / П. Рикер ; пер. с фр. Б. М. Скуратова ; под общ. ред. И. С. Вдовиной. — Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 2008. — 416 с.

8. Толмачев, В. Г. Philosophy and ethics of conservation of life / В. Г. Толмачев, Г. Н. Шаповал // Современные исследования в сфере социальных и гуманитарных наук : сб. результатов науч. исслед. — Киров : Межрегион. центр инновац. технологий в образовании, 2018. — С. 510–513.

9. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг ; пер. с нем. А. Чечиной. — Москва : АСТ, 2024. — 224 с.

10. Ясперс, К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс ; пер. с нем. М. И. Левиной. — Москва : АСТ, 2013. — 287 с.

*Нижник Е.А., к.соц. наук, доцент
кафедры основ Российской государственности
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Армавир, Россия
Nizhnik E.A., PhD in Social Sciences, Associate Professor,
Department of Fundamentals of Russian Statehood
Armavir State Pedagogical University
Armavir, Russia*

**Онтологический статус социального опыта,
приобретенного в цифровой среде
The ontological status of social experience acquired in a digital environment**

Аннотация. Статья посвящена онтологической проблематике социального опыта человека, возникающего в технологической среде цифровой трансформации современного общества. Актуальность проблемы заключается в размывании границ между физической и виртуальной реальностью, что ставит под сомнение классические представления о подлинности человеческого существования и социализации. Цель статьи - провести философский анализ онтологического статуса опыта индивида, приобретаемого в цифровом пространстве, и обосновать его автономную значимость в структуре жизненного мира человека. Особое внимание направлено на российское общество в контексте проблемы, в которой цифровая трансформация влияет на сохранение культурной идентичности и традиционных ценностей.

Ключевые слова: реальность, онтология, социальный опыт, цифровая среда, современность, конструирование личности, идентичность.

Abstract. The article is devoted to the ontological problems of human social experience arising in the technological environment of digital transformation of modern society. The urgency of the problem lies in the blurring of the boundaries between physical and virtual reality, which calls into question the classical ideas about the authenticity of human existence and socialization. The purpose of the article is to conduct a philosophical analysis of the ontological status of an individual's experience acquired in the digital space and to substantiate its autonomous significance in the structure of the human life world. Special attention is focused on Russian society in the context of the problem in which digital transformation affects the preservation of cultural identity and traditional values.

Keywords: reality, ontology, social experience, digital environment, modernity, personality construction, identity.

Цифровые преобразования современного социокультурного контекста вызывают значительные изменения в структуре человеческой личности и её

устремлений, преобразуя фундаментальные основы человеческого существования. Расширение роли виртуальных пространств в социальных взаимодействиях и познавательной активности формирует принципиально новые формы связи человека с окружающим миром, где многие психические процессы теперь протекают не в привычной физической среде, а в цифровых сетях, интерактивных онлайн-средах, виртуальной и дополненной реальности, искусственно смоделированных коммуникациях.

Этот процесс ставит перед нами важнейшую философско-эпистемологическую проблему, касающуюся природы такого вида опыта: является ли он лишь вторичным отражением реального мира или обретает собственную метафизическую значимость, становясь новым уровнем бытия, конкурирующим с традиционным физическим существованием за признание своей истинности и приоритетности?

Особое значение эта тема приобретает применительно к российскому обществу, которое одновременно проходит этапы активного внедрения цифровых технологий и поиска собственной уникальной идентичности, стремясь сохранить культурное наследие. Актуален вопрос границ реальности в современном мире, ведь речь идёт уже не просто о понимании действительности, а о способности сохранять индивидуальность, традиционную социализацию и передавать жизненный опыт следующим поколениям.

История осмысления понятия реальности уходит корнями глубоко в философское знание. Во второй половине XX века Жан Бодрийяр вводит термин «гиперреальность» и концепцию симулякра, предвидя ситуацию, когда «копии» начнут заменять «оригиналы». Сегодня философские размышления о природе цифровой реальности продолжаются в рамках постфеноменологических учений (например, Дональда Айда), медиафилософии и теории науки и техники. Несмотря на значительное число исследований, посвящённых феномену виртуализации, остаётся неизученным влияние чистого цифрового опыта на онтологию личности и её восприятия мира.

Настоящее исследование посвящено социальным аспектам человеческого опыта в условиях перехода к цифровому миру в российской реальности. В статье рассмотрен онтологический характер социального опыта, приобретаемого через взаимодействие с цифровой средой, и его связь с традиционным физическим восприятием реальности.

Целью данной работы является проведение глубокого философского анализа трансформации цифровой реальностью социальной действительности и формирования нового типа личного опыта, претендующего на статус полноценной и самостоятельной формы существования.

Оригинальность исследования заключается в попытке отказаться от традиционного противопоставления реального и виртуального, предлагая

рассматривать цифровой опыт как самостоятельную форму бытия современного человека. Главный вывод утверждает, что цифровая среда сама по себе образует отдельную область существования, генерируя собственные события и переживания, воспринимаемые людьми как подлинные, зачастую более важные, чем физическая реальность.

Теоретически исследование углубляет наше понимание природы социальной реальности в эпоху радикальных перемен, обусловленных развитием цифровых технологий. Практическое применение полученных выводов поможет разработать подходы к вопросам цифровой социализации, образовательным стратегиям и сохранению культурных традиций в условиях нарастающей онтологической неопределенности.

Традиционная европейская философия, начиная с античности, выстраивала иерархию бытия, где критерием подлинности выступало неизменное, идеальное или материально-осязуемое начало. Для Платона подлинное бытие – это мир идей, а чувственно воспринимаемый мир – лишь его бледная копия. Аристотель, напротив, укоренял реальность в единичных вещах, данных нам в ощущении. В Новое время Декарт нашел опору реальности в самодостоверности мыслящего субъекта («*cogito ergo sum*»). Позже феноменология Э. Гуссерля ввела понятие «жизненного мира» (*Lebenswelt*) как сферы непосредственных очевидностей, на которых базируется любое абстрактное знание.

Однако цифровая среда разрушает эти фундаментальные опоры. Она не является ни миром чистых идей (поскольку требует технической реализации и сенсорного интерфейса), ни миром физических вещей (поскольку лишена субстратности). Социальный опыт, приобретаемый в этой среде, не вписывается в классическую дихотомию «реальное – иллюзорное». Возникает онтологический разрыв: переживания, дружба, конфликты, творчество в цифре переживаются субъективно как подлинные, но не имеют физического референта. Это заставляет нас пересмотреть сам вопрос о том, что мы называем реальным.[5]

Ключевой теоретический ресурс для осмысления данной проблемы дает философия постмодернизма, прежде всего работы Ж. Бодрийяра. Его концепция симулякра и гиперреальности фиксирует ситуацию, когда знак больше не отсылает к реальному объекту, а обозначает сам себя. Цифровые социальные сети – это идеальное пространство симуляции: профиль пользователя – это не человек, а его знаковая модель; «дружба» – это не отношение, а статус; новость – это не событие, а информационный повод.

Однако феноменология цифрового опыта сложнее, чем просто «симуляция». Д. Айд в рамках постфеноменологии показывает, что техника не просто искажает или копирует реальность, а становится посредником (медиатором), конституирующим новый тип опыта. Глядя на мир через цифровой интерфейс, мы получаем не искаженную копию мира, а

специфический *интерфейсный опыт*, который обладает собственной интенциональностью. Социальный опыт в чате или видеоигре не ложен – он просто *иной*, он структурирован логикой кода и алгоритма. [4]

Для понимания его онтологического статуса необходимо выделить ключевые характеристики, отличающие цифровой опыт от классического физического опыта.

Если классическая реальность требовала физического присутствия тела, то цифровой опыт строится на интеракции без телесного со-присутствия. Тело редуцируется до аватара, курсора или текстового сообщения. Это порождает феномен «отсутствующего присутствия»: мы находимся здесь (физически), но живем там (онлайн). Однако это не означает утрату телесности; скорее, мы наблюдаем феномен *цифровой соматике* – тело отзывается на цифровые стимулы (страх за персонажа, радость от лайка), что доказывает онтологическую включенность субъекта в событие. [3]

Цифровой опыт не локализован в географическом пространстве. Коммуникация происходит в «езде и нигде», что создает эффект тотальной доступности Другого. Время также трансформируется: оно становится циклическим и мгновенным (обновление ленты, уведомления). Это меняет структуру социального опыта: традиционное терпение и ожидание сменяются требованием немедленного отклика.

В физическом мире опыт детерминирован случайностью и свободной волей других. В цифровом мире значительная часть событий предопределена программным кодом. Алгоритмы социальных сетей (ленты рекомендаций, ранжирование постов) выступают в роли «незримого архитектора» социальной реальности. Они конструируют поле возможностей для личности, предлагая одни смыслы и скрывая другие. Это ставит вопрос: в какой степени наш цифровой социальный опыт является *нашим*, а в какой – продуктом работы искусственного интеллекта? [2]

В классической онтологии опыт считался подлинным, если он адекватно репрезентировал (отражал) реальность. Цифровая среда меняет эту логику. Личность в сети не столько *отражает* свою офлайн-жизнь, сколько *презентует* себя заново. Социальный опыт здесь конструируется через перформанс: мы выкладываем фото, чтобы получить признание (лайки); мы пишем посты, чтобы вызвать реакцию.

Это позволяет предположить, что онтологический статус цифрового опыта определяется не его соответствием физической реальности (корреспондентская теория истины), а его *интерсубъективной значимостью*. Событие реально, если оно значимо для сообщества. Троллинг, хейт, вирусный мем – все это реально, поскольку меняет поведение и эмоциональное состояние людей, порождает социальные последствия (вплоть до суицидов или политических протестов). Как справедливо отмечал У. Томас:

«Если ситуация определяется как реальная, она становится реальной по своим последствиям». В цифровой среде этот тезис работает с максимальной силой.

Осмысление данной проблемы невозможно без учета социокультурной специфики. В российском обществе, где традиционно высока роль коллективных ценностей и межличностного доверия, переход социального опыта в цифру имеет особое измерение. [1] С одной стороны, цифровая среда предлагает свободу от жестких социальных иерархий, позволяя конструировать идентичность вне рамок традиции. С другой стороны, она порождает феномен «цифрового одиночества» – потерю глубины связи при сохранении интенсивности контактов.

Российская философская традиция (от славянофилов до Н. Бердяева) всегда подчеркивала значение «соборности» – единства на духовной основе. Цифровая сетевая общность (комьюнити) часто имитирует соборность, но не достигает ее, оставаясь на уровне «тематической тусовки». Это создает напряжение: личность получает огромный объем социального опыта, но этот опыт оказывается фрагментарным и не складывается в целостную картину мира, что ведет к экзистенциальному вакууму.

Подводя промежуточный итог, мы можем утверждать, что социальный опыт в цифровой среде обладает двойственным онтологическим статусом.

Во-первых, это опыт реальный-для-нас. Со стороны первого лица (субъективно) он неотличим от подлинного. Эмоции, привязанности, травмы, полученные в сети, переживаются так же интенсивно, как и в «реале». Более того, для поколения Z («цифровых аборигенов») само это различие может быть нерелевантным: есть просто опыт, часть которого проходит через экран смартфона.

Во-вторых, это опыт объективно-иллюзорный. Со стороны третьего лица (онтологически) он не удовлетворяет классическим критериям реальности: он текуч, несубстанционален, зависит от работы серверов и электричества. Это бытие, которое держится на тонкой пленке интерфейса.

Таким образом, цифровой социальный опыт следует понимать как особый онтологический слой – гибридную реальность. Это не замена физического мира и не его придаток, а параллельная сфера, которая постоянно пересекается и взаимодействует с базовой физической реальностью. Современный человек живет на стыке двух онтологий, и его социализация заключается в освоении навыков навигации между ними.

Философское исследование показало, что цифровая трансформация современного общества вызывает глубинные изменения в самой основе человеческого бытия. Вопрос о природе реальности, возникающей в цифровом пространстве, больше не считается периферийным аспектом философии технологии, а становится центральной темой социально-философских дискуссий, потому что непосредственно касается основ формирования личности и её жизненного опыта.

Исследование выявило, что традиционные онтологические концепции, противопоставляющие материальное и идеальное, подлинное и мнимое, оригинал и копию, уже недостаточно адекватны для осмысления особенностей цифрового существования. Опыт, создаваемый в рамках социальных сетей, онлайн-игр и виртуальных сообществ, нельзя считать лишь отражением физического мира или чистой фантазией. Этот опыт имеет собственную структуру, обусловленную интерактивностью, отсутствием пространственных ограничений, алгоритмизацией процессов и взаимозависимостью субъектов.

Главным итогом анализа стало утверждение о том, что цифровой социальный опыт представляет собой новую форму гибридной реальности, характеризующейся следующими чертами:

1. Подлинность на уровне субъекта – переживаемые человеком события в цифровой среде воспринимаются им как полноправные источники эмоций и смыслов.

2. Техническая зависимость объективного уровня – такой опыт существует благодаря инфраструктуре цифровых технологий, программному обеспечению и алгоритмам, что придает ему специфическую природу, однако не лишает реальной силы воздействия.

3. Конструктивный перформативный характер – эта реальность формируется посредством действий, взаимодействия и коммуникаций, а не путем соответствия объектам внешнего мира.

Для российского контекста проблема приобретает особенную значимость. Русская культура традиционно ориентирована на цельность восприятия мира, духовность и глубокую взаимосвязь между людьми, тогда как логика цифровых платформ направлена на фрагментированность и ускорение темпов изменений. Сегодня процесс социализации россиян разворачивается в условиях напряжённого конфликта между традиционными корнями и интенсивным погружением в глобальное цифровое пространство, размывающее устоявшиеся ценности.

Следовательно, изучение онтологического статуса цифрового опыта ставит перед нами ещё одну важную проблему – сохранение человеческой сущности человека в условиях тотального проникновения цифровых технологий. Когда формирование личности всё сильнее зависит от алгоритмических конструкций и виртуальных сред, философия сталкивается с необходимостью разработать новую антропологию и новую этику, способную учитывать эти реалии.

Будущие исследования могли бы сосредоточиться на анализе конкретных способов цифровой социализации среди разных групп населения России, изучении роли искусственного интеллекта в формировании социальной реальности, а также поиске путей гармонизации традиционных культурных ценностей и новых цифровых возможностей для воспитания полноценной и самодостаточной личности.

Список литературы:

1. Флориди, Л. Четвертая революция: как инфосфера трансформирует реальность человека. / Пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара. – 208 с. 2021
2. Харари, Ю. Н. 21 урок для XXI века. / Пер. с англ. М.: Синдбад. – 416 с. (Главы: «Работа», «Свобода», «Равенство», «Общность»). 2022
3. Рассел, С. Искусственный интеллект: современный подход. / Пер. с англ. М.: Вильямс. – 1408 с. (Введение и философские главы). 2021
4. Гирц, К. Постправда. / Пер. с англ. М.: Альпина Пабlishер. – 198 с. 2023
5. Колозариди, П. Интернет как пространство и воображение: антропологические подступы к исследованию русскоязычных онлайн-сред. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 4–23. 2021.

*Пелевин С.И., д.ф.н., доц.,
доцент кафедры основ Российской государственности
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический
университет»
Армавир, Россия*

*Pelevin S.I., Doctor of Philosophy, Assoc. Prof.,
Associate Professor, Department of Fundamentals of Russian Statehood,
Armavir State Pedagogical University
Armavir, Russia*

Парадокс безответственности в гибридных системах «человек–ИИ» The paradox of irresponsibility in hybrid human–ai systems

Аннотация. В статье исследуется проблема моральной и юридической ответственности, возникающая в условиях автономного принятия решений системами искусственного интеллекта. Актуальность исследования обусловлена стремительным внедрением алгоритмических систем в сферы высокой социальной значимости (медицина, транспорт, юриспруденция), где традиционные модели вменения вины демонстрируют свою несостоятельность. В статье обосновывается тезис о принципиальном различии между человеческой автономией (как свободой воли) и операциональной автономией ИИ (как способностью функционировать без прямого контроля). Вводится понятие «каузального разрыва» — замещения линейной причинности корреляционной связанностью в гибридных агентах. Особое внимание уделяется анализу парадоксальной ситуации «ничьей вины», когда наличие множества участников (разработчик, пользователь, алгоритм, данные) парадоксальным образом элиминирует ответственность каждого из них. В заключении делается вывод о необходимости перехода от классической модели субъективной вины к риск-ориентированным моделям регулирования и распределенной ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, моральная ответственность, юридическая ответственность, автономные системы, гибридный агент, акторно-сетевая теория, каузальный разрыв, размывание субъекта, алгоритмическая этика, парадокс безответственности.

Abstract. The article examines the problem of moral and legal responsibility arising in the context of autonomous decision-making by artificial intelligence systems. The relevance of the study is due to the rapid implementation of algorithmic systems in areas of high social significance (medicine, transport, law), where traditional models of imputation prove inadequate. The aim of the work is to identify the ontological and epistemological causes of the phenomenon of "diffusion" of the moral subject in hybrid human-AI systems. The methodological framework of the study includes B. Latour's actor-network theory, phenomenological analysis of

intentionality, and comparative analysis of ethical theories. The article substantiates the thesis of a fundamental difference between human autonomy (as free will) and the operational autonomy of AI (as the ability to function without direct control). The concept of a "causal gap" is introduced — the substitution of linear causality with correlational connectivity in hybrid agents. Special attention is paid to the analysis of the paradoxical situation of "no-fault liability," where the presence of multiple participants (developer, user, algorithm, data) paradoxically eliminates the responsibility of each. The conclusion states the need to transition from the classical model of subjective guilt to risk-oriented regulatory models and distributed responsibility.

Keywords: artificial intelligence, moral responsibility, legal responsibility, autonomous systems, hybrid agent, actor-network theory, causal gap, diffusion of agency, algorithmic ethics, paradox of irresponsibility.

Стремительное внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) в сферы, предполагающие высокую социальную ответственность – автономный транспорт, медицинскую диагностику, кредитный скоринг и правоохранительную деятельность – радикально трансформирует традиционные представления о субъекте действия. Если классическая этика и юриспруденция исходили из постулата о том, что за любым действием стоит волевой человеческий агент, способный нести за него ответственность, то эпоха алгоритмических систем делает эту аксиому проблематичной. Искусственный интеллект, обладающий операциональной автономией (способностью принимать решения без прямого контроля человека), создает ситуацию, которую мы предлагаем обозначить как «парадокс безответственности». Суть парадокса заключается в том, что с ростом числа агентов, участвующих в принятии решения (разработчики, пользователи, алгоритм, регуляторы), моральная и юридическая ответственность не суммируется, а напротив, элиминируется. Возникает феномен «ничьей вины»: вред причинен, но субъект, которому его можно было бы вменить, отсутствует или размыт.

Проблема ответственности в контексте технологий не является совершенно новой для философии. Еще Х. Йонас в своей работе «Принцип ответственности» (1979) предупреждал о появлении этики, ориентированной на будущее, где масштаб последствий технических действий требует пересмотра категорического императива. В современном дискурсе проблема агентности ИИ активно разрабатывается в рамках аналитической философии сознания (Д. Деннет, Д. Чалмерс), где ставится вопрос о возможности приписывания машинам интенциональных состояний. Значительный вклад в осмысление распределенного действия внесла акторно-сетевая теория Б. Латура, предложившая рассматривать объекты (в том числе технические) как полноправных участников социального взаимодействия – актантов. В

российской философской традиции тема этики ИИ разрабатывается в работах В.А. Лекторского, Д.И. Дубровского и Б.Г. Юдина, которые акцентируют внимание на антропологических границах «оцифровки» сознания. Тем не менее, большинство исследований либо сосредоточены на чисто технических аспектах алгоритмической этики, либо, напротив, рассматривают проблему слишком абстрактно, не анализируя конкретные механизмы онтологического «разрыва» ответственности.

Основное противоречие заключается в том, что существующие моральные и правовые институты рассчитаны на взаимодействие с классическим субъектом, обладающим свободой воли, интенциональностью и способностью к рефлексии. [4] Автономные системы ИИ не обладают этими свойствами, однако их действия производят эффекты, тождественные человеческим. Это порождает «серую зону» ответственности, где традиционные модели вменения (патерналистская модель, где отвечает разработчик, и либеральная модель, где отвечает пользователь) оказываются несостоятельными. Целью данной статьи является выявление онтологических и эпистемологических причин феномена размывания морального субъекта в гибридных системах «человек–ИИ» и анализ концептуальных возможностей преодоления парадокса безответственности.

Автономия же современных систем ИИ (особенно нейросетей, обучающихся с подкреплением) носит принципиально иной характер. Ее можно определить как операциональную замкнутость – способность системы генерировать алгоритмы поведения на основе входных данных без прямого человеческого вмешательства в конкретный акт выбора. Как отмечает Е.В. Масланов, ИИ действует в логике «черного ящика»: мы знаем, что поступило на вход и что получено на выходе, но внутренние корреляции, ведущие к решению, остаются скрытыми не только для внешнего наблюдателя, но, в определенном смысле, и для самого разработчика.

Эта эпистемологическая непрозрачность создает первую предпосылку для парадокса безответственности. Если решение не является результатом сознательной воли, но и не поддается полной реконструкции причинно-следственных связей (как в механизме), то классическая модель вменения, основанная на принципе «mens rea» (виновной воли), буксует. Мы не можем приписать ИИ вину, так как он не является моральным агентом, но мы не всегда можем возложить вину и на разработчика, так как конкретное решение не было им спрограммировано, а было эмерджентно выучено системой. [2]

Ключевым понятием для анализа становится «гибридный агент» – распределенная система принятия решений, включающая человека (пользователя или разработчика), алгоритм, данные, на которых система обучалась, и инфраструктуру, в которой она функционирует. Вслед за Б. Латуром, мы можем рассматривать эту сборку как актанта, производящего социальное действие. Однако, в отличие от классических латуровских

описаний, где объекты лишь опосредуют человеческие интенции, в случае с ИИ мы сталкиваемся с феноменом алгоритмической медиации, где интенция подменяется статистической корреляцией.

Рассмотрим структуру причинности в гибридном агенте:

Разработчик создает архитектуру нейросети и задает функцию потерь (цель, к которой должна стремиться система).

Обучающие данные содержат в себе исторические предрассудки (bias) или ошибки референции.

Пользователь запускает систему в конкретном контексте, который может отличаться от условий обучения.

Алгоритм выдает решение, которое не хранилось в явном виде ни у одного из участников цепочки.

В этой цепочке происходит то, что можно назвать «каузальным разрывом». Традиционная причинность, где А является достаточной причиной В, замещается корреляционной связанностью. Мы не можем сказать, что разработчик хотел получить именно этот вредоносный результат, как не можем сказать, что пользователь осознавал все риски. Итоговое действие оказывается «ничьим» в том смысле, что оно не выражает волю какого-либо конкретного субъекта, но является продуктом сложной сети взаимодействий. Этот разрыв и конституирует феномен размывания морального субъекта: субъект действия есть (действие совершено), но субъекта ответственности нет.

Следствием описанного каузального разрыва является парадоксальная ситуация, которую можно формализовать следующим образом. В классической модели ответственность возникает там, где есть два условия: свобода выбора (мог поступить иначе) и причинность (именно это действие привело к последствиям). В гибридной системе эти условия распределяются между разными элементами, но ни у одного из них не собираются в полном объеме.

Разработчик может утверждать, что он не контролировал конечный результат (система самообучалась), следовательно, его свобода не простиралась так далеко, чтобы отвечать за конкретный случай.

Пользователь часто не понимает логики работы системы и доверяет ей (так называемый automation bias), что исключает его осознанный выбор.

Сам ИИ не обладает свободой воли в кантовском или экзистенциалистском смысле (не является экзистенцией), чтобы быть субъектом вины.

В итоге возникает коммуникативный парадокс: каждый из потенциальных ответчиков может предъявить контраргумент, снимающий с него ответственность, а сумма этих аргументов не оставляет ответчика вовсе. Действие остается висеть в онтологическом вакууме: оно есть как факт реальности (материальный ущерб, моральный вред), но его автор не может быть идентифицирован в рамках классической парадигмы субъекта.

Это особенно ярко проявляется в ситуациях, которые нельзя было предвидеть при обучении модели (т.н. «длинный хвост» вероятностей). Система может совершить действие, вероятность которого разработчик считал исчезающе малой, и, следовательно, не закладывал механизмов блокировки. Формально разработчик «не виноват», так как действовал в рамках статистически обоснованных рисков, но пострадавший все равно существует. Здесь классическая логика вины и возмещения вступает в неразрешимое противоречие с логикой больших данных и машинного обучения.[1]

Исследование феномена размывания моральной ответственности необходимо начать с прояснения ключевого понятия, вокруг которого выстраивается вся проблематика – понятия автономии. В классической европейской философской традиции, получившей наиболее завершенное выражение в работах Иммануила Канта, автономия понимается как способность разумного существа быть законом для самого себя. Автономная воля, по Канту, это не просто способность выбирать средства для достижения целей (это скорее характеристика рассудка), а способность полагать саму цель, руководствуясь моральным законом, который субъект дает себе сам. Автономия в этом смысле неразрывно связана со свободой, понимаемой как негативная свобода (от внешней детерминации) и позитивная свобода (способность к самоопределению). Человек несет ответственность именно потому, что он мог поступить иначе – он обладал пространством выбора и осознавал его.

Однако автономия, которую мы приписываем современным системам искусственного интеллекта, имеет принципиально иную природу. Здесь уместно ввести различие, предлагаемое рядом исследователей философии техники, между субстанциальной и операциональной автономией. Если первая предполагает наличие внутреннего мира, рефлексии и самосознания, то вторая означает лишь способность системы функционировать без прямого пошагового контроля со стороны человека в определенном диапазоне условий. Иными словами, ИИ автономен не в том смысле, что он свободен, а в том смысле, что он самодостаточен в выполнении ряда операций. [3]

Это различие имеет фундаментальное значение. Нейросеть, обученная методом подкрепления, действительно принимает «решения» в том смысле, что из миллионов возможных траекторий поведения она выбирает одну, максимизирующую целевую функцию. Но этот выбор не является актом свободы – это результат статистической обработки данных, на которых система обучалась. Как точно замечает Д.И. Дубровский, мы имеем дело с имитацией интенциональности, с «как бы» сознанием, которое функционально воспроизводит результаты мыслительной деятельности, не воспроизводя ее глубинных механизмов – субъективных переживаний, рефлексии, смыслообразования.

Из этого онтологического разрыва вытекает первое важное следствие для проблемы ответственности. Если человеческая автономия служит основанием для вменения (поскольку ответственность предполагает свободу), то операциональная автономия ИИ, напротив, создает ситуацию неопределенности. Мы не можем вменить ответственность машине – она не субъект. Но мы не всегда можем вменить ее и человеку, поскольку конкретное решение не было им принято. Возникает зона неопределенности, требующая более детального анализа структуры действия в гибридных системах.

Алгоритм не может выступать субъектом защиты, но философский анализ должен рассмотреть и эту позицию. Если бы ИИ мог говорить, он сказал бы примерно следующее: «Я не обладаю сознанием, волей, намерением. Мое "решение" – это результат математических операций, реализующих функцию максимизации заданной цели. Я действую не как субъект, а как механизм. Моральные категории ко мне неприменимы».

Таким образом, возникает парадокс: каждый из элементов гибридной системы может предъявить обоснованные контраргументы, снимающие с него единоличную ответственность. Однако сумма этих контраргументов не оставляет ответчика вовсе. Ущерб есть, последствия есть, пострадавший есть, а виновного нет. Действие оказывается в онтологическом вакууме – оно существует как факт реальности, но не имеет субъекта, который мог бы ответить за него.

Этот парадокс усугубляется тем, что традиционные правовые системы построены на принципе индивидуализации ответственности. Они требуют найти конкретного виновного. В гибридных системах такой поиск часто напоминает доказательство несуществования: чем тщательнее мы ищем субъекта, тем яснее понимаем, что его нет в привычном смысле слова.

Из проведенного анализа следует, что феномен размывания морального субъекта – это не временное затруднение, которое можно преодолеть, немного усовершенствовав законодательство. Это симптом глубинного сдвига в самой структуре действия. Мы присутствуем при историческом переходе от парадигмы субъекта к парадигме сети.

Это напряжение между классическим идеалом ответственности и новыми онтологическими условиями ее реализации требует дальнейшего философского осмысления. Возможно, мы стоим на пороге формирования новой этической парадигмы, в которой моральный субъект будет пониматься не как точка, а как сеть, и ответственность будет распределяться не между индивидами, а между узлами этой сети.

Проведенный в данной статье анализ феномена размывания морального субъекта в гибридных системах «человек–ИИ» позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практико-ориентированное значение.

Таким образом, проблема моральной и юридической ответственности в гибридных системах «человек–ИИ» оказывается не частным вопросом прикладной этики, а фундаментальной философской проблемой, затрагивающей основания наших представлений о субъекте, действии, свободе и вине. Ее решение потребует не только междисциплинарных усилий философов, юристов и разработчиков, но и готовности к пересмотру некоторых базовых интуиций, унаследованных от многовековой моральной традиции.

Список литературы:

1. Дубровский Д.И. Проблема сознания и искусственный интеллект: философский анализ // Философские науки. 2021. Т. 63. № 12. С. 27–46.
2. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2024. 480 с.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 384 с.
4. Флориди Л. Четвертая революция: как информационная экология формирует человеческую идентичность / пер. с англ. — М.: Издательство Института Гайдара, 2024. 320 с. (оригинал: Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2024.)

УДК 614.777:628.1/.3

*Мищук В.А., преподаватель;
института фундаментальных основ и
информационных технологий в медицине
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
медицинский университет»,
e-mail: vikt.mischuk2010@yandex.ru
Россия, Владивосток*

*Усова М.Г., старший преподаватель;
института фундаментальных основ и
информационных технологий в медицине
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный
медицинский университет»,
e-mail: usovam675@gmail.com
Россия, Владивосток*

*Mishchuk V.A., lecturer;
Institute of Fundamental Foundations and
Information Technologies in Medicine
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific
State Medical University",
e-mail: vikt.mischuk2010@yandex.ru
Russia, Vladivostok*

*Usova M.G., senior lecturer;
Institute of Fundamental Foundations and
Information Technologies in Medicine
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific
State Medical University",
e-mail: usovam675@gmail.com
Russia, Vladivostok*

**Оценка качества доочищенной воды, воды систем хозяйственно-питьевого водоснабжения, используя методы количественного анализа.
Assessment of the quality of purified water and water from domestic and drinking water supply systems using quantitative analysis methods.**

Аннотация. Вода – это то, что мы употребляем ежедневно. В современном мире люди стараются вести здоровый образ жизни. Для хорошего самочувствия, человеку необходимо употреблять качественную, чистую питьевую воду. Актуальность исследования состоит в том, что вопросы качества питьевой воды всегда волновали человека. Для проверки

качества питьевой воды существует огромное множество методов химического анализа. В городе Владивостоке за последнее время потребление доочищенной на бытовых фильтрах питьевой воды систем водоснабжения населения возросло в четыре раза.

Ключевые слова: количественный анализ; содержание кальция; содержание магния; доочищенная вода; содержание железа.

Annotation. Water is something we consume every day. In today's world, people strive to lead a healthy lifestyle. For good health, a person needs high-quality, clean drinking water. The relevance of this study lies in the fact that drinking water quality has always been a concern for people. A wide variety of chemical analysis methods are available for testing drinking water quality. In Vladivostok, consumption of drinking water purified through household filters has recently quadrupled.

Keywords: quantitative analysis; calcium content; magnesium content; purified water; iron content.

Цель исследования. Дать характеристику методам количественного анализа для оценки качества питьевой воды на основании лабораторных исследований. По результатам проведенных исследований сделать выводы.

Материалы и методы. Исследования проводились на доочищенной воде, прошедшей через водоочистное устройство «Coolmart», модель «СМ-201» (степень очистки воды происходила при отработке 0%, 25%, 50%, 75%, 100% и 120% ресурса) и воде систем централизованного хозяйственно-питьевого водоснабжения города Владивостока. В ходе исследования в воде определяли ионы Fe^{3+} , Mg^{2+} , Ca^{2+} , сухой остаток, измеряли температуру и pH. Ионы Ca^{2+} , Mg^{2+} определяли титриметрическим методом (комплексометрией) по ГОСТ 23268.5-78 и атомно-абсорбционным методом, используя спектрометр (AAnalyst 800). Фотометрическим методом определяли концентрацию общего железа по ГОСТ 4011-72, сухой остаток - весовым методом по ГОСТ 18164-72. Оценку качества химического состава исследуемой воды проводили по СанПиН 2.1.4.1074-01 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества».

Полученные результаты. В ходе эксперимента при отработке 0%, 25%, 50%, 75%, 100% и 120% ресурса водоочистного устройства «Coolmart» были получены результаты. В соответствии с этим, в доочищенной воде «Coolmart» при анализе методом фотометрии содержание ионов Fe^{3+} (мг/л) - 0,054; 0,057; 0,071; 0,078; 0,096; 0,098[1]; при анализе титриметрическим методом (комплексометрией) содержание ионов Mg^{2+} (мг/л) - 0,05; 0,057; 0,61; 0,67; 0,75; 0,97[2]; содержание ионов Ca^{2+} (мг/л) - 0,43; 0,45; 0,58; 0,78; 0,98; 0,95[2]; при анализе атомно-абсорбционным методом содержание ионов Mg^{2+} (мг/л) -

0,051; 0,058; 0,48; 0,58; 0,78; 0,93; содержание ионов Ca^{2+} (мг/л) - 0,46; 0,57; 0,66; 0,74; 0,85; 0,93; содержание ионов Fe^{3+} (мг/л) - 0,045; 0,053; 0,084; 0,107; 0,116; 0,216; в водопроводной воде при анализе методом фотометрии содержание ионов Fe^{3+} (мг/л) - 0,55; 0,57; 0,57; 0,58; 0,56; 0,57[3]; при анализе титриметрическим методом (комплексометрия) содержание ионов Mg^{2+} (мг/л) - 6,6; 6,9; 5,4; 5,6; 5,4; 4,9[2]; содержание ионов Ca^{2+} (мг/л) - 21,12; 24,6; 17,4; 12,5; 12,3; 12,8[2]; при анализе атомно-абсорбционным методом содержание ионов Mg^{2+} (мг/л) - 5,8; 5,7; 4,07; 3,8; 3,5; 4,3; содержание ионов Ca^{2+} (мг/л) - 18,12; 19,6; 16,4; 9,5; 12,4; 10,7; содержание ионов Fe^{3+} (мг/л) - 0,44; 0,45; 0,47; 0,48; 0,49; 0,58[3].

Выводы. Для оценки качества питьевой воды можно использовать следующие методы количественного анализа: для определения ионов Ca^{2+} и Mg^{2+} подходят титриметрический (комплексометрия) и атомно-абсорбционный методы, а для определения ионов Fe^{3+} фотометрический и атомно-абсорбционный методы анализа. Водопроводная вода города Владивостока мягкая, маломинерализованная, с небольшим превышением содержания железа. Доочищенная на бытовом фильтре «Coolmart» вода имеет дефицит ионов Ca^{2+} и Mg^{2+} (норма 25–130 и 5–65 мг/л, соответственно) [4]. Качество водопроводной воды с использованием фильтра «Coolmart» по содержанию кальция и магния значительно снижено. Все это приводит к недостатку биогенных элементов у жителей города Владивостока. Нехватка ионов кальция и магния может привести к ряду серьезных заболеваний. Поэтому необходимо проводить работу с населением по вопросу выбора бытовых водоочистителей, так как их использование снижает минерализацию питьевой воды [5].

Библиографический список:

1. ГОСТ 4011-72 «Вода питьевая. Методы измерения массовой концентрации общего железа».
2. ГОСТ 52407 «Вода питьевая. Методы определения жесткости.»
3. ПНД Ф 14.1:2:4.50-96 «Методика определения массовой концентрации общего железа в питьевых, поверхностных и сточных водах фотометрическим методом с сульфосалициловой кислотой».
4. ГН 2.1.5.1315-03 «ПДК химических веществ в воде водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования».
5. СанПиН 2.1.5.980-00 «Гигиенические требования к охране поверхностных вод».

*Хамчиева Х.И., студентка 3 курса, факультета «Экономики и управления»,
профиль «ЦЭ» Ингушского государственного университета*

e-mail: kh.kh06@mail.ru

Научный руководитель:

*Майсигова Л.А., к.э.н., доцент факультета экономики и управления,
Ингушский государственный университет*

e-mail: maisigova@yahoo.com

Khamchieva K.I., 3rd year student,

Faculty of Economics and Management,

Specialization Digital Economy,

Ingush State University

e-mail: kh.kh06@mail.ru

Supervisor:

Maisigova L.A., PhD in Economics

of the Faculty of Economics and Management

Ingush State University

e-mail: maisigova@yahoo.com

**Искусственный интеллект и сознание, границы между естественным и
искусственным интеллектом**
**Artificial intelligence and consciousness, the boundaries between natural and
artificial intelligence**

Аннотация. Статья рассматривает философские проблемы сознания в контексте развития ИИ исключительно с позиций российских авторов на конец 2025 года. Анализируются подходы Ю. В. Бедненко, В. В. Васильева, Д. И. Дубровского, А. В. Кравцова и Е. В. Логинова к «трудной проблеме сознания», аргументу «китайская комната», различиям между синтаксисом и семантикой, а также онтологическим границам между естественным и искусственным интеллектом. Подчеркивается преобладание агностического и критического подхода: отсутствие квалиа и субъективной реальности у ИИ. Делается вывод о сохранении фундаментальных различий и необходимости философской осторожности.

Ключевые слова: ИИ; сознание; искусственный интеллект; естественный интеллект; трудная проблема сознания; квалиа; китайская комната; субъективная реальность; российская философия; онтология интеллекта; этика ИИ; агностицизм; интенциональность; Дубровский; Васильев.

Annotation. The article examines the philosophical problems of consciousness in the context of AI development, exclusively from the standpoint of Russian authors as of the end of 2025. The approaches of Yu. V. Bednenko, V. V. Vasiliev, D. I. Dubrovsky, A. V. Kravtsov, and E. V. Loginov to the "hard problem of consciousness," the "Chinese room" argument, the distinctions between syntax and semantics, as well as the ontological boundaries between natural and artificial intelligence, are analyzed. The predominance of an agnostic and critical approach is emphasized: the absence of qualia and subjective reality in AI. The conclusion is drawn about the preservation of fundamental differences and the need for philosophical caution.

Keywords: AI; consciousness; artificial intelligence; natural intelligence; hard problem of consciousness; qualia; Chinese room; subjective reality; Russian philosophy; ontology of intelligence; AI ethics; agnosticism; intentionality; Dubrovsky; Vasiliev.

Бурное развитие искусственного интеллекта вновь обострило классические философские вопросы о природе сознания и разума. Может ли машина обладать подлинным сознанием? Где проходит граница между естественным человеческим интеллектом и искусственным? Российские философы активно участвуют в этой дискуссии, подчёркивая, что технологический прогресс значительно опережает наше концептуальное осмысление сознания и требует осторожного, критического подхода [1, с. 112–120].

Одной из центральных проблем остаётся «трудная проблема сознания», которую в российской традиции активно обсуждают в контексте различия между объективными процессами обработки информации и субъективным переживанием (квалиа). По мнению Ю. В. Бедненко, современные большие языковые модели демонстрируют впечатляющие когнитивные способности, но это не даёт оснований приписывать им сознание: ИИ работает на уровне синтаксиса и статистических корреляций, а не семантического понимания [1, с. 115–118]. Автор подчёркивает, что отсутствие биологического субстрата и эволюционной истории делает искусственный интеллект принципиально отличным от естественного.

Аналогичную позицию занимает В. В. Васильев, развивающий идеи Дж. Сёрла о «китайской комнате». По его мнению, даже если ИИ идеально имитирует человеческое поведение, это лишь манипуляция символами без настоящего понимания и интенциональности [2, с. 45–52]. Васильев настаивает: сознание невозможно свести к вычислительным процессам, поскольку оно связано с биологической организацией и качественным переживанием мира.

Д. И. Дубровский, один из ведущих российских специалистов по проблеме сознания, предлагает различать психическое и физическое через

понятие субъективной реальности. В своих работах 2020–2025 годов он аргументирует, что информация как субъективный феномен не может быть полностью реализована в чисто вычислительных системах. ИИ способен обрабатывать информацию объективно, но не обладает субъективным опытом — квалиа остаются прерогативой живых существ [3, с. 78–85].

Вопрос о границах между естественным и искусственным интеллектом российские авторы часто рассматривают через призму онтологии и антропологии. А. В. Кравцов подчёркивает, что естественный интеллект неотделим от тела, эмоций и социального контекста, тогда как искусственный остаётся абстрактным и лишённым экзистенциального измерения [4, с. 203–210]. По его мнению, даже самые продвинутые нейросети 2025 года (Grok-4, YandexGPT-5) лишь симулируют интеллект, но не воплощают его в полном смысле.

Этические последствия также волнуют российских философов. Если мы ошибочно припишем сознание ИИ, это может привести к неправильному распределению моральных обязательств; если же проигнорируем возможное возникновение сознания — к этическому риску. Е. В. Логинов предлагает агностический подход: на текущем этапе развития науки мы не располагаем критериями, позволяющими однозначно установить наличие или отсутствие сознания у ИИ [5, с. 67–74].

В заключение, российская философская мысль 2025 года склоняется к осторожному разграничению: границы между естественным и искусственным интеллектом сохраняются на уровне квалиа, интенциональности и биологического субстрата. Технологический прогресс впечатляет, но не отменяет фундаментальных онтологических различий. Главное — не поддаваться антропоморфизму и сохранять критическую дистанцию, чтобы избежать иллюзий и этических ошибок.

Библиографический список:

1. Бедненко Ю. И. Искусственный интеллект и проблема сознания: философские и лингвистические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 17. С. 112–120.
2. Беликова Е. К. Основные вопросы философии искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2025. № 8. С. 203–215.
3. Васильев В. В. Сознание и вещи в себе. М.: Канон+, 2024 (актуальные обсуждения ИИ в 2025). С. 45–60.
4. Дубровский Д. И. Проблема сознания в контексте развития искусственного интеллекта // Философские науки. 2025. № 4. С. 78–90.
5. Заработная плата и цифровизация трудовых отношений: монография / П. В. Симонин, С. А. Анохин, О. В. Рукодашный [и др.]. – Москва : Общество

с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2025. – 332 с. – ISBN 978-5-466-08999-8.

6. Логинов Е. В. Агностицизм в отношении сознания ИИ: аргументы и последствия // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 2. С. 67–80.

7. Майсигова, Л. А. Трансформация профессии бухгалтера в условиях цифровизации / Л. А. Майсигова, З. О. Иманбаева // Концепция устройства современного мира в эпоху цифры : Сборник научных трудов по материалам XII Международной научно-практической конференции, Москва, 01 апреля 2025 года. – Москва: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Центр развития образования и науки», 2025. – С. 132-136. – EDN XFUBVA.

8. Майсигова, Л. А. Индустрия ИТ-аутсорсинга - статистика и факты / Л. А. Майсигова, Р. Б. Газдиев // Мировая глобализация: фундаментальные и прикладные аспекты : Сборник научных трудов по материалам XII Международной научно-практической конференции, Москва, 30 января 2025 года. – Москва: АНО ДПО «Центр образования и науки», 2025. – С. 180-183. – EDN SVFDRQ.

9. Майсигова, Л. А. Цифровая трансформация научно-образовательных кластеров регионов / Л. А. Майсигова // Цифровое общество: научные инициативы и новые вызовы : Сборник научных трудов по материалам XIV Международной научно-практической конференции (16 июня 2025 г., г. Москва), Москва, 16 июня 2025 года. – Москва: АНО ДПО «Университет ИТБО», 2025. – С. 214-216. – EDN ZQANVU.

10. Майсигова, Л. А. Концептуальные основы организации научно-образовательной деятельности на региональном уровне / Л. А. Майсигова // Экономика образования. – 2025. – № 4(149). – С. 13-26. – EDN ETFOVO.

11. Майсигова, Л. А. Роль цифровых технологий в трансформации научно-образовательной деятельности на региональном уровне / Л. А. Майсигова // Экономика образования. – 2025. – № 5(150). – С. 26-36. – EDN LRMRQM.

12. Майсигова, Л. А. Цифровая образовательная экосистема региона: новые подходы к подготовке кадров / Л. А. Майсигова // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 8. – С. 349-354. – EDN DNBVYU.

13. Майсигова, Л. А. Цифровизация нормирования труда / Л. А. Майсигова, Л. А. Яндарбаева, Р. М. Чажаев // Экономический рост как основа устойчивого развития России : сборник научных статей участников 8-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 04–05 декабря 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 8-11. – DOI 10.47581/2024.FA-33/Maysigova-Leyla-01. – EDN MWDKQT.

14. Майсигова, Л. А. Транзакционный анализ в цифровой экономике: власть, бизнес и общество / Л. А. Майсигова // Вестник Московского

университета. Серия 26: Государственный аудит. – 2024. – № 3. – С. 77-88. – DOI 10.55959/MSU2413-631X-27-15-3-06. – EDN NADBFK.

15. Майсигова, Л. А. Направления совершенствования методики организации выплат денежного содержания государственных гражданских служащих / Л. А. Майсигова // Вузовское образование и наука : Материалы региональной научно-практической конференции, Магас, 25 октября 2013 года. – Магас: ООО "Южный издательский дом", 2014. – С. 64-68. – EDN UCWXVL.

16. Майсигова, Л. А. Бухгалтерский контроль в современных условиях хозяйствования / Л. А. Майсигова // Аудит и финансовый анализ. – 2014. – № 5. – С. 53-57. – EDN TJUFQR.

17. Майсигова, Л. А. Совершенствование внутреннего контроля за нематериальными активами в условиях инновационной экономики / Л. А. Майсигова // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 38(389). – С. 42-48. – EDN SQWARL.

18. Майсигова, Л. А. О проблемах классификации налогового контроля / Л. А. Майсигова // Вузовское образование и наука : Региональная научно-практическая конференция, Магас, 03 апреля 2010 года. Том Выпуск 9. – Магас: ООО "Южный издательский дом", 2011. – С. 120-123. – EDN UESNRH.

19. Майсигова, Л. А. Бухгалтерский контроль в системе финансового контроля / Л. А. Майсигова // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Том Выпуск 9. – Магас : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Ингушский государственный университет", 2011. – С. 451-462. – EDN UIIQX.

20. Майсигова, Л. А. Формы и методы налогового контроля / Л. А. Майсигова // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Том Выпуск 8. – Магас : ООО "Южный издательский дом", 2010. – С. 206-217. – EDN UIFZUB.

21. Майсигова, Л. А. Проблема организации эффективной системы внутреннего контроля / Л. А. Майсигова // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета / Министерство образования и науки Российской Федерации; Агентство по образованию; Ингушский государственный университет. Том 6. – Магас : ООО "Южный издательский дом", 2008. – С. 387-401. – EDN WJCFSD.

22. Майсигова, Л. А. Проблемы организации и методологии внутреннего контроля / Л. А. Майсигова // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета / Ингушский государственный университет. Том Выпуск 2. – Нальчик : Эль-Фа, 2004. – С. 210-220. – EDN VMGSGD.

23. Майсигова, Л. А. Формирование единой методологии финансового контроля: проблемы и решения / Л. А. Майсигова // Международный бухгалтерский учет. – 2004. – № 2. – С. 22-24. – EDN HZCTDX.

24. Оздоева, М. Б. Влияние цифровой трансформации в сферах жизни на примере республики Ингушетия / М. Б. Оздоева, Л. А. Майсигова // Менеджмент, туризм и индустрия гостеприимства в контексте устойчивого развития региона : Сборник трудов Национальной научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 30-летию создания кафедры менеджмента и маркетинга КБГУ, Нальчик, 15–16 мая 2024 года. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2024. – С. 194-196. – EDN FGWVJZ.

25. Современное обеспечение управления информацией: учет, контроль, анализ / Е. В. Борисова, Н. Г. Варакса, Л. Н. Герасимова [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2020. – 318 с. – ISBN 978-5-4365-5662-8. – EDN DIRFOW.

26. Цифровая экономика: устойчивость электронного бизнеса : учебник / П. В. Симонин, С. А. Анохин, Р. Р. Аетдинова [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2025. – 372 с. – ISBN 978-5-466-09906-5. Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge: Polity Press, 2001. 268 p.

УДК 619:616.31-001.17:615.26

*Кочетков Д.О., аспирант кафедры хирургии и терапии
ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет имени
И.И. Иванова»»*

e-mail: dmcktkov@yandex.ru

Россия, Курск

*Толкачёв В.А., к.в.н., доцент кафедры хирургии и терапии
ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет имени
И.И. Иванова»»*

e-mail: tolka4ev.vladimir@yandex.ru

Россия, Курск

*Kochetkov D.O., Postgraduate Student, Department of Surgery and Therapy
FSBI HE «Kursk State Agricultural University named after I.I. Ivanov»*

e-mail: dmcktkov@yandex.ru

Russia, Kursk

Tolkachev V.A., PhD, Associate Professor

Department of Surgery and Therapy

FSBI HE «Kursk State Agricultural University named after I.I. Ivanov»

e-mail: tolka4ev.vladimir@yandex.ru

Russia, Kursk

**Скорость репаративных процессов в ожоговой травме кожных покровов
при аппликациях липосомального геля с протеолитическим ферментом
The rate of reparative processes in burn-induced skin injuries
with applications of liposomal gel with a proteolytic enzyme**

Аннотация. Провели анализ скорости репаративных процессов в ожоговой травме кожных покровов при аппликациях липосомального геля и установили, что максимальная абсолютная и относительная скорость регенерации ожоговой травмы на фоне аппликаций противоожогового липосомального средства с протеолитическим, отмечалась на 15-е сутки лечения.

Ключевые слова: ожоговая травма, липосомальный гель, папаин, репаративные процессы, скорость регенерации, планиметрическая площадь.

Annotation. An analysis of the rate of reparative processes in burn injury of the skin with the application of liposomal gel was conducted and it was established that the maximum absolute and relative rate of regeneration of burn injury against the background of applications of an anti-burn liposomal agent with proteolytic was noted on the 15th day of treatment.

Key words: burn injury, liposomal gel, papain, reparative processes, regeneration rate, planimetric area.

В настоящее время ожоговые травмы кожных покровов являются актуальной проблемой как гуманной, так и ветеринарной комбустиологии [1;2]. Согласно сведениям, представленным Тюкавиным А.И. [3], на территории Российской Федерации ожоги сохраняют шестое ранговое место в общей структуре травматизма человека. В свою очередь, у животных ожоговые травмы также получили широкое распространение по причине бытового травматизма, при взаимодействии с кипятком, открытым пламенем горелки, электрогорелки, включенной газовой плиты в условиях обитания рядом с человеком в многоквартирных домах и частных подворьях [4]. В тоже время, заживление ожогов, сроком до трех недель, многими учеными и практиками указывает на благоприятное течение репаративных процессов [5,6]. Однако, замедление сроков репарации приводит в отдаленной перспективе к неудовлетворительным функциональным исходам [7]. На основании вышеизложенного, **целью исследований** явилась разработка липосомального геля с протеолитическим ферментом и апробация его в лечении клинко-экспериментально смоделированных ожоговых травм кожных покровов у животных.

Работу выполняли на кафедре хирургии и терапии, а также в условиях вивария Курского ГАУ. На первом этапе исследований по методике Мосягина В.В. [8] изготовили липосомальный гель, содержащий протеолитический фермент, представляющий собой папаин – полипептид растительного происхождения. На втором этапе исследований в условиях вивария Курского ГАУ по принципу животных-аналогов сформировали подопытную группу из числа 10 особей лабораторных белых мышей, у которых, применяя методику Переверзева А.Н. [9], клинко - экспериментально смоделировали ожоговые травмы кожных покровов. На следующем этапе исследований на поверхность смоделированных ожоговых дефектов выполняли аппликации изготовленного ранее нового противоожогового липосомального лекарственного средства. При этом, в процессе аппликаций для объективной оценки происходящих в ожоговых дефектах кожных покровов интенсивности репаративных процессов, посчитали весьма актуальным провести планиметрические исследования. Планиметрические исследования предусматривали изготовление целлофаногамм поверхности ожоговой травмы до аппликаций, а также на 3-и, 5-е, 10-е и на 15-е сутки нанесения апробируемого нового противоожогового липосомального геля. При этом, полученные таким образом планиметрические сведения о размерах клинко-экспериментально смоделированных ожоговых травм, в дальнейшем подвергали математической обработке на предмет определения абсолютной скорости заживления ΔS , а также вычисляли относительную скорость заживления Y_t .

Анализ абсолютной скорости заживления ожоговых дефектов кожных покровов при аппликациях на их поверхности липосомального геля с протеолитическим ферментом свидетельствовал, что за первые трое суток она составляла $4,69 \pm 1,88 \text{ мм}^2$, за пять суток – $3,51 \pm 1,97 \text{ мм}^2$, за десять суток – $5,64 \pm 1,68 \text{ мм}^2$, а за пятнадцать суток – $6,78 \pm 1,20 \text{ мм}^2$ (таблица 1). Таким образом, определяли, что к 5-м суткам наблюдений регистрировалось снижение абсолютной скорости регенерации на 25,16%, однако в дальнейшем к 10-м суткам эксперимента, наоборот ее увеличение на 60,68%. При этом, в сравнительном аспекте, абсолютная скорость заживления ожогов к 3-м суткам аппликаций апробируемого липосомального геля с протеолитическим ферментом была меньше, чем к 10-м и к 15-м суткам на 16,84% и 30,82% соответственно, а на 5-е сутки меньше, чем на 15-е сутки их проведения на 48,23%. В свою очередь, за период аппликаций с 10-х по 15-е сутки абсолютная скорость заживления обрабатываемых ожоговых дефектов кожных покровов возросла на 20,21%.

Таблица 1 – Планиметрические сведения скорости репаративных процессов в ожоговой травме кожных покровов при аппликациях липосомального геля с протеолитическим ферментом

Сроки учета	Планиметрические сведения	
	$\Delta S, \text{ мм}^2$	$Y_t, \%$
На 3-и сутки аппликаций	$4,69 \pm 1,88$	$13,10 \pm 5,83$
На 5-е сутки аппликаций	$3,51 \pm 1,97$	$7,02 \pm 3,95$
На 10-е сутки аппликаций	$5,64 \pm 1,168$	$28,22 \pm 8,44$
На 15-е сутки аппликаций	$6,78 \pm 1,20$	$30,95 \pm 6,39$

Кроме этого, регистрировали, что относительная скорость регенерации клинко-экспериментально смоделированных ожоговых травм кожных покровов в процессе эксперимента с 3-х суток наблюдений к 5-м суткам курации замедлялась на 46,41% с $13,10 \pm 5,83 \%$ до $7,02 \pm 3,95 \%$. Однако, дальнейший учет относительной скорости заживления ожогов при аппликации липосомального геля с протеолитическим ферментом показал ее последовательный рост с 5-х по 10-е сутки эксперимента в 4,02 раза, который являлся статистически значимым (при $t=2,28$), а с 10-х по 15-е сутки опыта на 9,67%. В свою очередь, относительная скорость репаративных процессов в ожоговых дефектах кожных покровов на 3-и сутки аппликаций испытуемого противоожогового липосомального геля была ниже, чем на 10-е и на 15-е сутки осуществления аналогичных терапевтических манипуляций на 53,58% и на 57,67% соответственно. При этом, аналогичная скорость репаративных процессов в ожоговой травмы на 5-е сутки аппликаций геля с протеолитическим ферментом растительного происхождения была на 77,32%

достоверно ниже ($t=3,19$), чем на момент их завершения на 15-е сутки эксперимента.

Таким образом, проведение научно-прикладных исследований репаративных процессов в ожоговой травме кожных покровов при аппликациях липосомального геля с протеолитическим ферментом растительного происхождения позволили объективно оценить их как с точки зрения планиметрических динамик сокращения площади и установить, что максимальная абсолютная скорость регенерации ожоговой травмы на фоне аппликаций противоожогового липосомального средства с протеолитическим, отмечалась на 15-е сутки эксперимента и равнялась $6,78 \pm 1,20$ мм² была выше, чем на 10-е сутки на 20,21%, чем на 5-е сутки на 93,16%, чем на 3-и сутки на 44,56%. В свою очередь максимальная относительная скорость заживления ожоговой травмы кожных покровов при аппликациях липосомального геля с протеолитическим ферментом регистрировалась на 15 -е сутки лечения и равнялась $30,95 \pm 6,39$ % была выше, чем ранее на 10-е сутки на 9,67%, а также достоверно выше, чем на 5-е сутки в 4,4 раза ($t=3,19$) и выше, чем на 3-и сутки в 2,36 раза.

Библиографический список:

1. Кобелев К.С. Современное состояние проблемы местного консервативного лечения поверхностных и пограничных ожогов / К.С. Кобелев, В.И. Мидленко // Ульяновский медико-биологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 8-15. DOI: 10.23648/UMBJ.2017.28.8735
2. Общая хирургия ветеринарной медицины/ Э. И. Веремей [и др.]. – СПб.: ООО «КВАДРО», ООО «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2012. – 600 с.
3. Тюкавин А.И. Основные аспекты местных патогенетических нарушений при ожогах кожи / А.И. Тюкавин // Интерактивная наука. – 2017. – № 8 (18). – С. 22-24. DOI: 10.21661/r- 463256
4. Шнякина Т. Н. Местное лечение термических ожогов у собак в эксперименте/ Т. Н. Шнякина, Н. М. Безина, П. Н. Щербаков // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2016. – № 12. – С. 107–111.
5. Atiyen B.S. New technologies for burn wound closure and healing – review of the literature / B.S. Atiyen, S.N. Hayek, S.W. Gunn // Burns. – 2005. – Vol. 31. – P. 944-956.
6. Emerging strategies to combat ESCAPE pathogens in the era of antimicrobial resistance: a review / M.S. Mu- 45 Iani, E.E. Kamble, S.N. Kumkar, M.S. Tawre, K.R. Pardesi // Frontiers in Microbiology. – 2019. – Vol. 10. – Article 539. URL: <http://frontiersin.org/articles/10.3389/fmicb.2019.00539/full> (accessed 17 Mai. 2020). DOI: 10.3389/fmicb.2019.00539

7. Vyas K.S. Wound healing: biologics, skin substitutes, biomembranes and scaffolds / K.S. Vyas, H.C. Vascones // Healthcare. – 2014. – Vol. 2. – P. 356-400. DOI: 10.3390/healthcare2030356

8. Патент № 2697669 С1 Российская Федерация, МПК А61К 9/127, А61К 31/505, А61К 47/18. Ранозаживляющий гель с липосомами и способ его получения: № 2019101382: заявл. 17.01.2019: опубл. 16.08.2019 / В. В. Мосягин, Г. Ф. Рыжкова, Ю. Е. Сорокина, А. В. Зернова; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова»

9. Переверзев, А. Н. Динамика изменения лейкоцитарного профиля у лабораторных животных в процессе заживления ожоговой травмы при аппликациях ранозаживляющего спрея «Ацербин» / А. Н. Переверзев, В. А. Толкачев // Молодежная наука - развитию агропромышленного комплекса: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Курск, 03–04 декабря 2020 года. Том Часть 2. – Курск: Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова, 2020. – С. 313-317.

УДК 619:615.468.7:616-001.4.

*Глазунов М.А., аспирант кафедры хирургии и терапии
ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет имени
И.И. Иванова»»*

e-mail: glozunov02@mail.ru

Россия, Курск

*Толкачёв В.А., к.в.н., доцент кафедры хирургии и терапии
ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет имени
И.И. Иванова»»*

e-mail: tolka4ev.vladimir@yandex.ru

Россия, Курск

*Glazunov M.A., Postgraduate Student, Department of Surgery and Therapy
FSBI HE «Kursk State Agricultural University named after I.I. Ivanov»*

e-mail: glozunov02@mail.ru

Russia, Kursk

Tolkachev V.A., PhD, Associate Professor

Department of Surgery and Therapy

FSBI HE «Kursk State Agricultural University named after I.I. Ivanov»

e-mail: tolka4ev.vladimir@yandex.ru

Russia, Kursk

**Результаты визуализации динамики заживления гнойных ран при
аппликациях гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста
Results of visualization of the healing dynamics of purulent wounds after
application of a hydrophilic ointment containing epidermal growth factor**

Аннотация. Провели визуализацию процессов заживления гнойных ран при аппликациях мази на гидрофильной основе с эпидермальным фактором роста с помощью программного обеспечения «АналиРан» и установили, что проведение апробируемых лечебных манипуляций способствовало проявлению максимальной грануляции поврежденных тканей и купированию некробиоза к 9-м суткам их осуществления. При этом, максимальное фибринозное наложение в полости раны равно $56,45 \pm 18,58\%$ регистрировали на 5-е сутки аппликации, а их минимальный уровень уже к 7-м суткам аппликаций.

Ключевые слова: гидрофильная мазь, скорость заживления, гнойные раны, эпидермальный фактор роста, грануляции, некроз, фибрин, репаративные процессы, аппликации.

Annotation. We visualized the healing processes of purulent wounds after applying a hydrophilic ointment containing epidermal growth factor using AnalyRan software. We found that the tested treatments resulted in maximum granulation of damaged tissue and the cessation of necrobiosis by the ninth day. Furthermore, the maximum fibrinous deposition in the wound cavity, equal to $56.45 \pm 18.58\%$, was recorded on the fifth day of application, with a minimum level by the seventh day.

Key words: hydrophilic ointment, healing rate, purulent wounds, epidermal growth factor, granulation, necrosis, fibrin, reparative processes, applications.

Современная ветеринарная статистика, представленная в специализированных источниках научно-технической информации, указывает на тенденцию к росту числа случаев регистрации развития гнойно-септического течения биологии раневого процесса [1;2]. Так по сообщениям Караулова В. В. [3], гнойные раны составляют 35-40% среди всех ран, а по мнению Макеева Н. Г. и Шабунина С.В. [4], в ветеринарной хирургической практики частота нагноения ран более значительна и составляет 73,2%. В свою очередь, согласно сведениям Карасевой Е. А. [5], случайная раневая травматизация собак колеблется в границах от 20,69% до 24,88%, при которой половина из диагностируемых ранений сопровождается нагноением. Подобные сведения указывают на то, что лечение ран, осложненных раневой инфекцией, не смотря на большое количество предложенных терапевтических подходов до сих пор остается актуальной проблемой, решение которой не найдено [6]. В связи с этим возрастает актуальность исследований по разработке новых мазевых препаратов на гидрофильной основе, повышающих интенсивность репаративных процессов в гнойных ранах. При этом, одним из таких действующих веществ может служить эпидермальный фактор роста. На основании вышеизложенного, **целью исследований** явилось визуализировать влияние аппликаций новой гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста на интенсивность репаративных процессов в гнойных ранах.

Для достижения цели исследований в условиях вивария Курского ГАУ из числа белых лабораторных мышей в количестве 20 особей сформировали подопытную группу животных-аналогов. В дальнейшем у всех животных подопытной группы клинико-экспериментальным путем смоделировали гнойные раны. После чего, на поверхность смоделированных ранений однократно в сутки осуществляли аппликации заранее изготовленного опытного образца гидрофильной мази содержащего метилпарабен, пропилпарабен, коллагеназу и эпидермальный фактор роста. При этом, визуализацию влияния проводимых аппликаций на интенсивность репаративных процессов в смоделированных гнойных ранах осуществили с помощью программного комплекса «АналиРан». Для этого осуществляли фотофиксацию смоделированных кожных дефектов с помощью фотоаппарата. После фотофиксации проводили калибровку программы «АналиРан»

посредством выделения эталона, запечатленного на фото. После калибровки, на персональном компьютере обводили контуры смоделированных гнойных ран, получая значения площади смоделированного поражения, а также данные о наличии грануляции, фибрина и некроза в процентном соотношении друг к другу.

Визуализация динамики заживления гнойных ран с помощью программного комплекса «АналиРан», результаты которой представлены в таблице 1, указывали, на то, что степень грануляции повреждённых тканей первоначально с 3-х по 5-е сутки аппликаций исследуемого образца гидрофильной мази незначительно снижалась на 6,41%. Однако, уже к 7-м суткам проводимого хирургического лечения возрастала на 73,44% и была выше, чем ранее к 3-м суткам его осуществления на 62,18%. В свою очередь к 9-м суткам наблюдений констатировали, что степень грануляции травмированных тканей достигла своих максимальных значений, увеличиваясь относительно результатов учета на 7-е сутки курации на 13,98%. При этом, степень грануляции гнойных ран на 9-е сутки аппликаций на гнойные раны гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста была выше, чем позднее на 11-е сутки их осуществления на 1,46%, а так

Таблица 1 – Визуализация заживления гнойных ран при аппликации мази на гидрофильной основе с эпидермальным фактором роста, (n = 20)

Сроки учета с момента начала аппликаций	Степень грануляции в %	Степень некроза в %	Степень наложения фибрина в %
На 3-и сутки	37,89 ± 19,22	6,94 ± 0,82	55,17 ± 14,05
На 5-е сутки	35,43 ± 12,79	9,21 ± 0,10	56,45 ± 18,58
На 7-е сутки	61,45 ± 13,23	13,11 ± 0,10	25,44 ± 12,42
На 9-е сутки	70,04 ± 16,41	0,01 ± 0,01	29,95 ± 6,42
На 11-е сутки	69,03 ± 13,13	0,01 ± 0,01	30,96 ± 13,12
На 13-е сутки	49,75 ± 11,24	0,01 ± 0,03	50,16 ± 11,32
На 15-е сутки	48,48 ± 11,97	0,01 ± 0,06	26,74 ± 2,98
На 17-е сутки	19,29 ± 4,14	0,00 ± 0,00	26,51 ± 1,82

же выше, чем на 13-е, на 15-е и на 17-е сутки курации на 40,78%, на 44,47%, и в 3,63 раза ($t = 3,00$). Таким образом, начиная с 9-х суток лечения гнойных ран апробируемым мазевым препаратом регистрировали последовательное снижение степени грануляции поврежденных тканей, а именно с 9-х по 11-е сутки на 1,44%, с 11-х по 13-е сутки на 27,93%, с 13-х по 15-е сутки на 2,55%, с 15-х по 17-е сутки на 60,21% ($t = 2,30$).

В тоже время некротические ткани в гнойных ранах при аппликациях гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста с помощью программного комплекса «АналиРан» визуализировались лишь в течение

первых 7 дней лечения. При этом, их степень выраженности за вышеуказанный период наблюдений последовательно возрастал. Так с 3-х по 5-е сутки аппликации мазевого лекарственного средства с эпидермальным фактором роста уровень некробиотических масс в раневой поверхности возрастал на 32,71% ($t = 2,75$), а с 5-х по 7-е сутки курации дополнительно увеличивался на 42,34%, таким образом, что на 7-е сутки эксперимента был выше, чем на 3-и сутки на 88,90% ($t = 2,46$). Однако в дальнейшем на 9-е сутки курации уровень некробиотических масс в гнойных ранах был практически равен нулю, а именно $0,01 \pm 0,01\%$.

В свою очередь в отношении степени наложения фибрина на раневую поверхность обрабатываемых открытых механических повреждений с гнойно-резорбтивным течением устанавливали, что она с 3-х по 5-е сутки аппликаций незначительно возрастала на 2,32%, однако в дальнейшем к 7-м суткам наблюдений резко снижалась на 54,93% и была меньше, чем ранее на 3-и сутки лечения на 53,88%. При этом, степень фибриновых наложений в гнойных ранах на 7-е сутки аппликаций на их поверхность гидрофильной мази с коллагеназой и эпидермальным фактором роста была наименьшей. Так она была незначительно меньше, чем на завещающем этапе клинико-экспериментальных наблюдений на 15-е и 17-е сутки курации на 4,36% и на 4,03%, а также меньше чем позднее на 9-е, на 11-е и на 13-е сутки эксперимента на 15,06%, на 17,83% и на 49,28%, соответственно.

Кроме этого, вышеуказанная выявленная динамика уровня фибриновых наложений в гнойных ранах указывала на то, что с 7-х по 9-е сутки аппликаций апробируемого лекарственного мазевого средства он возрастал на 17,73%, с 9-х по 11-е сутки дополнительно увеличивается на 3,73%, а с 11-х по 13-е сутки резко повышался на 62,01%, однако в дальнейшем также резко уменьшился к 15-м суткам на 46,69% и имел дальнейшую последовательную тенденцию к снижению к 17-м суткам на 0,86%.

Таким образом, визуализация процессов заживления гнойных ран при аппликациях мази на гидрофильной основе с эпидермальным фактором роста с помощью программного обеспечения «АналиРан» показала, что проведение апробируемых лечебных манипуляций способствовало проявлению максимальной грануляции повреждённых тканей и купированию некробиоза к 9-м суткам их осуществления. При этом, максимальное фибриновое наложение в полости раны равное $56,45 \pm 18,58\%$ регистрировали на 5-е сутки аппликации, а их минимальный уровень уже к 7-м суткам аппликаций.

Библиографический список:

1 Шакуров М.Ш. Применение мази Анилкам при лечении ран у животных/М.Ш. Шакуров, О.И. Шоркина, А.Н. Валеева, И.В. Алексеева, В.И.Панцуркин// Ветеринария.-2009.-№10.-С.48-49.

2 Шнякина Т.Н. Лечение инфицированной раны у собак в эксперименте / Т.Н. Шнякина, А.М. Билан, Н.П. Щербаков// Вестник Алтайского ГАУ.- 2018.-№3(161).-С.185-189.

3 Караулов В.В. Инновационное использование коллагенового препарата «Интерферон-пластина» в комплексном лечении ран у лошадей/ В.В. Караулов// Известия Оренбургского ГАУ.-2010.-№3(27).С. 73-74

4 Макеев Н.Г. Цидисепт-гель при лечении ран у мелких домашних животных/Н.Г. Макеев, С.В. Шабунин/Ветеринария, - 2006 -№12.С.52-53.

5 Толкачев, В. А. Случайная раневая травматизация различных областей тела собак / В. А. Толкачев, Е. А. Карасева // Глобальные научные тенденции: интеграция и инновации : Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Симферополь, 22 октября 2024 года. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2025. – С. 695-699.

6 Коломийцев, С. М. Влияние аппликаций сульфаниламидной мази в лечении случайных ран у собак на динамику выздоровления травмированных животных / С. М. Коломийцев, Е. А. Карасева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2025. – № 3. – С. 98-105.

Толкачёв В.А., к.в.н., доцент кафедры хирургии и терапии
ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный
университет имени И.И. Иванова»
e-mail: tolka4ev.vladimir@yandex.ru

Россия, Курск

Гонсалес Вильяфуэрте Ленин Джоэль, аспирант
кафедры хирургии и терапии
ФГБОУ ВО «Курский государственный
аграрный университет имени И.И. Иванова»
e-mail: khirurgiianatomii@mail.ru

Россия, Курск

Tolkachev V.A., PhD, Associate Professor
Department of Surgery and Therapy
FSBI HE «Kursk State Agricultural University named after I.I. Ivanov»
e-mail: tolka4ev.vladimir@yandex.ru

Russia, Kursk

Gonzalez Villafuerte Lenin Joel, Postgraduate Student
Department of Surgery and Therapy
FSBI HE «Kursk State Agricultural University named after I.I. Ivanov»
e-mail: khirurgiianatomii@mail.ru

Russia, Kursk

Скорость заживления гнойных ран при аппликациях гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста
Healing rate of purulent wounds with hydrophilic ointment containing epidermal growth factor

Аннотация. Провели анализ скорости заживления гнойных ран при аппликациях гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста и установили, что абсолютная скорость заживления гнойных ран начиная с 5-х суток их осуществления к 7-м и к 9-м суткам последовательно возрастает и достигает своего максимума, а в дальнейшем также последовательно снижается. В свою очередь, относительная скорость заживления гнойных ран начиная с 9-х суток эксперимента имеет последовательную тенденцию роста достигая к 17-м суткам своих максимальных цифровых значений.

Ключевые слова: гидрофильная мазь, скорость заживления, гнойные раны, эпидермальным фактор роста.

Annotation. We analyzed the healing rate of purulent wounds during applications of a hydrophilic ointment with epidermal growth factor and found that the absolute healing rate of purulent wounds increases consistently from the 5th to

the 7th and 9th days, reaches its maximum, and then decreases consistently. In turn, the relative healing rate of purulent wounds increases consistently from the 9th to the 17th days of the experiment, reaching its maximum values.

Key words: hydrophilic ointment, healing rate, purulent wounds, epidermal growth factor.

В настоящее время лечение ран, осложненных раневой инфекцией, до сих пор остается актуальной проблемой ветеринарной хирургической науки и практики [1;2]. При этом, для ее решения предложено не мало лекарственных средств, в том числе гидрофильных мазевых препаратов, обладающих рядом известных преимуществ в сравнении с другими аналогичными средствами локальной медикаментозной терапии раненых животных, однако зачастую не обеспечивающих высокого уровня интенсивности репаративных процессов в травмированных тканях [3]. В связи с этим, возрастает актуальность исследований по разработке новых мазевых лекарственных средств на гидрофильной основе существенным образом ускоряющих регенерацию поврежденных мягких тканей [4]. Одним из решений данной актуальной проблемы является внесение в состав основных действующих веществ гидрофильных мазей эпидермального фактора роста, который ускоряет рост и деление эпителиальных клеток, а также усиливает пролиферацию фибробластов. На основании вышеизложенного целью исследований явилось оценить влияние аппликаций новой гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста на скорость заживления гнойных ран.

Эту оценку осуществляли по объективным цифровым показателям, отражающим абсолютную и относительную скорость заживления открытых механических повреждений мягких тканей, полученных с помощью программного комплекса «АналиРан». Для этого в условиях кафедры хирургии и терапии изготавливали опытный образец гидрофильной мази на основе ПЭГ 400 и ПЭГ 1500, содержащей в своем составе коллагеназу, метилпарабен, пропилпарабен и эпидермальный фактор роста. После этого, в условиях вивария Курского ГАУ у 20 особей лабораторных мышей клинико-экспериментальным образом моделировали гнойные ран, а в дальнейшем на их поверхность в течении 17 дней однократно выполняли аппликации изготовленного мазевого лекарственного средства. При этом, оценку влияния проводимых аппликаций на интенсивность репаративных процессов в смоделированных гнойных ранах осуществили с помощью программного комплекса «АналиРан». Для этого осуществляли фотофиксацию смоделированных кожных дефектов с помощью фотоаппарата размещенного и зафиксированного на одной и той же высоте в штативе, под одинаковым углом. При фотофиксации ран использовали эталон в виде белого квадрата с черной окантовкой известного размера (20x20 мм). После фотофиксации проводили калибровку программы «АналиРан» посредством выделения

эталона, запечатленного на фото, благодаря чему программное обеспечение могло определить истинные размеры раневого дефекта, учитывая известный размер эталона. После калибровки, на персональном компьютере обводили контуры смоделированных гнойных ран, получая значения площади смоделированного поражения. Таким образом использование программного комплекса позволяло в автоматическом режиме определять планиметрическую площадь гнойных ран до начала аппликации (S_0), а также соответствующую их планиметрическую площадь в момент измерения (S_n), на 3-и, на 5-е, на 7-е, на 9-е, на 11-е, на 13-е, на 15-е и на 17-е сутки аппликаций новой гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста. На основании этих полученных планиметрических сведений в дальнейшем для оценки интенсивности репаративных процессов рассчитывали по формулам абсолютную скорость заживления гнойных ран ΔS , а также относительную скорость заживления гнойных ран Y_t .

Оценка абсолютной планиметрической скорости заживления гнойных ран при аппликациях на их поверхности гидрофильной мази, имеющей в своем составе в качестве основных действующих веществ наряду с коллагеназой, эпидермальным фактор роста свидетельствовала (таблица 1), что за первые пять суток они существенным образом достоверно снижалась на 93,72% (при $t=4,24$) относительно аналогичной скорости регенерации за первые трое суток аппликаций испытуемого мазевого лекарственного средства.

Таблица 1 – Планиметрическая скорость заживления гнойных ран при аппликациях мази на гидрофильной основе с эпидермальным фактором роста, (n=20)

Сроки учета с момента начала аппликаций	Абсолютная скорость заживления, ΔS мм ²	Относительная скорость заживления, Y_t %
На 3-и сутки	7,97 ± 1,39	15,93 ± 7,90
На 5-е сутки	0,50 ± 1,08	2,01 ± 0,44
На 7-е сутки	2,13 ± 0,72	12,79 ± 4,36
На 9-е сутки	8,03 ± 1,20	64,21 ± 5,60
На 11-е сутки	7,96 ± 0,10	79,64 ± 10,96
На 13-е сутки	7,12 ± 0,74	85,48 ± 8,93
На 15-е сутки	6,72 ± 0,36	94,05 ± 5,00
На 17-е сутки	6,11 ± 0,17	97,76 ± 2,69

Такое значительное замедление скорости заживления гнойных ран оказывало влияние на скорость регенерации раневых дефектов через неделю соответствующих аппликаций, которая была достоверно ниже на 73,27% ($t = 3,73$) чем ранее через трое суток соответствующего лечения, но выше, чем на 5-е сутки планиметрического наблюдения в 4,26 раза. В дальнейшем отмечали, что абсолютная скорость заживления к 9-м суткам аппликаций апробируемой

гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста в значительной степени возрастала и достигла своих максимальных пиковых значений.

Так она была выше, чем на 3-и сутки лечения на 0,75%, выше чем на 5-е сутки лечения в 16,06 раза ($t = 4,66$), выше чем на 7-е сутки лечения в 3,77 раза ($t = 4,22$), выше чем на 11-е сутки лечения на 0,88%, выше чем на 13-е сутки лечения на 12,78%, выше чем на 15-е сутки лечения на 19,49%, чем на 17-е сутки лечения на 31,42%, соответственно. В свою очередь в дальнейшем с 9-х суток аппликаций на раневые дефекты с гнойно-резорбтивным характером течения испытуемой гидрофильной мази с ферментом и эпидермальным фактором роста регистрировали последовательное снижение абсолютной скорости заживления, которое за период с 11-х по 13-е сутки наблюдений составляло 10,55%, с 13-х по 15-е сутки – 5,61%, с 15-х по 17-е сутки на 9,07%. Однако к 11-м, к 13-м, к 15-м и к 17-м суткам аппликаций гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста абсолютная скорость репаративных процессов в гнойных ранах была значительно выше, чем ранее за первую неделю осуществления соответствующих лечебных хирургических манипуляций. Так на 11-е сутки аппликации мази абсолютная скорость заживления гнойных ран была достоверно выше, чем на 5-е сутки проведения аналогичных лечебных аппликаций в 15,92 раза ($t = 6,20$) и выше чем на 7-е сутки их осуществления в 3,74 раза ($t = 8,02$). В свою очередь абсолютная скорость заживления гнойных ран при аппликациях апробируемой гидрофильной мази к 13-м суткам мониторинга была выше, чем ранее на 5-е сутки курации в 14,24 раза ($t = 6,28$), а на 15-е и на 17-е сутки выше в 13,44 раза ($t = 5,46$) и в 12,22 раза ($t = 5,13$). При этом, на 13-е, на 15-е и на 17-е сутки аппликаций на гнойные раны гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста абсолютная их скорость регенерации превышала аналогичную на 7-е сутки курации в 3,34 раза ($t = 4,83$), в 3,15 раза ($t = 5,70$) и в 2,87 раза ($t = 5,38$). Таким образом выявили, что максимальная абсолютная скорость заживления гнойных ран при лечении испытуемым мазевым лекарственным средством наблюдалась во второй фазе раневого процесса, начиная с 9-х суток курации.

Учет относительной скорости заживления открытых механических повреждений кожных покровов с гнойно-резорбтивным течением на фоне аппликаций апробируемого мазевого лекарственного средства указывал на то, что она за период 3-х по 5-е сутки наблюдений она значительно снижалась в 7,92 раза. В тоже время, к началу 7-х суток лечения она аналогичным образом резко в разы возрастала в 6,36 раза ($t = 2,46$) до показателя равного $12,79 \pm 4,36\%$, который, однако, на 19,71% был ниже чем ранее на 3-и сутки курации. Дальнейший мониторинг относительной скорости заживления гнойных ран при лечении их аппликациями мази на гидрофильной основе с ферментом коллагеназой и эпидермальным фактором роста свидетельствовал, что за период наблюдений с 7-х по 17-е сутки она последовательно возрастала, а именно с 7-х по 9-е сутки в 5,02 раза ($t = 7,25$), с 9-х по 11-е сутки на 24,03%,

с 11-х по 13-е сутки на 7,33%, с 13-х по 15-е сутки на 10,02%, с 15-х по 17-е сутки на 3,94%, достигая своего максимального цифрового выражения к моменту завершения апробируемых терапевтических манипуляций, т.е. к 17-м суткам эксперимента. В сравнительном аспекте относительная скорость заживления гнойных ран на 17-е сутки курации превышала аналогичную установленную ранее на 13-е сутки курации на 14,36%, на 11-е сутки на 22,75%, на 9-е сутки курации на 52,25% ($t = 4,47$), на 7-е сутки курации в 7,64 раза, на 5-е сутки курации в 48,64 раз, на 3-е сутки курации в 6,14 раза ($t = 8,75$). Полученные сведения об относительной скорости заживления ран свидетельствовали, что ее максимальные цифровые значения имели место быть во второй фазе регенерации открытых механических повреждений кожных покровов, увеличивая свой последовательный рост с 7-х суток эксперимента.

Таким образом, по результатам исследований установили, что абсолютная скорость заживления гнойных ран под влиянием аппликаций гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста начиная с 5-х суток их осуществления к 7-м и к 9-м суткам последовательно возрастает на 73,27% ($t = 3,73$) и в 3,73 раза ($t = 4,22$), достигая своего максимума, а в дальнейшем также последовательно снижается к 11-м суткам на 0,88%, к 13-м суткам на 10,55%, к 15-м суткам на 5,61%, к 17-м суткам на 9,07%. В свою очередь, относительная скорость заживления гнойных ран при аппликации гидрофильной мази с эпидермальным фактором роста начиная с 9-х суток их осуществления имеет последовательную тенденцию роста к 11-м суткам на 24,03%, к 13-м суткам на 7,33%, к 15-м суткам на 10,02%, к 17-м суткам на 3,94%, достигая своих максимальных цифровых значений.

Библиографический список:

1 Анденко В. И. Индекс эпителизации гнойно-некротических язв мякиша при лечении мазевыми препаратами / В. И. Анденко, С. М. Коломийцев // Обеспечение качества и безопасности пищевой продукции и защита здоровья животных: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Курск, 10 апреля 2025 года. – Курск: Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова, 2025. – С. 3-7.

2 Коломийцев С. М. Влияние аппликаций сульфаниламидной мази в лечении случайных ран у собак на динамику выздоровления травмированных животных / С. М. Коломийцев, Е. А. Карасева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2025. – № 3. – С. 98-105.

3 Анденко В. И. Фармако - токсикологические свойства мази на коллагеновой основе / В. И. Анденко, В. А. Толкачев, С. М. Коломийцев // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2025. – № 9. – С. 157-161.

4 Лечение случайных ран у собак с использованием атравматической повязки / О. Б. Сеин, С. М. Коломийцев, Н. В. Ванина, Е. А. Эверстова // Роль аграрной науки в устойчивом развитии АПК : Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 72-летию Курской ГСХА, Курск, 15 мая 2023 года. Том Часть 1. – Курск: Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова, 2023. – С. 301-305.

УДК 340.1

DOI 10.26118/3203.2026.77.91.046

*Антоненко Ю.В., студент 4 курса,
«Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Москва, Россия
e-mail: juliantonenko@mail.ru*

Научный руководитель:

*Мирошник С.В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
теории права, государства и судебной власти «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»*

г. Москва, Россия

e-mail: miroshnik@mail.ru

*Antonenko Y.V., 4th year student of the
Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russia,
e-mail: juliantonenko@mail.ru*

Scientific supervisor:

*Miroshnik S.V., Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Theory of Law, State and Judicial Power,
Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russia,*

e-mail: miroshnik@mail.ru

Злоупотребление правом: вопросы теории и судебной практики **Abuse of the right: issues of theory and judicial practice**

Аннотация. В статье раскрываются различные доктринальные подходы к пониманию понятия злоупотребление правом, поддерживается позиция ученых, трактующих данное явление как деяние, формально соответствующее нормам права, но противоречащее принципам права. Анализ материалов судебной практики свидетельствует о нецелесообразности легального закрепления понятия злоупотребления правом, поскольку оно является оценочным, видовое многообразие правоотношений объективно порождает множество форм проявления осуществления права в обход требований правовых актов с единственной целью получения необоснованных преимуществ.

Ключевые слова: право, злоупотребление правом, принцип права, норма права, недобросовестное поведение, нарушение прав и свобод.

Annotation. The article reveals various doctrinal approaches to understanding the concept of abuse of law, supports the position of scientists who interpret this phenomenon as an act that formally complies with the norms of law, but contradicts the principles of law. An analysis of the materials of judicial practice

indicates the inexpediency of legally consolidating the concept of abuse of law, since it is evaluative, the diversity of legal relations objectively generates many forms of manifestation of the exercise of law, bypassing the requirements of legal acts for the sole purpose of obtaining unreasonable advantages.

Keywords: law, abuse of law, principle of law, norm of law, unfair behavior, violation of rights and freedoms.

Злоупотребление правом – одна из самых обсуждаемых тем как в теории, так и на практике, говорящая о ее сложности, многоаспектности и в какой-то степени парадоксальности – формально норма, изложенная в том или ином правовом акте, не нарушается, но неблагоприятные последствия, а именно нарушение прав других субъектов права наступает.

О злоупотреблении говорили еще во времена Древнего Рима. Позже данное явление получило необходимое правовое оформление. Одним из лучших образцов юридического закрепления считается статья Германского гражданского уложения, четко закрепившая принцип добросовестности, согласно которому должник при выполнении принятых на себя обязательств должен действовать «таким образом, как этого требует *Treu und Glauben* с учетом обычаев оборота» [1 с.106]. Данная норма права стала исходным началом для выработки новых правовых доктрин, правильного их применения на практике [2 с.4-10].

В настоящее время принцип запрета злоупотребления правом широко известен. Он получил закрепление как на международном, так и национальном уровне. В частности, согласно ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [3].

На первый взгляд, кажется, что реализация данного общего принципа права не должно вызывать никаких сложностей. Однако, они есть, обусловлены, прежде всего тем, что в правовой науке нет единства в понимании злоупотребления правом.

Так. А.А. Малиновский, рассматривает злоупотреблением субъективным правом как «такой способ осуществления права в противоречии с его назначением, посредством которого причиняется вред личности, обществу, государству» [4 с.9-10]. Ученый выделяет универсальные (реализация субъективного права в «противоречии с его назначением и вредоносность осуществления права» [4с.10]) и факультативные (единственная цель – причинить вред другому лицу; «безнравственное, недобросовестное, неразумное осуществление права» [4с.10]) признаки злоупотребления субъективным правом.

А.В. Юдин исследует злоупотребление процессуальными правами как «особую форму гражданского процессуального правонарушения», выделяя в качестве особенностей субъектный состав (участники гражданского процесса

в том числе, в отдельных случаях злоупотреблять может и суд), умышленную форму вины, объективную сторону деяния в виде действий, совершаемых лишь с видимостью осуществления своих процессуальных прав, нацеленных на ограничение правовых возможностей других лиц, воспрепятствование деятельности суда по разрешению гражданского дела [5 с.10].

М.Н. Бронникова, С.В. Осипова рассматривают злоупотребление правом в сфере труда как недобросовестное использование участниками трудовых правоотношений законодательно предоставленных им гарантий [6. с.12-15].

Ю.А. Тимофеев обращает внимание на возможности злоупотребления правом во время проведения судебного примирения. Сторона сознательно и целенаправленно вводит в заблуждение всех участников процесса, включая в суд, скрывая свои истинные намерения, исключительно стремясь получить выгоды от затягивания судебного разбирательства [7 с.16-17].

Интересную точку зрения высказала С.В. Мирошник. Она трактует злоупотребление правом «как деяние лица, соответствующее нормам права, но противоречащее принципам права» [8 с.38], связывая таким образом данное негативное явление с юридической коллизией, возникшей между первичным правовым регулятором и общеобязательным, формально-определенным правилом поведения.

В Толковом словаре смысл слова «злоупотребление» разъясняется как проступок, преступление, состоящее в сознательном, незаконном и корытном использовании своих прав возможностей во вред другим [9], аналогичное понимание этого термина содержится и в Словаре русского языка С.И. Ожегова [10].

В законодательстве РФ можно встретить множество примеров употребления понятия «злоупотребление правом». Например, ст. 201 УК РФ закрепляет уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями. В ст. 69 СК РФ перечислены основания для лишения родительских прав, одним из них является злоупотребление родительскими правами.

Принцип недопустимости злоупотреблением правом отражен и в пунктах 2,3 ст. 209 ГК РФ, запрещающий при реализации прав собственности нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц. Кроме того, злоупотребление правом является основанием для пристального анализа совершенной сделки органами судебной власти на предмет выявления в действиях сторон признаков злоупотребления, и возможности в связи с этим признания сделки недействительной как противоречащей закону [11]. Пленум Верховного Суда РФ прямо указал, что невыполнение субъектом обязанности действовать разумно и добросовестно, принимать во внимание права и законные интересы своего контрагента может привести к отказу в судебной защите [12].

В процессуальных отношениях также встречаются случаи злоупотребления процессуальными правами. Примером могут служить случаи предъявления встречного иска недобросовестным ответчиком, фактически затягивающим процесс, воспрепятствующим рассмотрению дела на завершающих этапах судебного разбирательства. Суды расценивают такое поведение, как злоупотребление правом [13], отмечая, в частности, что принятие встречного иска ведет к затягиванию процесса и, что самое главное к нарушению прав истца по первоначальному иску на судопроизводство в разумный срок.

Конституционный Суд Российской Федерации также обращал внимание на то, что злоупотребление правом – это действия, совершаемые в обход закона с противоправной целью, «намерением причинить вред другому лицу» [14]. Иными словами, злоупотребление правом противоречит целям правового регулирования. При этом необходимо учитывать отраслевую специфику, особенности злоупотребления правом в частноправовых и публично-правовых отношениях [15 с.94-102]. Например, Конституционный Суд РФ обратил внимание на невозможность злоупотребления правом работников в виду ввиду экономического и организационного неравенства работодателя и работника и в силу этого объективной невозможности одностороннего удовлетворения работником своих интересов в рамках индивидуально-договорного регулирования трудовых отношений в отсутствие соответствующего волеизъявления работодателя» [16].

При этом следует отметить, что легального определения понятия «злоупотребления правом» мы не найдем, оказывается вполне достаточным правовое закрепление принципа недопустимости злоупотребления правом, поскольку это дает возможность правоприменителю рассмотреть поведение субъектов правоотношений, выявить формы недобросовестного поведения с учетом отраслевой специфики, динамического развития правоотношений.

Как отмечает А.Я. Курбатов, принцип недопустимости злоупотребления правом дает возможность подтвердить неправомерность действий лица, «вытекающую из общего смысла законодательства, через акты применения (индивидуальные предписания) или интерпретационные акты (закрепляющие результаты толкования права)» [17 с.61].

Злоупотребление правом выступает оценочным понятием, ориентированным на то, чтобы судебные органы с учетом особенностей анализируемой ситуации «оценили фактическую обстановку и конкретизировали общую формулу закона» [18 с.105].

Все это говорит о том, что для функционирования права «как равной и обязательной меры для всех лиц, попадающих в сферу правового регулирования» [19 с.35], исключающей возможность злоупотреблением правом, необходимо усилить системные правовые связи, строящиеся на признании принципов права первичными правовыми регуляторами. Можно

было бы использовать потенциал искусственного интеллекта в части проверки соответствия содержания вырабатываемых норм права элементу права более высокого уровня.

Выводы. Недопустимость злоупотребления правом, являясь одним из общих принципов права, получил правовое оформление как на международном, так и национальном уровне. В целях дальнейшего совершенствования правового регулирования общественных отношений необходимо учитывать, что принципы права – это первичные правовые регуляторы, противоречие между ними и нормами права неизбежно создают риски злоупотребления правом недобросовестными субъектами, что актуализирует проведение научных исследований по данной теме. Считаем возможным для обеспечения системных правовых связей использовать потенциал искусственного интеллекта, создав алгоритмы по проверке соответствия содержания обязательных формально определенных правил поведения общим и специальным принципам права.

Список литературы:

1. Нам, К. В. История принципа добросовестности (Treu und Glauben) до принятия Германского гражданского уложения / К. В. Нам // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 5(138). – С. 97-108.

2. Егоров А. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 4 - 10. СПС «КонсультантПлюс».

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

4. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореферат дисс. докт. юрид. наук. М., 2009. - 52 с.

5. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. Автореферат дисс. докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. - 47 с.

6. Бронникова М.Н., Осипова С.В. Формы и виды злоупотреблений правом в сфере труда // Российский судья. 2025. № 10. С. 12 - 15. <https://lawinfo.ru/articles/11579/formy-i-vidy-zloupotreblenii-pravom-v-sfere-truda>.

7. Тимофеев Ю.А. Злоупотребление правом на примирение // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 16 - 17. СПС «КонсультантПлюс».

8. Мирошник, С. В. Злоупотребление правом как общеправовая категория / С. В. Мирошник // Государство и право: актуальные проблемы

формирования правового сознания : Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Могилев, 30 ноября 2020 года. – Могилев: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 36-38.

9. Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/817386>

10. Толковый словарь под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/69102>

11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.10.2018 № 305-ЭС18-9309 по делу № А40-61240/2016; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.09.2016 № 49-КГ16-18; Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2014 г. № 309-ЭС14-923// СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

13. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2019 г. по делу № А46- 428/2019; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 марта 2021 г. по делу № А60-63801/2020// СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.04.2023.

15. Мирошник, С. В. Злоупотребление правами налогоплательщика / С. В. Мирошник // Российское правосудие. – 2021. – № 9. – С. 94-102.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2023 № 40-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Ф. Нестеренко»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 17.07.2023.

17. Курбатов, А. Я. Принцип недопустимости злоупотребления правом: к старым проблемам добавились новые / А. Я. Курбатов // Закон. – 2013. – № 9. – С. 60 -67.

18. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Норма, 1999.- 958 с.

19. Мирошник, С. В. Право и справедливость: вечный спор / С. В. Мирошник // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 3. – С. 30-35.

*Борисов А.Д., аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
e-mail: yamolodoy99@gmail.com
Россия, Москва*

*Borisov A.D., Postgraduate student,
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»
e-mail: yamolodoy99@gmail.com
Russia, Moscow*

**Злоупотребление субъективным гражданским правом в современной
судебной практике: трансформация подходов, новые формы и цифровые
ВЫЗОВЫ**
**Abuse of subjective civil rights in modern judicial practice: transformation of
approaches, new forms, and digital challenges**

Аннотация. В статье анализируется эволюция подходов к категории злоупотребления субъективным гражданским правом в российской правовой доктрине и судебной практике. Рассматриваются классические теоретические основания запрета злоупотребления правом, трансформация критериев его выявления, а также новые формы злоупотреблений, возникающие в условиях цифровизации правосудия и гражданского оборота. Особое внимание в настоящей научной работе уделяется проблеме злоупотребления процессуальными правами и специфике применения принципа добросовестности в цифровой среде.

Ключевые слова: частноправовое регулирование; злоупотребление правом; субъективное гражданское право; добросовестность; судебная практика; процессуальные права; цифровизация правосудия.

Abstract. This article analyzes the evolution of approaches to the category of abuse of subjective civil rights in Russian legal doctrine and judicial practice. It examines the classical theoretical foundations of the prohibition of abuse of rights, the transformation of criteria for its identification, as well as new forms of abuse arising in the context of digitalization of justice and civil transactions. Particular attention in this scholarly work is given to the problem of abuse of procedural rights and the specifics of applying the principle of good faith in the digital environment.

Keywords: private law regulation; abuse of rights; subjective civil right; good faith; judicial practice; procedural rights; digitalization of justice.

Постановка проблемы. Категория злоупотребления субъективным гражданским правом занимает особое место в системе частноправового регулирования, выступая важным инструментом ограничения формально

допустимого, но социально вредного поведения управомоченного лица. Несмотря на нормативное закрепление запрета злоупотребления правом, проблема его квалификации сохраняет высокую степень дискуссионности как в теории, так и в правоприменении.

Современная судебная практика демонстрирует расширение сферы применения данной конструкции, включая не только материальные, но и процессуальные правоотношения, а также отношения, опосредованные цифровыми технологиями. В условиях цифровизации правосудия и электронного судопроизводства появляются новые формы злоупотребления, не охватываемые традиционными доктринальными моделями, что требует переосмысления сложившихся подходов.

Основная часть. В классической доктрине злоупотребление субъективным правом часто рассматривается как использование предоставленного законом права вопреки его социальному назначению и принципу добросовестности. Так, А. А. Малиновский подчёркивает, что злоупотребление не тождественно правонарушению, поскольку формально осуществляется в рамках правомочий, однако по своему содержанию противоречит целям правового регулирования [4, с. 41–44].

Ключевым критерием квалификации злоупотребления выступает направленность поведения субъекта: приоритет эгоистического интереса над охраняемыми законом интересами других лиц и общества в целом [4, с. 97]. Соответственно, запрет злоупотребления правом выполняет корректирующую функцию, обеспечивая баланс частных и публичных интересов.

Современная судебная практика всё чаще использует категорию злоупотребления правом как универсальный механизм оценки поведения сторон. По мнению В. Л. Вольфсона, происходит смещение акцента с формального анализа субъективных прав на оценку их осуществления с точки зрения принципа добросовестности и разумности [2, с. 63–66].

Суды применяют запрет злоупотребления правом не только в случаях причинения прямого вреда, но и при выявлении недобросовестных стратегий поведения, направленных на получение процессуальных или имущественных преимуществ [2, с. 118]. Таким образом, злоупотребление правом становится самостоятельным основанием для отказа в защите права.

Особое развитие получила доктрина злоупотребления процессуальными правами. Д. И. Крымский и А. В. Мельникова отмечают, что в условиях цифровизации правосудия злоупотребления приобретают системный характер, выражаясь в подаче заведомо необоснованных электронных ходатайств, многократных процессуальных обращений и манипулировании автоматизированными судебными системами [3, с. 309–312].

Цифровые инструменты упрощают доступ к правосудию, но одновременно снижают транзакционные издержки недобросовестного поведения, что провоцирует рост процессуального оппортунизма [5]. В

результате суды вынуждены вырабатывать новые критерии выявления злоупотреблений, ориентируясь не только на количество процессуальных действий, но и на их функциональное назначение.

Цифровизация гражданского оборота порождает новые формы злоупотребления, связанные с использованием электронных реестров, цифровых доказательств и автоматизированных процедур. Как указывает Е. Ю. Буцан, в вещных правоотношениях злоупотребление может выражаться в формально законных действиях по регистрации или удержанию права, направленных на блокирование реализации интересов других лиц [1, с. 146–149].

В цифровой среде данные формы злоупотребления усложняются высокой степенью формализации и автоматизации, что снижает возможность оперативного реагирования со стороны правоприменителя и усиливает значение судебной дискреции [1, с. 201].

Заключение. Злоупотребление субъективным гражданским правом в современной судебной практике однозначно претерпевает значительную трансформацию. От узкой теоретической конструкции злоупотребление субъективным гражданским правом эволюционирует в универсальный инструмент оценки добросовестности поведения участников гражданских и процессуальных правоотношений.

Соответственно, цифровизация правосудия и гражданского оборота не только расширяет спектр возможных злоупотреблений, но и требует пересмотра традиционных критериев их выявления. В этих условиях ключевое значение приобретает гибкое применение принципов добросовестности, разумности и соразмерности, а также развитие доктрины злоупотребления процессуальными правами как самостоятельного направления правового анализа [3, с. 325; 5]. Перспективы дальнейшего развития института запрета злоупотребления правом связаны с формированием устойчивых судебных стандартов, способных учитывать специфику цифровых форм реализации субъективных прав без подрыва правовой определённости и стабильности гражданского оборота.

Библиографический список:

1. Буцан, Е. Ю. Запрет злоупотребления правом в вещных правоотношениях : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. — М., 2025. — 242 с.
2. Вольфсон, В. Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. — М. : Проспект, 2017. — Текст : электронный. — URL: <https://publications.hse.ru/view/225765257> (дата обращения: 20.12.2025).
3. Крымский, Д. И. Злоупотребление процессуальными правами в контексте цифровизации правосудия / Д. И. Крымский, А. В. Мельникова //

Вестник гражданского процесса. — 2023. — Т. 13. — № 1. — С. 306–327. — Текст : электронный. — URL: <https://publications.hse.ru/view/823750394> (дата обращения: 20.12.2025).

4. Малиновский, А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). — М. : Юрлитинформ, 2007. — 352 с. — ISBN 978-593295-300-6. — Текст : электронный. — URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/665/665e8d6a6c2e9b3e3c54478d82088889.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

5. Melnikova, A. Abuse of Procedural Rights in the Context of Digital Transformation of Justice (the Case of the Russian Federation) // International Journal for Court Administration. — 2023. — Vol. 14. — Issue 3. — Article 6. — DOI: 10.36745/ijca.514. — Text : electronic. — URL: <https://iacajournal.org/articles/10.36745/ijca.514> (accessed: 20.12.2025).

*Гасанова Н.А., студентка
направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция»
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
e-mail: natella_gasanova@bk.ru*

*Научный руководитель:
Азарова Е.С., доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»*

*Hasanova N.A., undergraduate student,
field of study 40.03.01 "Jurisprudence"
FSAEI of HE "Volgograd State University"
e-mail: natella_gasanova@bk.ru*

*Scientific supervisor:
Azarova E.S., Associate
Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
FSAEI of HE "Volgograd State University"*

**Психологические аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве в
уголовном процессе: к вопросу о достоверности показаний и
добровольности волеизъявления**

**Psychological aspects of the pre-trial cooperation agreement in criminal
proceedings: on the reliability of testimony and the voluntariness of the
accused's expression of will**

Аннотация. В статье исследуются психологические механизмы, лежащие в основе института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе. На основе анализа мотивационной структуры обвиняемого, феномена психологического давления и когнитивных искажений, возникающих в ситуации принятия решения под принуждением, обосновывается концепция «мотивационного конфликта» как системообразующего психологического явления данного института. Научная новизна настоящей работы состоит в том, что досудебное соглашение о сотрудничестве впервые рассматривается не только как уголовно-процессуальная конструкция, но и как самостоятельный психологический феномен, требующий специального криминалистического и психодиагностического обеспечения.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, юридическая психология, мотивация обвиняемого, добровольность волеизъявления, достоверность показаний, самооговор, психологическое давление, когнитивные искажения.

Abstract. This article examines the psychological mechanisms underlying the institution of the pre-trial cooperation agreement in Russian criminal procedure. Drawing on an analysis of the accused's motivational structure, the phenomenon of psychological pressure, and the cognitive distortions arising in coercive decision-making situations, the article substantiates the concept of "motivational conflict" as the core psychological phenomenon of this institution. The scientific novelty of this work lies in the fact that the pre-trial cooperation agreement is for the first time considered not only as a criminal procedural construct, but also as an independent psychological phenomenon requiring dedicated forensic and psychodiagnostic support.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, legal psychology, motivation of the accused, voluntariness of expression of will, reliability of testimony, false confession, psychological pressure, cognitive distortions.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, закреплённый в главе 40.1 УПК РФ и введённый Федеральным законом № 141-ФЗ от 29 июня 2009 года, представляет собой одну из наиболее психологически насыщенных процессуальных конструкций отечественного уголовного судопроизводства [1], [2]. По своей сути данный механизм предполагает сложное взаимодействие правовых и психологических факторов: обвиняемый, находясь в состоянии острого стресса и правовой неопределённости, принимает решение, которое влечёт за собой необратимые юридические последствия — как для него самого, так и для лиц, которых он изобличает. Несмотря на очевидный практический интерес к данному институту, его психологическое измерение остаётся недостаточно изученным в отечественной правовой науке, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Решение обвиняемого заключить досудебное соглашение о сотрудничестве детерминируется сложным сочетанием внутренних и внешних факторов, образующих то, что предлагается обозначить как «мотивационный конфликт досудебного соглашения». С одной стороны, страх перед суровым наказанием выступает базовым побудительным мотивом: в условиях угрозы свободе человек склонен к компромиссным решениям, особенно если воспринимаемая вероятность обвинительного приговора субъективно оценивается как высокая. Психологически обвиняемый оказывается в ситуации, при которой, по определению К. Левина, «конфликт психологически представляет собой такую ситуацию, в которой на индивида одновременно действуют противонаправленные, но приблизительно равные по величине силы» [3, с. 171], а именно — угроза сурового наказания при отказе от сотрудничества и угроза огласки, мести соучастников и утраты социальных связей при согласии на него. Оба варианта поведения несут негативные последствия, а сам выбор воспринимается не как свободный, а как

вынужденный. С другой стороны, надежда на смягчение наказания в соответствии со ст. 317.7 УПК РФ формирует позитивный мотив-стимул, создавая у обвиняемого устойчивый образ «выгодной сделки» [1]. Однако этот образ нередко оказывается когнитивно искажённым: переоценка будущих выгод и недооценка рисков — классическая особенность мышления человека под давлением, хорошо описанная в поведенческой экономике и когнитивной психологии.

Принципиально важным для понимания психологической природы института является вопрос о подлинной добровольности волеизъявления обвиняемого. Действующее законодательство требует, чтобы ходатайство о заключении соглашения подавалось добровольно (ст. 317.1 УПК РФ), и суд обязан убедиться в отсутствии принуждения (ст. 317.7 УПК РФ) [1]. Вместе с тем юридическое понятие добровольности существенно уже психологического. С позиций психологии принуждение не сводится лишь к прямым угрозам или физическому воздействию — оно может носить характер структурного принуждения, при котором совокупность процессуальных условий, информационной асимметрии и эмоционального состояния обвиняемого фактически предопределяет единственно возможный для него выбор [4]. Исследования в области психологии допроса и признательных показаний убедительно демонстрируют, что люди способны добровольно соглашаться с условиями, объективно противоречащими их интересам, под воздействием усталости, страха, изоляции и информационного давления со стороны следствия [4].

Отдельную психологическую проблему представляет достоверность показаний лица, заключившего досудебное соглашение. Сотрудничающий обвиняемый оказывается в уникальной психологической ситуации: его показания одновременно являются и доказательством, и инструментом собственной защиты. Это порождает устойчивую мотивацию к искажению информации — как в форме преувеличения осведомлённости о деятельности соучастников, так и в форме оговора лиц, фактически не причастных к преступлению. Зарубежные исследования убедительно демонстрируют, что принудительные практики сотрудничества побуждают обвиняемых давать ложные показания как против себя, так и против других лиц [5]. В российской практике эта проблема усугубляется тем, что суд, рассматривающий дело в особом порядке по главе 40.1 УПК РФ, не проводит полноценного исследования доказательств, что существенно снижает возможности выявления ложных показаний.

С точки зрения юридической психологии особого внимания заслуживает феномен самоговора в контексте досудебного соглашения. В научной литературе принято выделять добровольный, вынужденный и интернализированный типы самоговора [4]. Применительно к досудебному соглашению наиболее релевантен вынужденный самоговор, при котором

лицо признаёт факты или обстоятельства, не соответствующие действительности, осознанно идя на это ради получения процессуальных преимуществ. Существенно то, что подобный самооговор формально не нарушает требования добровольности, однако разрушает саму цель института — получение достоверной информации о преступлении и его участниках.

Важным аспектом, практически не рассмотренным в отечественной литературе, является влияние личностных характеристик обвиняемого на принятие решения о сотрудничестве и на качество даваемых показаний. Психологические исследования показывают, что лица с высоким уровнем тревожности, склонностью к подчинению и внушаемостью значительно более уязвимы к самооговору и давлению в ходе следственных действий [6]. Напротив, лица с антисоциальными чертами личности, характерными для профессиональных преступников, демонстрируют иной поведенческий паттерн: они склонны к стратегическому и манипулятивному использованию института соглашения, давая показания, тщательно выверенные с точки зрения их инструментальной ценности, а не фактической достоверности. Изложенное означает, что психологический портрет обвиняемого должен учитываться уже на стадии решения вопроса о целесообразности заключения соглашения.

Отдельного рассмотрения заслуживает роль защитника в психологической динамике досудебного соглашения. По смыслу ст. 317.1 УПК РФ ходатайство о заключении соглашения подаётся только при участии защитника, что призвано обеспечить осознанность и добровольность волеизъявления обвиняемого [1]. Однако психологические исследования процесса принятия юридических решений указывают на то, что влияние адвоката на клиента в ситуации высокой неопределённости может быть весьма значительным и далеко не всегда нейтральным. Защитник, ориентированный на быстрое завершение дела, способен неосознанно — или вполне сознательно — формировать у подзащитного установку на сотрудничество, акцентируя риски полного судебного разбирательства и преувеличивая гарантии, вытекающие из соглашения. Таким образом, юридическая гарантия в виде обязательного участия защитника в психологическом измерении не всегда функционирует именно как защитный механизм [7].

Изложенное позволяет обосновать необходимость рассматривать досудебное соглашение о сотрудничестве как самостоятельный психологический феномен уголовного процесса, требующий специального психодиагностического обеспечения. Представляется целесообразным введение обязательного психологического освидетельствования обвиняемого перед заключением соглашения в целях оценки его способности к осознанному волеизъявлению, выявления признаков психологического давления и прогнозирования достоверности будущих показаний. Подобный механизм мог бы быть реализован в форме специализированного

психологического заключения, приобщаемого к материалам дела наряду с ходатайством о заключении соглашения. Это не только повысило бы процессуальные гарантии прав обвиняемого, но и укрепило бы доказательственную ценность показаний, полученных в рамках сотрудничества.

Таким образом, досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой институт, в котором правовые механизмы и психологические реалии находятся в постоянном и не всегда согласованном взаимодействии. Эффективность данного института в значительной мере зависит от того, насколько правоприменители осознают и учитывают психологическую природу принимаемых обвиняемым решений. Игнорирование психологического измерения сотрудничества создаёт риск превращения механизма досудебного соглашения из инструмента борьбы с организованной преступностью в источник ненадёжных доказательств и процессуальных злоупотреблений. Дальнейшее развитие данной темы предполагает проведение эмпирических исследований на материалах судебной практики, а также разработку конкретных психодиагностических методик применительно к данному институту уголовного процесса.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). Глава 40.1. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/cd09a72744f05daeda99a3daadc778cb3f9436ca/ (дата обращения: 17.02.2026).
2. Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (последняя редакция). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88930/ (дата обращения: 17.02.2026).
3. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. — М.: Смысл, 2001. — 572 с. — URL: <https://www.klex.ru/7hl> (дата обращения: 17.02.2026).
4. Kassin S.M., Gudjonsson G.H. The psychology of confessions: a review of the literature and issues // Psychological Science in the Public Interest. — 2004. — Vol. 5. — № 2. — P. 33–67. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1111/j.1529-1006.2004.00016.x> (дата обращения: 17.02.2026).
5. Dervan L.E., Edkins V.A., Johnson T. Victims of Coercive Plea Bargaining: Defendants Who Give False Testimony for False Pleas // American

University Law Review. — 2023. — Vol. 72. — № 6. — P. 1919–1969. — URL: <https://ssrn.com/abstract=4669584> (дата обращения: 17.02.2026).

6. Gudjonsson G.H. The Science-Based Pathways to Understanding False Confessions and Wrongful Convictions // *Frontiers in Psychology*. — 2021. — Vol. 12. — Art. 633936. — URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.633936> (дата обращения: 17.02.2026).

7. Henderson K.S., Levett L.M. Plea-Bargaining: The Influence of Counsel // In: Miller M.K., Bornstein B.H. (Eds.) *Advances in Psychology and Law*. Vol. 4. — New York: Springer, 2019. — URL: https://pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1039&context=ccj_fac (дата обращения: 17.02.2026).

*Иванов Г.Р., аспирант Юридического института
ФГАОУ ВО «Российский новый университет»
г. Москва, Россия
e-mail: mr.georgiyivanov@mail.ru*

*Ivanov G.R., Postgraduate Student of the Law Institute
Russian New University
Moscow, Russia
e-mail: mr.georgiyivanov@mail.ru*

**Международно-правовые ограничения суверенитета: между
обязательствами государства и политическими практиками**
**International legal limitations of sovereignty: between state obligations
and political practices**

Аннотация. Доклад посвящён анализу международно-правовых ограничений государственного суверенитета, возникающих в результате участия государств в универсальных и региональных договорах, функционирования судебных и квазисудебных органов, а также развития мягкого права. Показано, что формальное признание суверенного равенства и невмешательства сосуществует с системой норм и процедур, сужающих дискрецию государств во внутренней и внешней политике. На материале доктрины и практики международного права раскрываются механизмы трансформации международных обязательств во внутренний правопорядок и обозначаются асимметрии в распределении ограничений между государствами. Делается вывод о том, что международно-правовые ограничения следует понимать не как «утрату» суверенитета, а как институционализированную форму взаимной связанности и перераспределения компетенций в современном международном порядке.

Ключевые слова: государственный суверенитет; международное право; международные обязательства; договорные режимы; мягкое право; международные суды; имплементация.

Annotation. The paper analyses international legal limitations of State sovereignty arising from States' participation in universal and regional treaties, the functioning of judicial and quasi-judicial bodies and the development of soft law. It is shown that the formal recognition of sovereign equality and non-intervention coexists with a complex system of norms and procedures narrowing States' discretion in their domestic and foreign policies. On the basis of doctrine and practice of international law, the mechanisms of transformation of international obligations into the domestic legal order are revealed, as well as the asymmetries in

the distribution of limitations between States. It is concluded that international legal limitations should be understood not as a “loss” of sovereignty, but as an institutionalized form of mutual interdependence and redistribution of competences in the contemporary international order.

Key words: state sovereignty; international law; international obligations; treaty regimes; soft law; international courts; implementation.

В данном исследовании рассматривается вопрос международно-правовых ограничений государственного суверенитета, а именно те механизмы, с помощью которых международное право и созданные в его рамках институты формируют рамки свободы усмотрения государств во внутренней и внешней политике. Формально сохраняются принципы суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела, однако реальное состояние международно-правовой системы демонстрирует высокую степень «связанности» государств договорными нормами, судебными и квазисудебными процедурами, а также практиками мягкого права.

Отправной точкой выступает базовый принцип *pacta sunt servanda* и договорная природа большинства международно-правовых ограничений. Государство свободно решать, присоединиться ли к тому или иному договору, но после ратификации оно оказывается юридически связанным принятыми обязательствами. Через сеть многосторонних и двусторонних соглашений формируются режимы в области прав человека, торговли, безопасности, охраны окружающей среды, борьбы с преступностью и других сфер, в рамках которых государства заранее соглашаются ограничить собственную свободу действий в обмен на предсказуемость и взаимность поведения других участников.

К договорным нормам добавляется развитая система международных судебных и квазисудебных органов. Речь идёт не только о Международном Суде ООН, но и о региональных судах по правам человека, экономических и интеграционных судах, специализированных трибуналах и арбитражах. Признавая их юрисдикцию, государства соглашаются выводить часть споров из-под исключительного контроля внутренних органов и передавать их на рассмотрение внешнего, формально независимого органа, решения которого зачастую требуют корректировки национального законодательства и правоприменительной практики.

Отдельный слой ограничений формируют различные формы мягкого права: декларации, руководящие принципы, рекомендации, кодексы поведения международных и региональных организаций, специализированных форумов и экспертных сетей. Хотя такие акты не обладают статусом юридически обязательных договоров, авторитет институтов, их принимающих, практика государств, а также ссылки на эти

акты в судебных и административных решениях придают им де-факто обязательный характер. Мягкое право задаёт стандарты, к которым государства вынуждены адаптироваться, чтобы не выпасть из доминирующих режимов регулирования или не нести политические и репутационные издержки.

Ключевое значение имеет то, как международные обязательства и стандарты «переводятся» во внутренний правопорядок. В одних правовых системах международное право обладает приоритетом или прямой применимостью, в других требует имплементации через конституционные поправки, законы, подзаконные акты и судебную практику. В любом случае национальный законодатель и правоприменитель вынуждены соотносить принимаемые решения с внешними нормами; возникают специальные процедуры предварительного контроля и последующей проверки законов на соответствие международным обязательствам, а высшие и конституционные суды развивают доктрину «дружественного» толкования национального права.

Важно подчеркнуть неоднородность и асимметрию международно-правовых ограничений. Формально все государства равны перед международным правом, однако на практике степень и характер их «связанности» зависят от глубины участия в договорных режимах, членства в международных организациях, признания юрисдикций судов и трибуналов. Более сильные государства активно участвуют в формировании содержания норм и обладают большими возможностями влиять на интерпретацию обязательств, тогда как слабые зачастую вынуждены адаптироваться к уже сложившимся правилам, что подпитывает дискуссии о «неравномерных» ограничениях суверенитета.

При этом сами государства нередко используют международно-правовые ограничения как ресурс внутренней политики. Апелляция к обязательности международных норм позволяет легитимировать непопулярные реформы, оправдывать жёсткие меры или, напротив, ограничивать произвол национальных органов. Международные решения и рекомендации становятся аргументом во внутриполитических дебатах, инструментом борьбы различных ветвей власти и политических сил, размывая границу между «внешним» ограничением и «внутренним» использованием международного права.

Возникает вопрос, следует ли рассматривать описанные процессы как «утрату» суверенитета. Классическая модель, отождествлявшая суверенитет с максимальной свободой от внешних обязательств, подталкивала бы к утвердительному ответу, однако современный подход предлагает иную оптику. Международно-правовые ограничения продуктивно понимать как институционализированную форму взаимной зависимости и перераспределения компетенций: государства сознательно связывают себя

нормами, чтобы обеспечить предсказуемость, коллективную безопасность, доступ к рынкам и механизмам урегулирования споров.

В этом смысле речь идёт не столько об уменьшении суверенитета, сколько о трансформации способов его реализации в условиях плотной договорной и институциональной связанности. Международное право выступает не только системой внешних ограничений, но и пространством, в котором государства переопределяют свои полномочия и ответственность перед друг другом, что требует переосмысления традиционных представлений о суверенитете в XXI веке.

Библиографический список:

1. Белов С.А. Конституционная модель легитимации решений органов международных организаций // Журнал Конституционного правосудия. 2018. № 2. С. 1-10.
2. Имплементация международно-правовых норм в российском законодательстве: отдельные аспекты теории и практики : монография / И.В. Выдрин, Д.А. Ефременкова, Т.В. Слюсаренко [и др.]. Москва : Русайнс, 2020. 125 с. ISBN 978-5-4365-1309-6.
3. Взаимодействие международного и национального права в условиях формирования устойчивого миропорядка : монография / П.С. Самыгин, И.В. Абдурахманова, Э.Э. Баринов [и др.]; под ред. Р.Г. Непранова. Москва : Русайнс, 2025. 172 с. ISBN 978-5-466-10351-9.
4. Brownlie I. Principles of Public International Law. 7th ed. Oxford: Oxford University Press, 2008. 784 p.
5. Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford: Oxford University Press, 2019. 785 p.
6. Klabbbers J. International Law. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 398 p.

*Корвяков А.В., аспирант,
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: korvyakov71@mail.ru
г. Оренбург, Россия*

*Korvyakov A.V., postgraduate student
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg
State University»
Orenburg, Russia*

**Примирительные процедуры в уголовном процессе: проблема
процессуальной коммуникации между сторонами
Peaceful procedures in criminal proceedings: the problem of procedural
communication between the parties**

Аннотация. Современное уголовно-процессуальное право переживает период концептуального переосмысления роли частного интереса в механизме публично-правового регулирования. Становление восстановительного правосудия, расширение диспозитивных начал и закрепление в законодательстве различных форм компромиссного разрешения уголовно-правовых конфликтов свидетельствуют о формировании самостоятельного процессуального института примирительных процедур. Вместе с тем теоретический и практический анализ данного института обнаруживает существенный пробел: отсутствие системной нормативной регламентации процессуальной коммуникации между обвиняемым и потерпевшим как ключевыми субъектами примирения. Настоящая работа посвящена исследованию указанной проблемы через призму взаимодействия частных и публичных начал уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: примирительная процедура, медиация, взаимодействие, участники уголовного процесса.

Abstract. Modern criminal procedural law is going through a period of conceptual rethinking of the role of private interest in the mechanism of public legal regulation. The development of restorative justice, the expansion of dispositive principles, and the legalization of various forms of compromise resolution of criminal conflicts indicate the formation of an independent procedural institution of reconciliation procedures. However, a theoretical and practical analysis of this institution reveals a significant gap: the lack of systematic regulatory provisions for procedural communication between the accused and the victim as key actors in the reconciliation process. This article explores this issue through the lens of the interaction between private and public elements in criminal proceedings.

Keywords: reconciliation procedure, mediation, interaction, participants in criminal proceedings.

Институт примирения в уголовном процессе традиционно рассматривается в контексте более широкой парадигмы – восстановительного (реституционного) правосудия, концептуальные основы которого были заложены в работах Х. Зера, Н. Кристи, Дж. Брейтуэйта и получили развитие в отечественной доктрине. Сущностным ядром данной парадигмы является признание того, что преступление представляет собой не только и не столько нарушение абстрактной правовой нормы, сколько причинение конкретного вреда конкретному лицу, а потому разрешение уголовно-правового конфликта должно быть ориентировано прежде всего на восстановление нарушенных прав и интересов потерпевшего, а также на ресоциализацию виновного [4].

Действующее российское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает несколько правовых механизмов, в которых элемент примирения сторон имеет юридическое значение. Прежде всего, это прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), прекращение уголовного преследования с назначением судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ), а также особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ) и досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) [2]. Каждый из указанных механизмов предполагает определённый уровень волеизъявления сторон и, следовательно, определённую модель процессуальной коммуникации.

Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что законодатель, предусмотрев материально-правовые и процессуальные условия применения примирительных процедур, практически не урегулировал процедурный аспект взаимодействия сторон. Нормы УПК РФ фиксируют результат примирения (заявление потерпевшего, заглаживание вреда), но не регламентируют процесс его достижения. Тем самым возникает парадоксальная ситуация: институт, по определению требующий диалога между участниками конфликта, существует в процессуальном вакууме коммуникации.

Центральной теоретической проблемой является структурная асимметрия процессуального положения обвиняемого и потерпевшего применительно к примирительным процедурам. Указанная асимметрия проявляется на нескольких уровнях.

Во-первых, инициатива примирения нормативно не закреплена ни за одним из участников процесса, что создаёт ситуацию правовой неопределённости. Следователь и дознаватель, будучи процессуально обязанными разъяснять участникам их права, не наделены функцией посредника или медиатора. На практике инициирование переговоров о

примирении нередко происходит через защитника обвиняемого, что ставит потерпевшего в заведомо уязвимое положение, поскольку контакт осуществляется стороной, профессионально ориентированной на защиту интересов противоположного участника конфликта.

Во-вторых, существенная асимметрия наблюдается в информационном обеспечении сторон. Обвиняемый и его защитник, как правило, обладают более полным представлением о перспективах дела, о возможных правовых последствиях примирения и способах его юридического оформления. Потерпевший же зачастую не располагает квалифицированной юридической помощью и не способен объективно оценить соразмерность предлагаемой компенсации причинённому вреду. Представитель потерпевшего, если таковой имеется, далеко не всегда обладает процессуальными полномочиями, достаточными для полноценного участия в переговорном процессе.

Особенно рельефно проблема процессуальной коммуникации проявляется в рамках главы 40.1 УПК РФ, предусматривающей особый порядок судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Данная процедура строится исключительно на взаимодействии стороны обвинения (прокурора) и обвиняемого, тогда как потерпевший практически вычеркнут из числа субъектов, не только определяющих, но и влияющих на возможность применения указанной процедуры. Подобное законодательное решение вступает в противоречие с конституционным принципом обеспечения потерпевшему доступа к правосудию (ст. 52 Конституции Российской Федерации) и порождает обоснованные сомнения в том, может ли процедура, игнорирующая интересы лица, которому преступлением причинён вред, именоваться подлинно компромиссной.

Практика применения ст. 25 УПК РФ свидетельствует о том, что в тех случаях, когда процессуальная коммуникация между сторонами действительно состоялась и носила содержательный характер, результаты примирения оказываются социально значимыми и юридически устойчивыми.

Показательным в этом отношении является уголовное дело по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, рассмотренное Марксовским районным судом Саратовской области. В результате дорожно-транспортного происшествия погибла женщина, мать двоих несовершеннолетних детей. При рассмотрении дела было установлено, что причиной происшествия послужила обоюдная вина: обвиняемый превысил допустимую скорость движения, а потерпевшая, передвигаясь на велосипеде, допустила резкий выезд на середину проезжей части в непосредственной близости от двигавшегося в попутном направлении автомобиля. Принимая во внимание совокупность обстоятельств – обоюдный характер вины, тяжёлое материальное положение оставшихся без попечения несовершеннолетних детей погибшей, их согласие на прекращение

уголовного дела, – а также то, что подсудимый выплатил существенную денежную сумму на ближайшие расходы и принял на себя обязательство оказывать материальную помощь до достижения детьми совершеннолетия, суд прекратил уголовное дело на основании ст. 25 УПК РФ [3]. Данный пример наглядно демонстрирует, что содержательная коммуникация между сторонами, основанная на взаимном учёте интересов, способна привести к результату, в большей степени отвечающему задачам восстановительного правосудия, нежели формальное назначение наказания.

Вместе с тем подобные позитивные примеры являются скорее следствием индивидуальных усилий участников процесса и судейского усмотрения, нежели результатом функционирования продуманного процессуального механизма. Отсутствие институционализированных форм переговорного процесса приводит к тому, что значительная часть случаев потенциального примирения остаётся нереализованной. Стороны не знают о наличии у них соответствующей возможности, не имеют площадки для безопасного диалога, не защищены от давления и манипуляций.

Решение обозначенной проблемы видится в нескольких взаимосвязанных направлениях нормативного и институционального характера.

Прежде всего, необходимо введение в УПК РФ нормы, обязывающей следователя, дознавателя и суд разъяснять обвиняемому и потерпевшему возможность, порядок и правовые последствия примирения на всех стадиях процесса, где такое примирение допустимо. Данная обязанность должна носить не формальный, а содержательный характер и подкрепляться процессуальными гарантиями – в частности, правом потерпевшего на получение бесплатной юридической помощи при решении вопроса о примирении.

Далее, представляется обоснованным законодательное закрепление института процессуальной медиации в уголовном судопроизводстве. Опыт зарубежных правовых систем – Германии, Австрии, Бельгии, Новой Зеландии – свидетельствует о продуктивности привлечения нейтрального посредника (медиатора) к организации переговоров между обвиняемым и потерпевшим. Медиатор не наделяется властными полномочиями и не подменяет суд, однако обеспечивает условия для равноправного, добровольного и конфиденциального диалога. Заслуживает внимания модель так называемых программ восстановительного правосудия, функционирующих при судах и органах прокуратуры ряда европейских государств. Российская правовая система имеет определённый задел в этом направлении: в ряде регионов действуют службы примирения, однако их деятельность не интегрирована в процессуальный механизм и лишена нормативной основы.

Применительно к главе 40.1 УПК РФ необходимо законодательное закрепление права потерпевшего быть уведомлённым о факте заключения

досудебного соглашения о сотрудничестве, а также права заявить суду свою позицию относительно условий и последствий такого соглашения. Это не означает предоставления потерпевшему права вето, однако обеспечивает минимально необходимый уровень его процессуального участия и создаёт условия для учёта его законных интересов при принятии судом итогового решения.

Наконец, существенное значение имеет нормативное закрепление конфиденциальности переговоров о примирении. Сведения, сообщённые сторонами в ходе переговорного процесса, не должны использоваться в качестве доказательств в случае, если примирение не состоялось. Данная гарантия является необходимым условием откровенного и продуктивного диалога, без которого процессуальная коммуникация превращается в тактическую игру.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что примирительные процедуры в российском уголовном процессе существуют в условиях нормативного дефицита регулирования процессуальной коммуникации между сторонами. Законодатель закрепил результат примирения как юридический факт, влекущий определённые правовые последствия, но оставил без внимания процедуру его достижения. Подобный подход не только снижает эффективность существующих примирительных механизмов, но и порождает структурную асимметрию процессуального положения участников, ставя потерпевшего в заведомо невыгодное положение. Преодоление указанных проблем требует комплексного реформирования, включающего закрепление обязанности разъяснения права на примирение, институционализацию уголовно-процессуальной медиации, обеспечение процессуального участия потерпевшего во всех компромиссных процедурах и установление гарантии конфиденциальности переговоров. Только при соблюдении данных условий примирительные процедуры способны реализовать свой потенциал как инструмент восстановительного правосудия, отвечающий как частным интересам участников конфликта, так и публичным целям уголовного судопроизводства.

Библиографический список:

1 Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст: принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: в ред. от 14.03.2020 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 41. – Ст. 6933.

2 Российская Федерация. Закон. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. - № 52. – Ст. 4921.

3 Уголовное дело № 1-08-2010 по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ // Архив Марксовского районного суда Саратовской области за 2010 г.

4 Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

*Мальцев Т.Н., Мехоношин М.С., студенты 3 курса ФНО
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
e-mail: tim.maltsev.07@mail.ru
e-mail: maxim.mehonoshin@gmail.com*

Россия, Москва

Научный руководитель:

*Беликова М.П., кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им В. М. Лебедева»,
e-mail: marri-m@bk.ru*

Россия, Москва

*Maltsev T.N., Mekhonoshin M.S., 3rd year students
of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Justice after V. M. Lebedev".
e-mail: tim.maltsev.07@mail.ru
e-mail: maxim.mehonoshin@gmail.com*

Russia, Moscow

Scientific supervisor:

*Belikova M.P., Candidate of Economic Sciences
Associate Professor of the Department of
Digital Technologies and Innovations
Federal State Educational Institution "Russian State
University of Justice after V. M. Lebedev",
e-mail: marri-m@bk.ru*

Russia, Moscow

**Правовые вызовы и тенденции трансформации преступности в
контексте инновационного развития экономики России
Legal Challenges and Trends in the Transformation of Crime in the Context
of Russia's Innovative Economic Development**

Аннотация. В данной статье исследуются правовые проблемы, вызванные развитием инновационной экономики в России и трансформацией преступности. Актуальность обусловлена необходимостью осмысления новых форм противоправной деятельности, возникающих в результате цифровизации и внедрения прорывных технологий. Анализируются тенденции видоизменения преступности: рост киберпреступлений, использование искусственного интеллекта и криптовалют в противоправных

целях, новые способы легализации доходов и уклонения от налогообложения. Рассматриваются правовые вызовы: отставание нормативной базы от технологического прогресса, трудности квалификации новых деяний и трансграничность цифровой преступности. Сформулированы направления адаптации правовой системы к новым реалиям. Предложены пути совершенствования уголовного и процессуального законодательства, практические рекомендации по повышению эффективности противодействия преступности в условиях инновационного развития экономики России. Данная статья предназначена для исследователей уголовного права, криминологии, практикующих юристов и законодателей.

Ключевые слова: правовые вызовы, трансформация преступности, инновационная экономика, киберпреступность, цифровизация, экономическая безопасность, уголовное право, Россия, высокие технологии, криптовалюты.

Abstract. This article explores the legal challenges posed by the development of an innovative economy in Russia and the transformation of crime. The relevance of this study lies in the need to understand the new forms of illegal activity that arise as a result of digitalization and the introduction of disruptive technologies. The article analyzes the trends in the evolution of crime, including the rise of cybercrime, the use of artificial intelligence and cryptocurrencies for illegal purposes, and the emergence of new methods for money laundering and tax evasion. The article also addresses the legal challenges posed by the lag between the regulatory framework and technological advancements, the difficulties in classifying new offenses, and the cross-border nature of digital crime. The directions of adapting the legal system to new realities have been formulated. Ways of improving criminal and procedural legislation, practical recommendations on increasing the effectiveness of countering crime in the conditions of innovative development of the Russian economy have been proposed. This article is intended for researchers in criminal law, criminology, practicing lawyers, and legislators.

Keywords: legal challenges, transformation of crime, innovative economy, cybercrime, digitalization, economic security, criminal law, Russia, high technologies, cryptocurrencies.

Инновационное развитие экономики в России в 2020-е годы все чаще описывается через взаимосвязанные векторы «технологического лидерства и цифровой трансформации государственного управления, экономики и социальной сферы» [1]. В этой логике цифровые технологии выступают не только инструментом повышения производительности и снижения транзакционных издержек, но и фактором структурного изменения рисков: формируются новые рынки и модели поведения, меняются способы совершения деликтов, растут объемы данных и масштабы дистанционного взаимодействия.

Криминологически и судебно-статистически это выражается в

трансформации преступности: от «привязанных к месту» форм имущественных посягательств – к дистанционным и сетевым схемам, встроенным в платежную инфраструктуру, электронные коммуникации и платформенную экономику. В «Состоянии преступности в России за январь–декабрь 2024 года», подготовленном ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерство внутренних дел Российской Федерации, прямо фиксируется рост массива преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ) или в сфере компьютерной информации, и их рост в структуре общей преступности.

Научная задача статьи состоит в том, чтобы через призму судебной статистики и нормативно-правовой базы выявить правовые вызовы и тенденции трансформации преступности в условиях инновационного развития экономики, а также вывести новое знание, позволяющее согласовать уголовно-правовую политику, профилактику и экономические цели цифровой трансформации. В рамках статьи судебная статистика понимается не как вторичный «учет последствий» деятельности правоохранительной системы, а как самостоятельный источник эмпирического знания о том, какие составы «доживают» до суда, какова структура назначаемых наказаний и где возникают разрывы между регистрацией преступлений и судебной реализацией уголовной ответственности.

При этом важно различать статистику преступности (учет зарегистрированных деяний) и судебную статистику (учет рассмотрения дел и назначенных наказаний). На уровне методологии это два разных «среза» одного процесса: первый описывает входной поток, второй – выход системы правосудия (включая фильтры квалификации, доказывания и процессуальные решения). Такой подход позволяет не ограничиваться констатацией роста «киберпреступности», а показать конкретные узкие места: терминологические, квалификационные, доказательственные и организационно-правовые.

Концептуальная трудность исследования начинается с понятий. В ряде современных работ подчеркивается, что «в России отсутствует закрепленное на уровне закона определение «киберпреступления», что осложняет статистическую сопоставимость и формирование исчерпывающего перечня составов, относимых к «кибер» или «цифровым преступлениям» [2].

В статье используется функциональный подход: преступления рассматриваются как «цифрово-обусловленные», если цифровые технологии выступают (а) средой совершения; (б) инструментом; (в) объектом посягательства; (г) инфраструктурой сокрытия и извлечения дохода (включая «обналичивание» и «перераспределение»). Такой подход согласуется с научной позицией, согласно которой цифровая преступность – это совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью

цифровых технологий [3].

Эмпирическая база статьи включает: отчет МВД о состоянии преступности за 2024 год; данные судебной статистики о назначенном наказании по статьям УК за 2024 год, публикуемые Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации; статистический сборник «Индикаторы цифровой экономики: 2025», подготовленный Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (ИСИЭЗ) Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; нормативные акты и правовые позиции Верховный Суд Российской Федерации, прежде всего постановления Пленума, разъясняющие квалификацию и вопросы судебной практики по ИКТ- и компьютерным преступлениям.

Отдельно оговорим ограничение статистических сопоставлений. В отчете МВД за 2024 год указано, что «сведения сформированы в соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 03.07.2023 № 429 и без учета преступлений, совершенных на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей; представление и распространение таких сведений приостановлено до 1 января 2026 года на основании распоряжения Правительства РФ от 16.12.2023 № 3702-р» [4]. Это означает, что любые динамические выводы должны учитывать изменение границ наблюдения и регламентов учета.

Тезис статьи заключается в следующем: инновационное развитие экономики (прежде всего цифровая трансформация, рост дистанционных услуг и платформенных рынков) закономерно трансформирует преступность – увеличивая долю дистанционных имущественных посягательств и «гибридных» составов, где классический объект (имущество, деньги, данные) атакуется через цифровую инфраструктуру; при этом правовая система вынуждена отвечать комплексом новых регуляторных и судебно-интерпретационных механизмов, которые смещают акцент от исключительно карательной модели к превенции, межведомственному обмену данными и «антифрод-инфраструктуре».

Статистическая опора тезиса – изменение структуры преступности. В январе–декабре 2024 года зарегистрировано 1 911,3 тыс. преступлений (на 1,8% меньше, чем годом ранее), однако сегмент ИКТ-преступлений вырос: 765,4 тыс. (+13,1%), а их удельный вес увеличился с 34,8% (в январе–декабре 2023 года) до 40,0% (в 2024 году). По сути, это означает, что почти два из пяти зарегистрированных преступлений в стране относятся к группе «с цифровым компонентом» (в статистическом смысле отчета МВД). Одновременно в 2024 году более половины всех зарегистрированных преступлений (50,5%) составили хищения, где заметна высокая доля мошенничества (445,7 тыс., +2,8%) и существенное снижение краж (499,6 тыс., – 14,3%). Уже на уровне простого сравнения видно перераспределение в пользу более

«интеллектуализированных» и дистанционных схем извлечения выгоды.

Внутри массива ИКТ-преступлений отчет МВД показывает признаки технологической «сдвижки» способа совершения: 84,8% (649,1 тыс.) совершены с использованием сети Интернет (+23,2%), 45,2% (346,0 тыс.) – с использованием средств мобильной связи (+14,3%). Почти две трети (63,5%) таких преступлений совершается путем кражи или мошенничества – 486,3 тыс. (+2,3%)». Иными словами, цифровая инфраструктура в массовом порядке «встраивается» в традиционный криминальный мотив (присвоение имущества), но меняет технологию: вместо личного контакта – социальная инженерия, фишинг, подмена идентичности, использование SIM-инфраструктуры, платежных данных и удаленного доступа.

Этот структурный сдвиг корреспондирует с ростом цифровой включенности населения и организаций. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, «доля домашних хозяйств с доступом к Интернету в 2023 году приближается к 88%, а широкополосный доступ также демонстрирует близкие значения». Одновременно происходит «нормализация» цифровых коммуникаций и навыков: например, «доля населения 15+ лет, обладающего навыком отправки сообщений в мессенджерах/SMS/электронных писем с прикрепленными файлами, к 2023 году достигает 74,6%» [5, с. 179]. Хотя это позитивный показатель цифровой социализации, он автоматически расширяет «пространство атаки»: там, где коммуникация становится массовой и повседневной, мошеннические сценарии получают дешевый масштабируемый канал доступа к потенциальным жертвам.

Судебно-статистический ракурс позволяет увидеть, как трансформация преступности «переводится» на язык судебных решений и наказаний. «В 2024 году в целом по составам УК осуждено 512 845 лиц, при этом суды широко применяют лишение свободы и условное осуждение, а также штрафы и обязательные работы – в зависимости от состава и тяжести» [6].

Для цифрово-обусловленных составов особенно показателен разрыв между масштабом регистрации ИКТ-преступлений (сотни тысяч) и числом осужденных по «ядру» преступлений в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ). По данным судебной статистики за 2024 год: «по ст. 272 УК (неправомерный доступ) суммарно по частям указано 267 осужденных; по ст. 273 УК (вредоносные программы) – 35 осужденных; по ст. 274 УК – 1 осужденный; по ст. 274.1 УК (неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру) – 77 осужденных. Даже если трактовать эти цифры сугубо как «судебный итог» лишь части ИКТ-преступности, сама пропорция наводит на вывод: массовый сегмент цифрово-обусловленных посягательств в основном квалифицируется и рассматривается судами по традиционным имущественным составам (кража/мошенничество), а не по главе 28 УК, что является признаком институциональной адаптации уголовного права к технологически нейтральной логике охраны

собственности».

Так, согласно судебной статистике за 2024 год по ст. 158 ч. 3 УК осуждено 45 846 лиц. Эта статья включает квалифицирующие признаки, в том числе связанные с хищением денежных средств с банковского счета и электронных денежных средств (в практике – значимый «мост» между классической кражей и цифровыми финансовыми каналами). В условиях роста дистанционных хищений именно такие «традиционные» составы становятся главным каналом судебной реакции на цифровизацию преступности, тогда как глава 28 УК выполняет роль регулятора «инфраструктурных» посягательств на данные и системы.

С этим связан первый крупный правовой вызов: квалификационная конкуренция и границы составов. Закон содержит «специализированные» нормы, например о мошенничестве с использованием электронных средств платежа и в сфере компьютерной информации, однако судебная статистика показывает относительно небольшие числа осужденных по этим нормам: в 2024 году по ст. 159.3 УК (мошенничество с использованием электронных средств платежа) суммарно по частям отражено 35 осужденных; по ст. 159.6 УК (мошенничество в сфере компьютерной информации) – 17 осужденных. На фоне сотен тысяч ИКТ-преступлений это подтверждает наличие проблем квалификации, доказывания и, возможно, «переквалификационного дрейфа» в пользу более понятных и массовых составов.

Именно по этой причине возрастает роль судебной интерпретации. Постановление Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37 принято «в целях обеспечения единообразного применения» норм об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272–274.1 УК) и иных преступлений, совершенных с использованием электронных или информационно - телекоммуникационных сетей, включая Интернет [7]. Сам факт появления такого документа – индикатор того, что цифровизация породила значимый объем пограничных вопросов: что считать неправомерным доступом, как понимать вмешательство в функционирование, как разграничивать «данные» и «имущество», как оценивать удаленность доступа и доказательства цифрового следа. При этом Пленум по мошенничеству (Постановление № 48) адаптирует классические категории к безналичным средствам, включая вопросы территориальной подсудности и «места совершения» при дистанционных способах хищения [8].

Второй правовой вызов – доказательственная и процессуальная реализация. В цифровых делах повышается значение цифровых следов (логов, идентификаторов устройств, операций), а также вопросов допустимости и достоверности электронных доказательств. На уровне принципов это снова требует балансировки: эффективность расследования должна сочетаться с соблюдением процессуальных гарантий (презумпция невиновности, правила оценки доказательств), поскольку цифровая среда допускает ошибки

атрибуции (подмена SIM, удаленный контроль устройства, использование «дропов»). Косвенно это подтверждается тем, что в правоприменительных обзорах и научной литературе систематически выделяются трудности идентификации субъекта и установления фактического механизма преступления в цепочках, включающих несколько посредников.

Третий правовой вызов – институциональный переход от «постфактум» к превенции, встроенной в финансовую и телеком-инфраструктуру. Наиболее яркий пример – развитие антифрод-регулирования в платежной сфере. Банк России сообщил, что «с 25 июля 2024 года вступает в силу закон, обязывающий банки приостанавливать на два дня переводы, если сведения о получателе содержатся в базе данных о случаях и попытках мошеннических операций; при невыполнении этого требования кредитная организация должна вернуть клиенту деньги в течение 30 календарных дней. Важная правовая новелла здесь – признание допустимости «периода охлаждения» даже при волеизъявлении клиента, что демонстрирует смещение публичного интереса к защите от социальной инженерии, когда согласие может быть получено под влиянием обмана. Кроме того, по сообщению регулятора, банки обязаны отключать доступ к дистанционному обслуживанию лицам, вовлеченным в вывод и обналичивание похищенных средств, при поступлении сведений от правоохранительных органов» [9].

Четвертый правовой вызов – создание государственных информационных систем противодействия правонарушениям в ИКТ-сфере и расширение межведомственного обмена. В 2025 году был принят Федеральный закон № 41-ФЗ о создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием ИКТ; из материалов следует, что система предназначена для обеспечения взаимодействия широкого круга субъектов (включая финансовые организации, операторов связи, госорганы) в целях оперативного предупреждения, выявления и пресечения правонарушений [10]. «Параллельно в конце 2025 года обсуждался новый пакет мер, ориентированный на дальнейшее регулирование взаимодействия операторов связи, банков и госорганов через ГИС «Антифрод», а также внесудебную блокировку фишинговых сайтов и ресурсов, распространяющих вредоносное ПО» [11].

Пятый правовой вызов – криминализация «обеспечивающей» инфраструктуры преступности. С точки зрения уголовной политики 2025 год показателен введением уголовной ответственности за действия, типичные для «дропперских» схем. В официальных разъяснениях и публикациях указывается, что «поправки к ст. 187 УК РФ направлены на установление ответственности клиентов и третьих лиц за неправомерное использование электронных средств платежа, включая передачу доступа к счету/платежным средствам из корыстной заинтересованности и участие в неправомерных

операциях по указанию другого лица; санкции предусматривают, в зависимости от части, штрафы и лишение свободы вплоть до шести лет. Эта законодательная реакция иллюстрирует признание «цепочечной» природы цифровых хищений: криминальный доход требует «финансовых транспортировщиков» и инструментов маскировки, и без разрыва этих звеньев борьба с дистанционным мошенничеством становится неэффективной» [12, 13].

Шестой правовой вызов – телеком-инфраструктура и идентификация. В 2024 году принят закон, устанавливающий, в числе прочего, ограничения на количество абонентских номеров, которые могут быть зарегистрированы на одного человека (для граждан РФ – не более 20, для иностранных граждан – не более 10), что позиционируется как мера против нелегального оборота SIM-карт и телефонного мошенничества [14]. Технологически это отражает понимание: SIM-инфраструктура является одним из ключевых ресурсов для социальной инженерии и подмены идентичности, а потому регулируется не только в плоскости связи, но и как элемент преступной инфраструктуры.

Таким образом, тезис подтверждается двумя независимыми линиями аргументации. Первая – статистическая: рост доли ИКТ-преступлений в структуре преступности, высокая концентрация в имущественных посягательствах, доминирование Интернета и мобильной связи как каналов. Вторая – правовая: движение от реактивной модели (наказание) к гибридной (наказание + встроенная превенция + межведомственные информационные системы + криминализация инфраструктуры обналачивания и анонимизации).

Антитезис тезису состоит в том, что связь между инновационным развитием и ростом «цифровой» преступности не может быть интерпретирована прямолинейно; увеличивающаяся доля ИКТ-преступлений в статистике отражает не только объективный рост криминальной активности, но и структурные эффекты учета, изменения правоприменительной практики, смещение приоритетов выявления, а также «перекодирование» традиционных преступлений через признак использования ИКТ. Следовательно, чрезмерно жесткие или технологически специфичные правовые реакции могут не снизить преступность, но способны сдерживать инновации, создавать правовую неопределенность и повышать риски нарушения прав граждан и бизнеса.

Во-первых, ограничения статистической сопоставимости и институциональные изменения учета существенно влияют на динамику. В отчете МВД за 2024 год прямо указано, что статистические сведения сформированы по новым регламентам учета, а также без учета отдельных территорий до 1 января 2026 года. Для судебной статистики действует собственная логика: суд рассматривает дела, поступившие в конкретный период, по преступлениям, совершенным ранее; к тому же уголовные дела могут быть прекращены по нереабилитирующим основаниям, возвращены

прокурору, переквалифицированы или объединены. Следовательно, разрыв между количеством зарегистрированных преступлений и количеством осужденных не может читаться как «неэффективность суда» или «провал расследования» без учета лагов и фильтров.

Во-вторых, само понятие «киберпреступность» не закреплено законодательно, и научная литература фиксирует отсутствие единого подхода к дефиниции. В правоприменительном обзоре подчеркивается, что «на законодательном уровне понятие киберпреступления не закреплено, что порождает трудности установления совокупности составов. На теоретическом уровне отмечается наличие разных определений и в доктрине, и в международных актах, при «назревшей необходимости» унификации. В результате статистическое отнесение преступления к категории «с использованием ИКТ» становится во многом учетной конструкцией, зависящей от ведомственных методик и практики квалификации (например, считать ли конкретное мошенничество «обычным» или «ИКТ-мошенничеством» при наличии дистанционного контакта).

В-третьих, чрезмерная регуляторная реакция может повлиять на инновационный климат. Инновационная экономика предполагает быстрый оборот цифровых продуктов, дистанционные сервисы, снижение порога входа для предпринимательства и активное распространение цифровых навыков. Если превентивные меры реализуются исключительно как ограничения (массовые блокировки, чрезмерная идентификация, запреты без ясных процедур), то возникает риск «побочного ущерба»: рост транзакционных издержек, снижение доверия к цифровым сервисам, сдерживание развития легальных финтех- и телеком-решений.

Эта проблема проявляется в самой конструкции антифрод-мер. Сообщение регулятора о двухдневной приостановке переводов на основании базы данных мошеннических операций демонстрирует новый баланс интересов: защита граждан ставится выше оперативности платежей; перевод приостанавливается даже при настойчивости клиента, а банк информирует о причине и сроке. С одной стороны, это ответ на феномен социальной инженерии; с другой – в таких моделях возрастает значимость процедурных гарантий: качество критериев попадания в базы, корректность идентификации получателя, ясные механизмы оспаривания. Без этого повышается риск того, что добросовестный участник оборота столкнется с отказом или задержкой и не сможет быстро восстановить права, что подрывает доверие к цифровым платежам – ключевому элементу инновационной экономики.

В-четвертых, «вытеснение» состава в сторону традиционных норм может быть не только преимуществом, но и проблемой. Судебная статистика показывает крайне малые числа осужденных по ст. 159.3 и 159.6 УК в 2024 г. (десятки лиц), что выглядит диссонансом на фоне сотен тысяч мошенничеств и ИКТ-хищений. Это может означать, что специализированные составы либо

слишком узко сконструированы, либо сложны для доказывания, либо «конкурируют» с более универсальными нормами (например, ст. 158 или 159). Тогда развитие уголовного законодательства в сторону все большей детализации цифровых форм может не привести к росту эффективности, если не будет сопровождаться системным обеспечением: методиками расследования, экспертной базой, стандартизацией цифровых доказательств и разъяснениями по разграничению.

В-пятых, инновационное развитие может способствовать снижению части традиционной преступности, а рост ИКТ-компонента – быть следствием перераспределения, а не чистого увеличения. В 2024 году отчет МВД фиксирует «снижение зарегистрированных преступлений в целом (–1,8%) и снижение краж (–14,3%) при одновременном росте ИКТ-преступлений (+13,1%). Это совместимо с гипотезой «замещения способов»: цифровая среда более выгодна преступнику (масштабируемость, удаленность), но одновременно физическое пространство становится более защищенным (камеры, контроль доступа, цифровые следы). Такое замещение означает, что правовая политика должна быть тоньше, чем «борьба с киберпреступностью» в отрыве от общей трансформации социально-экономических практик [15].

Наконец, важно учитывать международный и технологический контекст будущего. Технологическая политика государства включает развитие искусственного интеллекта и обновление стратегических документов в этой сфере. С ростом автономных систем и алгоритмического принятия решений увеличится число конфликтов вокруг ответственности за ошибки систем ИИ, безопасности данных и злоупотреблений доступом. Это означает, что системный ответ не может строиться только на расширении уголовной репрессии: иначе инновационная экономика столкнется с правовым риском «регуляторной перегрузки», а преступность адаптируется быстрее, чем принимаются нормы.

Таким образом, антитезис дает три ключевых ограничения тезиса: (1) статистика отражает не только реальность, но и учет; (2) неопределенность дефиниций и конкуренция составов создают правовые разрывы; (3) превентивные меры несут риск побочных эффектов для инноваций и прав граждан, если не встроены в надлежащую процедуру и доказательственный стандарт.

Выведение нового знания возможно через объединение тезиса и антитезиса в единую исследовательскую позицию: трансформация преступности в условиях инновационного развития экономики действительно происходит и подтверждается статистически, но ее правовое управление должно быть основано на «доказательной» модели, где нормативные решения оцениваются по измеримым показателям судебной реализации, ущерба и превенции, а также по влиянию на инновационный климат и права субъектов.

Основной синтезируемый вывод: ключевым объектом регулирования

становится не «киберпреступление» как самостоятельная категория, а цепочка цифрово-обусловленного преступления – от входа (коммуникация/социальная инженерия) через инфраструктуру (SIM-идентификация, аккаунты, платежные инструменты) к выводу средств (дроп-сети, обналичивание, трансграничные переводы). Именно эта цепочечность требует согласования трех подсистем: уголовно-правовой квалификации (суды), финансово-телеком-превенции (регулятор/провайдеры) и цифровой грамотности населения (социальная политика).

Судебная статистика позволяет предложить конкретный показатель нового знания – коэффициент судебной реализации (КСР) для цифрово-обусловленных преступлений, который можно описать как отношение числа осужденных по релевантным составам к числу зарегистрированных преступлений в соответствующей группе за сопоставимый период. При этом требуется методическая оговорка: прямое сопоставление «осужденные в 2024 году» с «зарегистрированные в 2024 году» имеет временной лаг и несовпадение квалификационных рамок, поэтому КСР следует использовать как ориентир при стабильных методиках и на скользящем окне (например, 3 года).

Тем не менее уже простая иллюстрация показывает масштаб разрыва, который должен стать предметом правовой политики. В 2024 году зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации. В то же время число осужденных по «ядру» компьютерных преступлений (ст. 272–274.1 УК) в судебной статистике за 2024 год составляет порядка нескольких сотен [16]. Это не «аномалия», а структурный сигнал: уголовно-правовая реакция на цифровизацию в основном проявляется не через главу 28 УК, а через обновленную интерпретацию имущественных составов (включая безналичные средства) и через превентивное регулирование финансовых и телеком-процессов.

Отсюда следует практическая научная новелла: оценивать эффективность трансформации правового ответа нужно не по количеству «киберстатей» в УК, а по тому, насколько согласованы (а) судебные разъяснения о квалификации; (б) механизмы противодействия на финансово-телеком-уровне; (в) криминализация инфраструктурных звеньев; (г) статистическая отчетность, позволяющая сравнивать вход и выход системы.

В этой логике постановления Пленума выполняют функцию «правовой компиляции» технологически нейтральных норм к цифровым способам совершения. Пленум № 37 подтверждает необходимость разъяснений по преступлениям главы 28 и по иным составам, совершенным с использованием сетей, включая Интернет. Пленум № 48 уточняет подходы к мошенничеству с безналичными средствами и к определению места совершения преступления,

что имеет прямое значение для территориальной подсудности и эффективного уголовного преследования в условиях распределенных цифровых действий. В совокупности это демонстрирует: судебная власть фактически «доставляет» правовую определенность там, где технологический прогресс создает комбинации фактов, не предусмотренные классическими доктринальными схемами.

Следующий элемент синтеза – институциональная превенция как часть правовой конструкции цифровой экономики. Антифрод-механизм с двухдневной приостановкой переводов и обязанностью возврата средств при нарушении процедур, по сути, переводит часть «тяжести» защиты прав потерпевших с уголовного процесса (где возврат ущерба часто сложен и длителен) на комплаенс-процедуры кредитных организаций. Одновременно создание ГИС противодействия правонарушениям в ИКТ-сфере (41-ФЗ) и обсуждение последующих пакетов мер усиливают межведомственную связанность как обязательный элемент противодействия дистанционным мошенничествам. Этот переход можно рассматривать как формирование «административно - информационного контура» вокруг уголовного права: наказание остается, но значимая часть эффекта достигается до суда – блокировками, идентификацией, обменом данными, предотвращением вывода средств.

Однако антитезис подсказывает важное условие: такие системы должны быть процедурно защищены, иначе инновационная экономика получит негативный внешний эффект – снижение скорости и предсказуемости оборота, рост ошибочных ограничений, снижение доверия к цифровым сервисам. Следовательно, новое знание состоит и в необходимости внедрения «правового аудита» антифрод-мер, включающего: критерии включения в базы; стандарты уведомления; механизм оспаривания решений; отдельную ответственность субъектов (банк/оператор/платформа); а также статистическую публичность результатов (сколько приостановок, сколько обжалований, сколько ошибок). Основание для такого подхода заложено самим регулятором, который заявляет мониторинг исполнения норм.

Третий элемент синтеза – криминализация инфраструктуры. Поправки к ст. 187 УК РФ (176-ФЗ) институционально закрепляют понимание, что «дроппер» – не случайный участник, а типичный агент цифровой преступной цепочки. Это изменяет ситуацию не только в уголовно-правовом смысле, но и в судебной статистике будущих лет: появляется потенциал роста числа дел по новым частям ст. 187 УК, а также более точного «выделения» ролей в преступной группе. В перспективе это позволит формировать специализированные судебно-статистические срезы: сколько осужденных по ст. 187 связано с ИКТ-мошенничествами, каковы типичные наказания, какова доля конфискации и возмещений ущерба.

Четвертый элемент синтеза – телеком-регулирование как

криминологическая мера. Ограничение числа SIM-карт на одного человека не является «уголовной нормой», но является правовой мерой снижения анонимности и упрощения атрибуции, что в теории должно снижать масштабируемость телефонного и интернет-мошенничества. В сочетании с развитием ГИС «Антифрод» это формирует инфраструктурную профилактику, которая при корректной реализации может уменьшить нагрузку на суд и следствие, перенося часть «фильтрации» на ранние стадии.

Пятый элемент синтеза – человеческий капитал цифровой экономики как одновременно ресурс и зона риска. Статистический сборник ИСИЭЗ показывает динамику распространения цифровых навыков и дистанционной занятости (например, численность занятых, работающих дистанционно, и распределение по группам занятий; более высокие значения в секторе «Информация и связь» и в ИКТ-профессиях). С одной стороны, это показатель зрелости цифровой экономики; с другой – это фактор роста числа потенциальных «точек входа» для атак на корпоративные сети и личные устройства. Поэтому синтез требует включения в правовую политику не только уголовно-правовых мер, но и мер повышения цифровой грамотности и культуры безопасности (как часть национальных целей цифровой трансформации).

В итоге синтез формулируется как модель «правового контура цифровой экономики», опирающаяся на судебную статистику: 1) цифровизация увеличивает удельный вес ИКТ-преступлений и смещает ядро преступности в сторону дистанционных имущественных посягательств; 2) судебная система отражает это через массовое применение традиционных составов к цифровым фактам и через специальные разъяснения высшей судебной инстанции; 3) государство отвечает гибридом уголовного права и превентивной инфраструктуры (антифрод в банках, ГИС, телеком-идентификация, криминализация «дропперства»); 4) эффективность должна оцениваться не декларативно, а статистически – через показатели судебной реализации, ущерба и ошибочных ограничений (правовой аудит), со строгим учетом изменений методик учета.

Это новое знание имеет прикладное значение: оно предлагает измеримую рамку для согласования уголовно-правовой политики и экономической стратегии инновационного развития, минимизируя риск того, что борьба с цифровой преступностью будет осуществляться ценой деградации цифровой экономики и правовых гарантий.

Судебно-статистический анализ в сочетании с нормативно-правовой базой показывает, что трансформация преступности в контексте инновационного развития экономики носит устойчивый структурный характер. В 2024 году ИКТ-преступления составили 40% от всех зарегистрированных преступлений (765,4 тыс.), причем доминируют дистанционные имущественные посягательства, совершаемые через Интернет

и мобильную связь. Одновременно судебная статистика за 2024 год фиксирует, что компьютерных преступлений по главе 28 УК обеспечивает сравнительно небольшой объем осуждений, тогда как значимый массив судебных решений приходится на традиционные имущественные составы, адаптированные к безналичным и электронным формам оборота [17].

Правовые вызовы сформулированы на трех уровнях. На уровне понятий и квалификации сохраняется неопределенность дефиниций и конкуренция составов, что подтверждается научными источниками и самим фактом принятия специальных разъяснений Пленума ВС РФ. На уровне доказательств и процесса возрастает значимость цифровых следов и рисков ошибок атрибуции, что требует усиления стандартов доказывания при сохранении гарантий справедливого судебного разбирательства. На уровне институционального дизайна происходит формирование превентивной «антифрод-инфраструктуры»: двухдневная приостановка подозрительных переводов, создание ГИС противодействия правонарушениям, меры в сфере связи (лимит SIM-карт), а также уголовно-правовая реакция на «дропперство».

В качестве синтетического результата предложена рамка «правового контура цифровой экономики», где эффективность мер против цифрово-обусловленной преступности измеряется не только уровнем регистрации и наказуемости, но и коэффициентами судебной реализации, предотвращенного ущерба и качеством процедурных гарантий при применении превентивных ограничений. Такая рамка особенно важна в перспективе 2026–2030 годов, когда развитие искусственного интеллекта, платформенной экономики и дистанционной занятости будет увеличивать сложность преступных цепочек и одновременно повышать требования к правовой определенности и балансу интересов в цифровом обороте.

Библиографический список:

1. Указ Президента РФ «О национальных целях развития на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 №309. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения 07.02.2026).
2. Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина. «Обзор правоприменительной практики по противодействию киберпреступлений» (25.07.2024). URL: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_1-Obzor_Pravoprimeritelnoj-praktiki-po-protivodejstviju-kiberprestuplenij.pdf
3. Романовский В.Г. «Цифровая преступность: понятие, криминологические особенности, проблемы противодействия» (2024). URL: https://izvuz_on_eng.pnzgu.ru/files/izvuz_on_eng.pnzgu.ru/11324.pdf (дата обращения 07.02.2026).

4. Распоряжение Правительства РФ от 16.12.2023 N 3702-р (ред. от 13.01.2026) «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 671-р» / СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464743/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения 04.02.2026).
5. Индикаторы цифровой экономики: 2025 : статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг и др.; И60 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 296 с.
6. Судебная статистика РФ (Судебный департамент при ВС РФ). «Данные о назначенном наказании по статьям УК». URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 06.02.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» / СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения 01.02.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» / СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения 29.01.2026).
9. Банк России. Новость: «Граждан защитят по-новому от мошеннических переводов» (24.07.2024). URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=18865> (дата обращения 10.02.2026).
10. Ф3 № 41-Ф3 от 01.04.2025 «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502182/ (дата обращения 11.02.2026).
11. РБК. Материал: «Правительство внесло в Думу новый пакет мер по борьбе с мошенниками» (26.12.2025). См. описание второго пакета мер и функционала ГИС «Антифрод». URL: <https://www.rbc.ru/society/26/12/2025/694e7ea29a794724074f68c4> (дата обращения 28.01.2026).
12. Федеральный закон № 176-ФЗ от 24.06.2025. «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» / СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (дата обращения 20.02.2026).

13. Генеральная прокуратура РФ (разъяснение). «Внесены изменения в Уголовный кодекс РФ» (08.07.2025): описание смысла поправок к ст. 187 УК РФ и определение “дропперов” в правовосветительском формате. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_35/activity/legal-education/explain/e5873935/ (дата обращения 20.02.2026).

14. Федеральный закон № 303-ФЗ от 08.08.2024 «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://86.rospotrebnadzor.ru/news/ob-izmeneniyax-v-zakonodatelstvo-o-svyazi.html> (дата обращения 19.02.2026).

15. Перина А.С. «Цифровые преступления: понятие, типология, признаки» (2023). См. аннотацию и выводы об отсутствии единого определения в законодательстве/доктрине. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9221/6338e19a257455c5e8a1cfe7feaба034586с.pdf> (дата обращения 09.02.2026).

16. МВД России. «Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года» (ФКУ «Главный информационно-аналитический центр»). URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения 05.02.2026).

17. НИУ ВШЭ, ИСИЭЗ. «Индикаторы цифровой экономики: 2025». URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1026726402.pdf> (дата обращения 01.02.2026).

*Страхов И.А., старший преподаватель кафедры юриспруденции
Российский университет кооперации
России, г. Мытищи*

*Борисова А.Н., сотрудник кафедры Психологии и Управления
Московского экономического института
России, г. Москва*

*Strakhov I.A., Senior Lecturer Department of Jurisprudence
Russian University of Cooperation
Russia, Mytishchi*

*Borisova A.N., Employee of the Department Psychology and Management
Moscow Economic Institute
Russia, Moscow*

**Конвергенция уголовно-правовых и муниципальных начал в условиях
глобализации: от фрагментации суверенитета к новой парадигме
безопасности**

**The convergence of criminal law and municipal principles in the context of
globalization: from the fragmentation of sovereignty to a new security
paradigm**

Аннотация. В статье рассматриваются процессы изменения отраслевых характеристик уголовного и муниципального права под влиянием факторов глобального характера. Исследуется проблема соотношения международных стандартов и национальной компетенции в сфере уголовного судопроизводства, а также возрастающая роль муниципальных образований в системе предупреждения преступности. Автор обосновывает позицию, согласно которой происходит объективное сближение публично-правовых отраслей, что требует пересмотра устоявшихся подходов к разграничению предметов ведения.

Ключевые слова: глобализация, уголовное право, муниципальное право, суверенитет, юрисдикция, предупреждение преступности, локальное нормотворчество, имплементация, безопасность.

Abstract. The article examines the processes of changing the sectoral characteristics of criminal and municipal law under the influence of global factors. It explores the issue of the relationship between international standards and national competence in the field of criminal proceedings, as well as the increasing role of municipalities in the system of crime prevention. The author substantiates the position that there is an objective convergence of public law branches, which requires a revision of established approaches to the delineation of subjects of jurisdiction.

Keywords: globalization, criminal law, municipal law, sovereignty, jurisdiction, crime prevention, local rulemaking, implementation, security.

Современный этап развития международных отношений характеризуется усилением интеграционных процессов, оказывающих непосредственное воздействие на национальные правовые системы. В научной литературе неоднократно отмечалось, что глобализация влечет за собой не только положительные эффекты экономического и культурного сотрудничества, но и порождает новые вызовы для государства как основного субъекта публично-правового регулирования. Особую значимость указанные процессы приобретают для отраслей права, традиционно связанных с обеспечением суверенитета — уголовного и муниципального.

Уголовное право исторически рассматривалось как исключительная прерогатива государства, реализуемая в пределах его территории и основанная на национальных интересах. Муниципальное право, в свою очередь, замыкалось на решении вопросов местного значения, не затрагивающих фундаментальных основ государственности. Однако в настоящее время указанные границы становятся все более подвижными, что требует научного осмысления складывающихся реалий. Цель настоящей работы состоит в выявлении основных направлений трансформации уголовно-правовых и муниципально-правовых институтов в условиях глобализации.

Воздействие глобализации на уголовное право проявляется, прежде всего, в расширении сферы действия международных норм и стандартов. Ратификация международных договоров, участие государств в межгосударственных объединениях, необходимость гармонизации законодательства с целью противодействия транснациональной преступности — все это ведет к тому, что национальный законодатель утрачивает монополию на определение круга преступных деяний и мер ответственности. Данный процесс не следует оценивать однозначно. С одной стороны, унификация уголовно-правовых запретов позволяет более эффективно бороться с такими явлениями, как терроризм, коррупция, легализация преступных доходов. С другой стороны, возникает риск нивелирования национальных особенностей правопонимания и ослабления суверенной власти государства в той сфере, которая всегда считалась ее неотъемлемым атрибутом [3, с. 52].

Некоторые авторы справедливо указывают на то, что глобализация создает предпосылки для формирования наднационального уголовного права, которое будет существовать параллельно с национальными системами и в определенных случаях иметь приоритет перед ними [5, с. 27]. Реализация подобного сценария потребует пересмотра целого ряда конституционных положений, касающихся пределов действия государственной власти и прав человека.

Не менее существенные изменения происходят и в муниципально-правовой сфере. Долгое время муниципальное право рассматривалось преимущественно как отрасль, регулирующая хозяйственную деятельность и обеспечение жизнедеятельности населения. Однако глобализация привела к тому, что проблемы, ранее считавшиеся исключительно государственными или международными, приобрели локальное измерение. Муниципальные образования оказались на переднем крае противодействия нелегальной миграции, распространению экстремистской идеологии, наркотрафику и иным формам противоправной деятельности, имеющим трансграничный характер [4, с. 235].

В связи с этим объективно возрастает роль органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка и профилактики правонарушений. Муниципальные правовые акты все чаще включают положения, направленные на создание безопасной городской среды, ограничение доступа в определенные зоны, регулирование поведения в общественных местах. Указанные меры, не являясь мерами уголовно-правового характера, тем не менее, оказывают существенное влияние на состояние преступности и должны учитываться при разработке государственной уголовной политики [6, с. 48].

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить несколько основных направлений, по которым происходит сближение уголовного и муниципального права.

Во-первых, это участие органов местного самоуправления в реализации программ профилактики правонарушений. Федеральное законодательство возлагает на муниципалитеты обязанность по разработке и осуществлению мероприятий в сфере профилактики, что предполагает взаимодействие с правоохранительными органами, оценку криминогенной обстановки, распределение ресурсов.

Во-вторых, это муниципальный контроль, который в ряде случаев может выявлять нарушения, содержащие признаки составов преступлений. Речь идет о контроле за использованием земель, соблюдением правил благоустройства, оборотом отдельных видов продукции. Информация, полученная в ходе такого контроля, служит основанием для возбуждения уголовных дел и используется в процессе доказывания.

В-третьих, это создание муниципальными образованиями условий, препятствующих совершению преступлений. Современные градостроительные концепции исходят из того, что планировка улиц, освещение, размещение объектов социальной инфраструктуры могут как способствовать, так и препятствовать криминальной активности.

Таким образом, муниципальные решения приобретают криминологическое значение. Выявленные тенденции ставят перед юридической наукой ряд вопросов, требующих разрешения. Наиболее

существенным представляется вопрос о пределах вмешательства муниципальных образований в сферу, традиционно относящуюся к компетенции государства. Безусловно, профилактика правонарушений является общей задачей всех уровней публичной власти. Однако наделение муниципалитетов полномочиями, прямо или косвенно связанными с ограничением прав граждан, должно сопровождаться четким законодательным регулированием и установлением гарантий от злоупотреблений [2, с. 220].

Кроме того, актуальной остается проблема разграничения ответственности. В тех случаях, когда меры, принятые на муниципальном уровне, оказались недостаточными и повлекли тяжкие последствия, возникает вопрос о том, кто именно должен нести ответственность — местные органы власти или государство в целом. Действующее законодательство не дает однозначного ответа на этот вопрос, что создает трудности в правоприменительной практике.

Наконец, нельзя оставлять без внимания и вопросы, связанные с цифровизацией. Внедрение систем видеонаблюдения, обработка персональных данных, использование автоматизированных систем принятия решений в сфере обеспечения безопасности — все это требует адекватной правовой основы, учитывающей как необходимость защиты от преступных посягательств, так и право граждан на неприкосновенность частной жизни [1, с. 8].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что глобализация оказывает существенное воздействие на содержание и границы уголовного и муниципального права. Происходит не просто расширение сферы действия международных норм, но и перераспределение функций между различными уровнями публичной власти в сфере обеспечения безопасности. Муниципальные образования приобретают все большее значение в системе предупреждения преступности, что требует адекватного отражения в законодательстве.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на выработку четких критериев разграничения полномочий, создание механизмов координации деятельности государственных и муниципальных органов, а также на обеспечение баланса между коллективной безопасностью и правами личности. Решение указанных задач будет способствовать повышению эффективности противодействия преступности в условиях глобализирующегося мира.

Библиографический список:

1. Безопасность информационной сферы в условиях глобализации // Актуальные исследования. 2024. № 38 (120). С. 6-10.

2. Везетев В.В. Оценка влияния мировых тенденций и национальных особенностей на реформирование государственной гражданской службы (военной, правоохранительной, муниципальной) в РФ // Молодой ученый. 2024. № 50 (549). С. 219-222.

3. О некоторых аспектах взаимодействия международного и национального права // Наука и образование. 2021. № 4. С. 51-55.

4. Поярков С.Ю., Гончаров В.В., Кудрявцев В.Л. Трансформация конституционализма и эволюция уголовного законодательства в сравнительно-правовом измерении: противоречия, тенденции и перспективы развития // Административное и муниципальное право. 2025. № 5. С. 234-256.

5. Тихомиров Ю.А. Глобализация и право: баланс интересов // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 25-35.

*Чирков А.Д., аспирант,
кафедры гражданского и корпоративного права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический
университет» (СПбГЭУ)
e-mail: aleks.chirkovv@gmail.ru
Россия, Санкт-Петербург*
*Chirkov A.D., postgraduate student,
Department of Civil and Corporate Law
FSBEI HE "Saint-Petersburg State University of Economics" (UNECON)
e-mail: aleks.chirkovv@gmail.ru
Russia, Saint-Petersburg*

**Правовые механизмы регулирования отношений между цифровыми
платформами и бизнес-пользователями**
**Legal mechanisms for regulating relations between digital platforms and
business users**

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования цифровых платформ в условиях развития платформенной экономики. Подчеркивается возрастающее значение цифровых платформ как инфраструктуры современной торговли и посредничества между различными группами пользователей. Наличие сетевых эффектов усиливает влияние платформ на условия доступа к рынку и содержание договорных отношений, что требует формирования системного правового регулирования. Рассматриваются положения Федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», затрагивающие порядок одностороннего изменения договоров, сроки уведомления партнеров, обязанность обеспечения доступа к действующим и прежним редакциям соглашений между платформами и их партнерами.

Ключевые слова: цифровые платформы, платформенная экономика, р2b, договорное регулирование, одностороннее изменение договора.

Annotation. The article addresses the legal regulation of digital platforms in the context of the development of the platform economy. It emphasizes the growing importance of digital platforms as key infrastructures for modern commerce and for mediating interactions between different groups of users. The presence of network effects strengthens the influence of platforms on market access and on the structure of contractual relations, which makes the development of a systematic legal framework particularly important. The paper examines provisions of the Federal Law "On Certain Issues of Regulation of the Platform Economy in the Russian Federation," including rules on unilateral modification of contracts, advance notice

to business partners, and the obligation to provide access to current and previous versions of platform agreements.

Key words: digital platforms, platform economy, p2b, contractual regulation, unilateral contract modification.

Развитие в России специального регулирования цифровых платформ не возникло на пустом месте, а стало следствием длительной эволюции таких правовых институтов, как информационные посредники и агрегаторы информации о товарах (работах, услугах).

Признавая значимость цифровых платформ для современной экономики, нельзя игнорировать и те проблемы, с которыми сталкиваются участники рынка в текущее время. Регулирование, ориентированное на отдельных крупных игроков [1], способно влиять на формирование рыночных практик, но закрепление общих правил на уровне федерального закона (о чём будет сказано далее) видится более системным подходом.

В рамках настоящей работы понятия «цифровая платформа» и «оператор цифровой платформы» используются как тождественные для удобства изложения.

Особое внимание законодателя к цифровым платформам обусловлено их специфической экономической природой, а именно – наличием сетевого эффекта. Сетевой эффект означает, что ценность платформы для одной группы пользователей возрастает по мере увеличения числа участников другой группы. Например, чем больше продавцов размещают товары на маркетплейсе, тем привлекательнее платформа становится для покупателей; в свою очередь, рост числа покупателей стимулирует новых продавцов присоединиться к платформе.

В связи с этим деятельность операторов цифровых платформ вызывает повышенное внимание антимонопольных органов, что подтверждается российской и зарубежной практикой против крупнейших компаний: Microsoft и Google [2]. В российском праве данная проблема получила отражение в рамках принятия пятого антимонопольного пакета, который ввел специальные критерии доминирования владельцев цифровых платформ (ст. 10.1 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Однако антимонопольные механизмы по своей природе носят преимущественно ex post характер и направлены на пресечение уже совершенных нарушений. Кроме этого, принятые изменения обладают определенной степенью неоднозначности.

Эти обстоятельства предопределили необходимость разработки правового фундамента, ориентированного на ex ante регулирование отношений с цифровыми платформами.

Так, в конце июля 2025 года был принят Федеральный закон от 31.07.2025 N 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной

экономики в Российской Федерации» (далее – Закон о ПЭ), который вступит в силу 1 октября 2026 года. Данный закон нацелен на формирование правового регулирования между цифровой платформой, её партнерами и пользователями в связи продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг (ч. 1 ст. 1 Закона о ПЭ).

Концепция законопроекта изначально строилась на необходимости одновременного регулирования двух направлений: platform to consumer (p2c) и platform to business (p2b). Если первое направление направлено на защиту прав потребителей, то второе направление – на защиту предприниматели, которые ведут бизнес через платформу.

При этом защита слабой стороны может характерна не только для потребительских, но и в некоторых случаях для коммерческих договоров [4]. Такая возможность прямо признается российским гражданским правом в рамках положений статьи о договоре присоединения в её нынешней редакции (ст. 428 Гражданского кодекса РФ). До внесения изменений такую же позицию занимал Высший Арбитражный Суд РФ в п. 9 Постановления Пленума от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

Вместе с тем данный механизм не всегда обеспечивал эффективную защиту партнеров цифровых платформ. В одном из дел Верховный Суд РФ отметил: «...ответчик (*цифровая платформа – прим. авт.*) вправе в одностороннем порядке вносить изменения в договор, в том числе в виде новой редакции текста оферты; истец не совершал действий по принятию изменений или передаче нового товара; обременительный характер новых условий не доказан; доказательства того, что истец имел намерение и предпринимал усилия для согласования иных условий по оспариваемым им пунктам, отсутствуют; продавец не лишен возможности реализовать товар через иное лицо» [5].

В этой связи принятие Закона о ПЭ можно рассматривать как попытку повысить транспарентность и предсказуемость взаимодействия между оператором платформы и ее партнерами.

Закон о ПЭ впервые закрепляет специальные правила одностороннего изменения договоров оператором цифровой платформы. В частности, оператор платформы обязан предварительно уведомлять партнера о внесении изменений в договор. По общему правилу не менее чем за 15 дней до вступления изменений в силу (ч. 2 ст. 12 Закона о ПЭ), а в некоторых случаях – не менее чем за 45 дней (ч. 1 ст. 12 Закона о ПЭ).

Увеличенный срок применяется при изменении мер ответственности по договору, увеличении вознаграждения оператора платформы или изменении порядка его определения, снижении вознаграждения владельца пункта выдачи заказов либо изменении порядка его расчета, а также при изменении условий приемки, хранения, доставки, выдачи, отправления или возврата товаров.

Указанные сроки могут не применяться, если изменения направлены на улучшение положения партнера либо на приведение договора в соответствие с законодательством Российской Федерации (ч. 3 ст. 12 Закона о ПЭ). Уведомление направляется в электронной форме через личный кабинет или иным предусмотренным договором способом (ч. 3 ст. 6 Закона о ПЭ).

При этом российская модель регулирования не является уникальной. Так, Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2019/1150 от 20.06.2019 «Об обеспечении справедливости и прозрачности в отношениях между бизнес-пользователями и сервисами электронной коммерции» предусматривает обязанность платформ заранее уведомлять предпринимателей о планируемых изменениях условий сотрудничества. В частности, ст. 3 указанного Регламента устанавливает минимальный срок предварительного уведомления о таких изменениях, который, как правило, составляет не менее 15 дней.

Установление обязательных сроков предварительного уведомления направлено на защиту слабой стороны договорных отношений от чрезмерно частого и непредсказуемого изменения условий сотрудничества с платформой. Именно эти обстоятельства побудили некоторых исследователей высказывать идеи о необходимости введения специальных императивных нормативных предписаний на этот счет [6].

Российский законодатель во многом последовал по этому пути, закрепив не только минимальные сроки предварительного уведомления при одностороннем изменении условий договора, но и установив требования к содержанию таких договоров (ч. 4 ст. 5 Закона о ПЭ).

Также заслуживает внимания и то, что платформа обязана обеспечить доступ не только к актуальной, но и к прежним редакциям договора. Закон возлагает на оператора обязанность размещать договор с указанием периода его действия и предоставлять партнерам беспрепятственный доступ как к действующей, так и к утратившим силу редакциям договора для ознакомления и копирования (ч. 5 ст. 6 Закона о ПЭ). Данное требование имеет важное практическое значение, поскольку ранее актуальные версии договоров могут отсутствовать в публичном доступе, что затрудняет доказывание содержания договорных обязательств в определенный момент времени.

Практическая эффективность указанных новелл будет определяться тем, насколько последовательно они будут применяться в правоприменительной практике.

Библиографический список:

[1] Новые правила для продавцов Wildberries и Ozon требуют пересмотра // Федеральная антимонопольная служба России : [сайт]. URL: <https://fas.gov.ru/news/34245> (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Бахмудов Д. М. Доминирующее положение цифровых платформ: понятие и правовые аспекты антимонопольного регулирования // Право и бизнес. 2025. № 4. СПС "КонсультантПлюс".

[3] Кожемякин Д. В., Миронова С. М. Антимонопольные аспекты деятельности операторов цифровых платформ в гиг-экономике // Закон. 2024. № 3. СПС "КонсультантПлюс".

[4] Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. СПС "КонсультантПлюс".

[5] Определение Верховного Суда РФ от 03.06.2022 № 305-ЭС22-8631 по делу № А41-5952/2021.

[6] Сергеева О. В. Защита слабой стороны в условиях цифровизации договорных отношений // Журнал российского права. 2024. № 6. СПС "КонсультантПлюс".

*Шильникова А.А., старший преподаватель
кафедры прокурорско-следственной деятельности
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля»
Shilnikova A.A., Senior Lecturer
Department of Prosecutor's and Investigative Activities
V. Dahl Luhansk State University*

Профилактика правонарушений в исправительных учреждениях Crime prevention in correctional institutions

Аннотация. Автором статьи проводится глубокий анализ обстановки в местах лишения свободы. Акцентируется внимание на внутренней специфике и противоречиях, присущих системе исполнения наказаний, связанной с изоляцией индивидов от общества. Определено, что пенитенциарные органы обладают арсеналом специфических инструментов для криминологической профилактики, а также для предотвращения и нейтрализации противоправных деяний.

Ключевые слова: исправительные учреждения, пенитенциарные органы, уголовно-исполнительная система, места лишения свободы, профилактика правонарушений.

Annotation. The author of the article conducts an in-depth analysis of the situation in places of detention. Attention is focused on the internal specifics and contradictions inherent in the penal enforcement system related to the isolation of individuals from society. It is determined that penitentiary authorities have an arsenal of specific tools for criminological prevention, as well as for the prevention and neutralization of illegal acts.

Keywords: correctional institutions, penitentiary bodies, penal enforcement system, places of deprivation of liberty, prevention of offenses.

Особенности криминальной обстановки в местах лишения свободы во многом обусловлены присущими им особенностями и противоречиями, возникающими в процессе исполнения наказаний, связанных с изоляцией от общества. Анализ данных свидетельствует о том, что на распространенность преступлений в исправительных учреждениях существенное воздействие оказывает увеличение среди заключенных доли лиц, уже имевших судимость. Данные индивидуумы играют роль носителей и распространителей криминальных традиций и норм, которые объективно возникают вследствие продолжительного воздействия тюремного режима и изоляции. Принимая во внимание значимость и комплексность указанной проблемы, исследование эффективных методов профилактики преступности в местах лишения свободы приобретает особую актуальность.

«Под предупреждением преступности стоит понимать профилактику данной преступности, то есть мероприятия, направленные на выявление, устранение и нейтрализацию причин и условий, ей способствующих, а также выявление лиц, склонных к противоправному поведению для устранения у них формирования антиобщественной установки на ранней стадии» [1].

Важное место в предотвращении преступности в системе государственных институтов занимают прежде всего учреждения уголовно-исполнительной системы главной задачей, которых является «обеспечение исполнения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации» [2].

Лишение свободы как мера наказания, приводит к развитию определенных барьеров, способных привести к дезадаптации у некоторых индивидов. Это может спровоцировать их дальнейшее отчуждение от общества, усилить неприятие социальной среды или привести к временному исключению из нее. К наиболее существенным ограничениям относятся не только заметное сужение круга общения, но, что более важно, сокращение контактов с семьей, родственниками и друзьями.

Для профилактики преступности в исправительных учреждениях на общесоциальном уровне применяется широкий спектр мер. В их числе – стратегические, социально-экономические, организационно-управленческие, патриотические, образовательные, воспитательные и другие меры, которые нацелены на устранение и смягчение усугубленных социальных противоречий, которые в условиях мест лишения свободы часто предстают уже в искаженном виде.

Усугубление общественно-политической напряженности в первую очередь находит своё отражение в условиях содержания лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, способствуя росту криминальной субкультуры, агрессии и насильственных проявлений. Снижение уровня социальных конфликтов, которое достигается посредством грамотной и дальновидной социальной политики, что подтверждается многочисленными историческими прецедентами, ведет к заметному уменьшению частоты и тяжести преступлений, совершаемых как на почве насилия, так и корыстно-насильственного характера, в следственных изоляторах и колониях

Кроме того, пенитенциарные органы и структуры обладают арсеналом специфических инструментов для криминологической профилактики, а также для предотвращения и нейтрализации противоправных деяний. К ним относится постоянный мониторинг поведения заключенных, систематическое проведение всесторонних превентивных мероприятий в исправительных учреждениях. Улучшение методик и процедур надзора в исправительных учреждениях, а также активная борьба с любыми проявлениями уголовной субкультуры являются приоритетами.

По мнению Н.А. Сурменюк «индивидуальное предотвращение – это деятельность администрации учреждений исполнения наказаний, прежде всего направленная на идентификацию осужденных, склонных к совершению новых преступлений, а также применения к ним соответствующих специальных надзорных и воспитательных процедур» [3].

Так, повторные преступления, совершаемые лицами, уже привлекавшимися к уголовной ответственности, характеризуются прежде всего возрастающей общественной опасностью, это обусловлено тем, что такие лица более тщательно планируют совершение повторного преступления и демонстрируют большую степень криминальной осведомленности чем лица, идущие на преступление впервые.

В юридической литературе, как правило, описано, что рецидивирующая преступность возникает под влиянием как общих факторов и обстоятельств, провоцирующих и поддерживающих преступность в целом, так и особых специфических причин, и условий, характерных для первого правонарушения, а также для периода отбывания наказания, что в совокупности способствует совершению последующих преступлений. Следовательно, детерминанты рецидивной преступности представляют собой сложную систему взаимосвязанных факторов, в первую очередь обусловленных неблагоприятной социальной внешней и внутренней средой, а также индивидуальными особенностями личности правонарушителя, которые приводят к продолжению противоправной деятельности.

Основные причины повторного совершения преступлений можно систематизировать, разделив их на три основные группы. К первой группе относятся, причины связанные прежде всего с первым привлечением к уголовной ответственности. Вторая группа охватывает причины, возникающие в ходе исполнения наказания, особенно если оно связано с лишением свободы. Наконец, третья группа – включает в себя обстоятельства, препятствующие успешной реинтеграции осужденного в общество после освобождения, прежде всего старые связи в преступном мире, бытовая и социальная необустроенность.

Российская уголовно-исполнительная система призвана не только приводить в исполнение назначенные судом наказания, но и способствовать глубокому осознанию каждым осужденным содеянного. Эти принципы должны быть неотъемлемой частью всех видов наказания, включая условное осуждение, а также при работе с лицами, которые уже отбыли свой срок и вернулись в общество. Анализ рецидива преступлений среди лиц, освобожденных условно-досрочно, указывает на тревожную тенденцию: многие из них, ранее уже привлекавшиеся к уголовной ответственности, впоследствии вновь оказываются вовлечены в криминальную деятельность.

Таким образом, преступность представляет собой серьезную угрозу, оказывающую пагубное воздействие на общественный порядок и

подрывающую основы законопослушного сообщества. Особо выделяется тенденция к увеличению рецидивных преступлений в периоды государственной нестабильности. Повышение криминальной активности осужденных во время кризисов усугубляет негативные последствия этих процессов, ставя под сомнение как доверие к власти, так и стабильность гражданского общества.

Библиографический список:

1. Адылин, Д.М. Понятие предупреждения преступности / Д. М. Адылин // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, в 2-ух частях, Самара, 30–31 мая 2019 года / Самарский юридический институт ФСИН России. Том Часть 1. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. – С. 7-8. – EDN ELEOBY.

2. Закон РФ "Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации" от 21.07.1993 N 5473-1 (последняя редакция) URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4645/?ysclid=mnbl93m35f492488501

3. Сурменок, Н.А. Предотвращение преступности как сфера сотрудничества уголовно-исполнительной и криминологической (профилактической) политики Российской Федерации / Н.А. Сурменок // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXIII национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 15–16 апреля 2022 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. – С. 650-653. – EDN TUXTFB.

УДК: 332.01, 332.14

DOI 10.26118/9963.2026.31.84.049

*Громова О.В., соискатель кафедры стратегического управления,
Белгородский государственный технологический университет
имени В.Г. Шухова,
e-mail: ow.gromova@yandex.ru
Россия, Белгород*

*Gromova O.V., Belgorod State Technological University
named after V.G. Shukhov,
e-mail: ow.gromova@yandex.ru
Russia, Belgorod*

**Трансформация вузов в драйверы развития экономики региона
Transformation of universities in drivers of regional economic development**

Аннотация. В статье исследуется потенциал высших учебных заведений как ключевых субъектов инновационного развития регионов России в условиях реализации федеральной программы «Приоритет-2030». Основной целью работы является построение модели эволюции высших учебных заведений от образовательной организации до драйвера развития региональной экономики. Методологическую основу исследования составили системный подход и категориальный метод «Конечный информационный поток». В результате автором предложена семиуровневая траектория трансформации высшего учебного заведения, отражающая расширение функционала вуза и его влияния на развитие экономики региона.

Ключевые слова: инновационное развитие региона, программа «Приоритет-2030», трансформация вузов, траектория эволюции, региональная экономика.

Annotation. The article examines the potential of higher education institutions as key subjects of innovative development of Russian regions in the context of the implementation of the federal program "Priority 2030". The main purpose of the work is to build a model of the evolution of higher education institutions from an educational organization to a driver of regional economic development. The methodological basis of the study was a systematic approach and the categorical method of "Finite information flow". As a result, the author suggests a seven-level trajectory of transformation of a higher education institution, reflecting the expansion of its functionality and its impact on the development of the region's economy.

Key words: innovative development of the region, the Priority 2030 program, the transformation of universities, the trajectory of evolution, the regional economy.

Введение

В современных условиях обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации система высшего образования претерпевает существенные изменения. Университеты стремятся занять позицию активных субъектов, влияющих на социально-экономические, интеллектуальные и инновационные преобразования как в регионах, так и в стране в целом. Перед высшей школой стоит задача найти равновесие между учебным процессом, актуализацией образовательных программ и разработкой исследовательских инновационных проектов, чтобы стать драйвером регионального развития

В большинстве современных научных работ прослеживается тезис о ключевой роли образования в экономическом прогрессе и важность коллаборации университетов и бизнеса для решения технологических задач и стимулирования экономического роста [1,7,8], а также отмечается необходимость государственной поддержки этого взаимодействия [5,6].

В России инструментом такой поддержки выступает федеральная программа «Приоритет-2030». На текущий момент в ней задействован 141 университет из 56 регионов. Несмотря на экономическую неоднородность регионов, ведущие вузы, как справедливо замечено в работе [6], задают вектор развития для остальных.

Для понимания потенциала влияния вуза на развитие региона необходимо сначала определить стадию его собственного развития. Вопрос классификации университетов остается острым из-за высоких темпов технологических изменений. Так, в работе [5] систематизированы концепции инноватизации вузов, выделено пять моделей, сделан вывод, что ни одна из вузов в чистом виде не соответствует современным требованиям инновационного развития. Аналогичное мнение высказано авторами [10], изучавшими типологии университетов от 1.0 до 4.0, сделан вывод, что большинство российских вузов находятся на стадии развития Университет 3.0 и только начинают переход к стадии Университет 4.0. В статье [4] предпринята попытка классификации вузов через категориальный метод «Ряд информационных критериев», показан рост организационной сложности университетов. Однако существующие типологии слабо отражают влияние вузов на региональное развитие, поэтому особый интерес представляет работа [2], в которой проанализированы стратегии поведения вузов в региональной инновационной экосистеме.

Поскольку ни одна из известных классификаций не описывает траекторию расширения функционала вуза и его влияния на развитие региона в динамике, основной целью исследования стало выявление пути трансформации высших учебных заведений в драйверы регионального экономического развития.

Методология

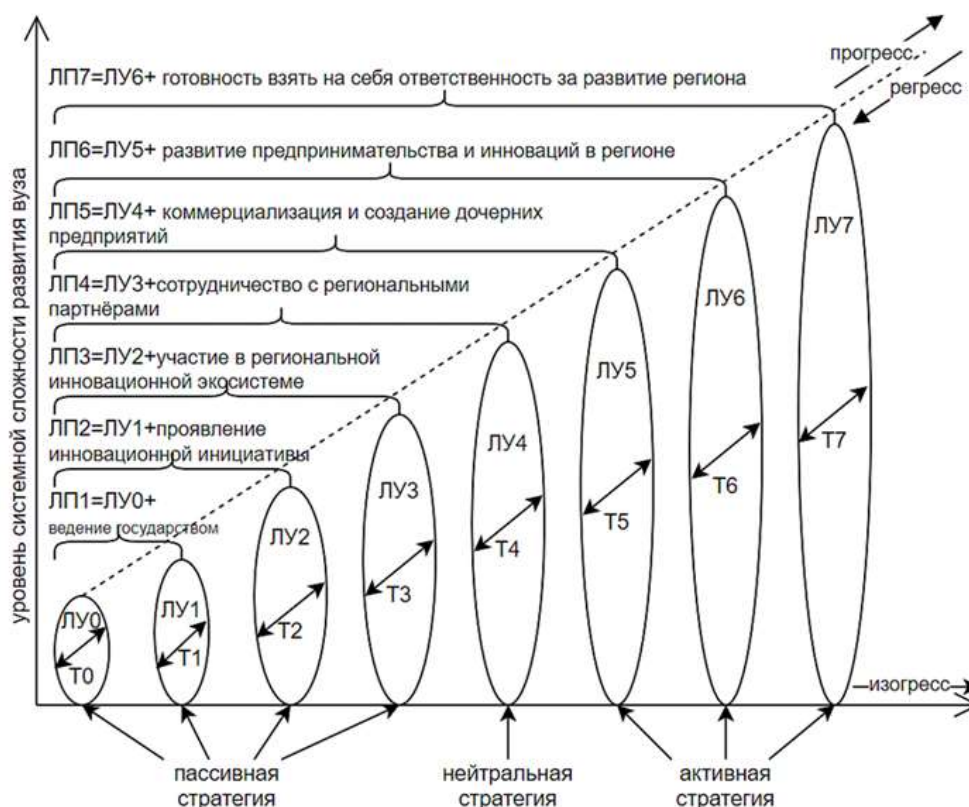
Для построения траектории эволюции вуза использован категориально-системный метод «Конечный информационный поток» [3]. Он рассматривает

объекты как носители качеств, которые могут сохраняться (изогресс), приобретаться (прогресс) или утрачиваться (регресс). Метод применим для анализа стихийной эволюции, позволяет выделить логические уровни (ЛУ) и логические пределы (ЛП) трансформации. ЛУ фиксирует достигнутое сложность развития вуза как региональной экосистемы, а ЛП показывает достигнутый потенциал и направление дальнейшего развития. Параметром вектора развития является трансформируемость (Т), показывающая внутреннюю готовность вуза к изменениям.

Комплексное применение данного категориального метода позволило отразить многогранность трансформации вузов и сложность изменений их функционала.

Результаты исследования

Опираясь на анализ стратегий поведения вузов в региональной инновационной экосистеме, представленных в работе [2], автором выделены 7 логических уровней (ЛУ), соответствующие им 7 пределов (ЛП) и параметров трансформируемости (Т), что позволило применить категориальный метод «Конечный информационный поток» для построения траектории влияния вуза на региональное экономическое развитие, включающей три основные стратегии трансформируемости вуза: пассивную, нейтральную и активную (рис. 1).

Рисунок 1. Расширение функционала и влияние на инновационное региональное развитие вузов в процессе эволюции

Источник: авторская разработка

Описание уровней эволюции:

ЛУ0: Вуз реализует базовые образовательные функции, адаптирует программы под рынок труда, развивает цифровые компетенции и непрерывное образование.

Т0: Стимул — потребность в дополнительном финансировании (государственном или частном). Именно государство часто выступает инициатором изменений, что доказывают современные исследования [7-9].

ЛП1: Добавление государственного участия.

ЛУ1: Деятельность вуза согласуется с государственными инновационными задачами. Появляется госфинансирование, гранты для студентов, развивается социальная ответственность и конкурсный рекрутинг.

Т1: Стимул — собственная инновационная инициатива.

ЛП2: Добавление инновационной инициативы.

ЛУ2: Участие в федеральных программах и запуск собственных инновационных проектов. Рост исследовательского потенциала, укрепление связей с академическим сообществом, повышение репутации в области прорывных исследований.

Т2: Стимул — необходимость связи с бизнесом и региональным сообществом.

ЛП3: Включение в региональную инновационную экосистему.

ЛУ3: Предложение результатов исследований для практического использования. Взаимодействие с местными бизнес-сообществами для максимизации экономического эффекта, развитие студенческого предпринимательства.

Т3: Стимул — сотрудничество с промышленностью для реализации идей.

ЛП4: Партнерство с региональными акторами.

ЛУ4: Вуз становится соавтором инноваций. Формирование продукта совместными усилиями государства, науки и бизнеса. Стратегическое взаимодействие, рост коммерциализации, создание дочерних структур.

Т4: Стимул — коммерциализация и создание предприятий.

ЛП5: Развитие инновационной активности.

ЛУ5: Развитие внешней инновационной системы вуза. Обмен знаниями, привлечение новых участников, стратегическое планирование, поддержка внедрения результатов.

Т5: Стимул — обеспечение результативности коммерциализации для новых интеграционных процессов.

ЛП6: Готовность к ответственности за регион.

ЛУ6: Вуз — центр предпринимательства и инноваций. Интеграция участников, экономические исследования, подготовка кадров с предпринимательским мышлением, поддержка стартапов. Вуз берет на себя ответственность за экономическое развитие территории.

Т6: Готовность взять ответственность за региональное развитие.

ЛП7: Статус драйвера.

ЛУ7: Вуз — драйвер регионального развития. Расширение миссии, влияние на элиты и общественное мнение, лидерство в инновационной экосистеме. Ориентация на решение региональных проблем через науку и технологии.

Т7: Самотрансформация ради развития региона.

Такая трансформация возможна только при готовности региональной среды к изменениям. Государство, бизнес-партнёры и общество формируют спрос на инновации.

Заключение

В ходе исследования разработана траектория трансформации вузов на основе метода «Конечный информационный поток», отражающая уровни системной организации, шаги эволюции вуза и его влияния на развитие экономики региона. Стратегия интеграции вузов в региональные инновационные экосистемы является мировым трендом. Степень этой интеграции зависит от целей высших учебных заведений и их умения преодолевать внутренние и внешние противоречия. Предложенная траектория служит когнитивным ориентиром для преодоления современных вызовов. Успешное инновационное развитие региона возможно только при консолидации интересов и ресурсов органов власти, бизнес-структур, вузов, науки в широком смысле и интересов общества. Результаты исследования могут служить практическим руководством для университетов, стремящихся укрепить свои позиции в регионах. Материалы статьи будут полезны руководству университетов, региональным властям и предприятиям, заинтересованным в сотрудничестве с научным сектором.

Библиографический список:

1. Авилкина С. В. Теоретико-методологические аспекты анализа влияния системы высшего образования на социально-экономическое развитие регионов // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 8. С. 640–653. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-8-640-653>
2. Акбердина В. В., Василенко Е. В. Университет как участник региональной инновационной экосистемы: типология базовых стратегий поведения // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26, № 2. С. 9–26. DOI 10.15826/umpra.2022.02.009.
3. Боуш Г. Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник / Г. Д. Боуш, В. И. Разумов. – Москва : ИНФРА-М, 2020. – 227 с.
4. Васецкая Н. О., Боуш Г. Д., Глухов В. В. Систематизация разновидностей университетов в экономике с помощью категориального метода «Ряд информационных критериев» // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Экономика». – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 29–38. – DOI: 10.25513/1812-3988.2019.17(3).29-38.

5. Воейкова О. Б. Концептуальное видение нового университета в работах современных ученых: типология концепций инноватизации высшей школы. Экономика науки. 2020; 6(3): 186–198. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2020-6-3-186-198>
6. Дежина И. Г., Пономарев А. К. Университеты в условиях перехода к новой модели технологического развития // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 4. С. 55–70. DOI 10.19181/smtp.2023.5.4.3. EDN GRTIAG.
7. Дорошенко Ю.А., Малыхина И.О., Громова О.В. Вуз как ядро регионального саморазвития на мезоуровне в инновационной спирали // BENEFICIUM. 2024. № 3(52). С. 108-114. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2024.3(52).108-114
8. Малыхина И. О., Громова О. В. Высшие учебные заведения как ядро инновационного развития региональной и национальной экономики в целом // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 4. – С. 37–46. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-4-37>.
9. Молчанов И.Н. Образование и экономический рост: настоящее и взгляд в будущее // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 68–79. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-68-79
10. Штычно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н., Смирнова Е.А., Никонова О.Д. Трансформация моделей университетов: анализ стратегий развития вузов мира // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 6. С. 27–47. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-27-47

*Жагловская А.В., к.э.н., заведующий кафедрой ЦМИ
Национальный исследовательский технологический
университет "МИСИС"*

Zhaglovskaya.av@misis.ru

Россия, Москва

Zhaglovskaya A. V., PhD in Economics

Head of the Department of Digital Management and Innovation

National University of Science and Technology "MISIS"

Zhaglovskaya.av@misis.ru

Moscow, Russia

Теоретическая модель менеджмента гибридного интеллекта Theoretical Model of Hybrid Intelligence Management

Аннотация. В статье представлена теоретическая модель менеджмента гибридного интеллекта, разработанная в условиях цифровой трансформации социально-экономических систем. Модель рассматривает гибридный интеллект как форму когнитивной синергии человеческого и искусственного интеллектов и включает понятийный, компонентный, модельный, методологический и динамический блоки. Раскрыты варианты организации взаимодействия ЕИ и ИИ, а также системные эффекты их интеграции. Обоснована роль гибридного интеллекта как фактора повышения адаптивности, устойчивости и управляемости организаций в условиях усложнения внешней среды.

Ключевые слова: гибридный интеллект, менеджмент, искусственный интеллект, когнитивная синергия, интеллектуализация управления, цифровая трансформация, адаптивные системы управления.

Abstract. The article presents a theoretical model of hybrid intelligence management developed in the context of the digital transformation of socio-economic systems. The model conceptualizes hybrid intelligence as a form of cognitive synergy between human and artificial intelligence and includes conceptual, component, model, methodological, and dynamic blocks. The study identifies various configurations of human–AI interaction and examines the systemic effects of their integration. The role of hybrid intelligence as a driver of organizational adaptability, resilience, and controllability in an increasingly complex external environment is substantiated.

Keywords: hybrid intelligence, management, artificial intelligence, cognitive synergy, management intellectualization, digital transformation, adaptive management systems.

В условиях углубляющейся цифровой трансформации социально-экономических систем возрастает необходимость формирования концептуальной модели управления, учитывающей коэволюцию человеческого и искусственного интеллекта. В этой связи разработана теоретическая модель менеджмента гибридного интеллекта, отражающая структурные, функциональные и институциональные параметры интеграции ЕИ и ИИ в управленческой деятельности.

Термин «гибридный интеллект» впервые был введен в научный оборот В.Ф. Вендой в 1975 году. В работе «Системы гибридного интеллекта. Эволюция, психология, информатика» автор сформулировал ряд законов взаимной адаптации систем на фоне развития объектов [1]. Гибридный (киберфизический) искусственный интеллект основан на использовании глубокого машинного обучения и во многом приближен к способностям человека, представляя собой модель нейросетевого человеко-машинного интеллекта [2].

Технологические революции, сопровождаются совершенствованием существующих и появлением новых технологий и информационных систем, в которых человеку должна отводиться главенствующая роль как активного субъекта, формирующего мотивацию, определяющего целеполагание и реализующего трансформацию концептуальных объектов в материальные. Такие системы принято называть «гибридными интеллектуальными системами (ГиИС), в которых реализуется концепции симбиоза искусственного и естественного интеллектов» [3].

По мнению авторов работы «Отраслевые аспекты развития искусственного интеллекта: концептуальные противоречия и определяющие тенденции» эволюцию технологий, искусственного интеллекта, гибридного интеллекта и теории управления необходимо рассматривать целостно. В то же время каждый отдельный этап имеет самостоятельные научные результаты, которые распространились не только в области управления, но и в технологических и экономических сферах [4].

Предлагаемая в работе модель теоретического менеджмента исходит из понимания гибридного интеллекта как системно организованной формы когнитивной синергии, которая возникает в результате целенаправленного распределения управленческих функций между человеческим интеллектом (ЕИ) и искусственным интеллектом (ИИ) с обеспечением устойчивых контуров обратной связи. В отличие от инструментального (технологического) подхода к использованию ИИ, в рамках разработанной концепции гибридный интеллект рассматривается как самостоятельный управленческий феномен, обладающий собственными структурными характеристиками и системными эффектами.

Структурно модель включает пять взаимосвязанных блоков (рис.1).

Первый блок – понятийно-категориальный. В нём формализуются ключевые дефиниции: «гибридный интеллект», «когнитивная синергия», «гибридная компетентность», «искусственный интеллект». Данный уровень обеспечивает методологическую целостность исследования и исключает подмену понятий в анализе процессов интеллектуализации управления.

Второй блок – компонентный. Он раскрывает внутреннюю архитектуру гибридной системы, включающую: человеческий интеллект, искусственный интеллект, механизмы распределения функций между ними, а также интерфейсы обратной связи. Центральным принципом выступает динамичность перераспределения управленческих задач в зависимости от сложности среды и характера принимаемых решений.

Третий блок – модельный. В рамках модели выделены четыре варианта организации взаимодействия: каскадная модель (последовательная передача управленческих функций); параллельная модель (одновременная обработка информации ЕИ и ИИ); циклическая модель (итерационное взаимодействие с взаимной корректировкой решений); мета-управленческая модель (адаптивное перераспределение управленческих ролей в реальном времени).

Эти модели отражают различную степень зрелости гибридизации управления и позволяют типологизировать сценарии внедрения ИИ в организационные процессы.

Четвёртый блок – теоретико-методологический. Концепция опирается на положения теории технологических укладов, теории динамического развития, теории ограничений и теории коэволюционного развития. Такое сочетание обеспечивает интерпретацию гибридного интеллекта как закономерного этапа эволюции систем управления в условиях усложнения среды и роста информационной нагрузки.

Пятый блок – динамические контуры обратной связи. В модели выделены четыре типа когнитивных взаимодействий: ИИ–ЕИ, ЕИ–ИИ, ИИ–ИИ и ЕИ–ЕИ. Это позволяет рассматривать систему управления как многоуровневую сеть взаимодействий, обеспечивающую адаптивность, самоорганизацию и синергетический эффект.

Нижний уровень модели раскрывает системные последствия внедрения гибридного интеллекта и включает социальную, экономическую, институциональную и управленческую подсистемы, а также блок взаимодействия с внешней средой и системные свойства.

Социальная составляющая проявляется в трансформации трудовых отношений, изменении структуры социального капитала и формировании новых форм коллективного интеллекта. Экономическая подсистема характеризуется появлением новых факторов производства, развитием рынка гибридных интеллектуальных услуг и трансформацией моделей создания стоимости. Институциональный аспект отражает развитие нормативно-правового регулирования ИИ, формирование этических стандартов и создание

инфраструктуры поддержки. Управленческая подсистема включает формирование гибридных организационных структур, развитие моделей распределённого принятия решений и новых систем оценки эффективности.

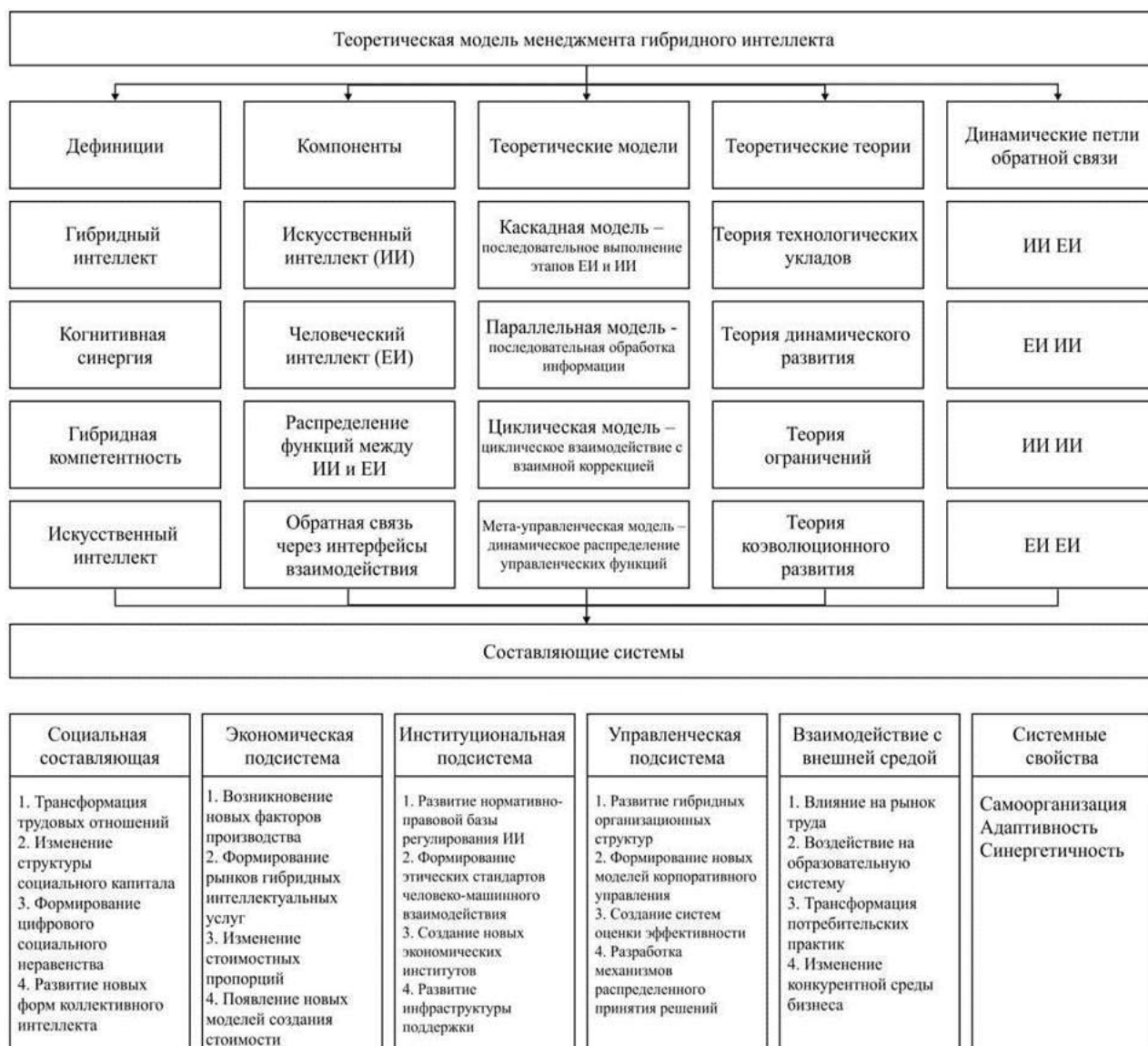

Рисунок 1 – Теоретическая модель менеджмента

Системные свойства теоретической модели менеджмента, представленной на рисунке 1 выражаются в самоорганизации, адаптивности и синергетичности, что позволяет рассматривать гибридный интеллект как фактор повышения устойчивости и управляемости социально-экономических систем в условиях неопределённости.

Разработанная теоретическая модель менеджмента гибридного интеллекта обладает значительным прикладным потенциалом и может быть

использована в качестве методологической платформы для проектирования, внедрения и оценки гибридных систем управления в организациях различного профиля.

В целях усиления прикладной значимости разработанной теоретической модели дополним её практико-ориентированным блоком, с помощью которого раскроем механизмы внедрения гибридного интеллекта в реальные процессы систем управления.

Практическая операционализация модели может строиться поэтапно и включать диагностику текущего уровня интеллектуализации функций, проектирование бизнес-архитектуры предприятия и распределения управленческих задач между ЕИ и ИИ, внедрение цифровых инструментов и последующую оценку синергетического и экономического эффекта. Таким образом, включение практического блока трансформирует модель из концептуальной конструкции в инструмент стратегического проектирования гибридных систем управления, применимый в организациях различной отраслевой принадлежности.

Библиографический список:

1. Венда, В. Ф. Системы гибридного интеллекта: эволюция, психология, информатика. – 2-е изд. – № 23. – 2020. – 448 с.
2. Дятлов, С. А. Искусственный интеллект в цифровой экономике: учебное пособие / С. А. Дятлов. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – 120 с.
3. Карякин, В. В. Гибридные интеллектуальные системы как симбиоз естественного и искусственного интеллектов // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-intellektualnye-sistemy-kak-simbioz-estestvennogo-i-iskusstvennogo-intellektov> (дата обращения: 23.07.2025).
4. Любкина, Е. О. Элементы методологии когнитивного управления таможенного органа на основе гибридного интеллекта / Е. О. Любкина, В. В. Макрусев // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 1, № 4 (136). – С. 34–45.

*Зебзеев Н.А., аспирант кафедры экономики и менеджмента
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (АТусО)*

Россия, Москва

e-mail: nzebzeev99@yandex.ru

Zebzeev N.A., Postgraduate Student,

Department of Economics and Management

Academy of Labor and Social Relations (ALSR)

Russia, Moscow

e-mail: nzebzeev99@yandex.ru

**Факторы конкурентоспособности предприятий лёгкой промышленности
в условиях импортозамещения: теоретический анализ**
**Factors of competitiveness of light industry enterprises in the context of
import substitution: theoretical analysis**

Аннотация. В статье исследуется конкурентоспособность предприятий лёгкой промышленности России в условиях импортозамещения. Выявляются ключевые внешние и внутренние факторы, влияющие на отрасль, анализируются последствия вынужденной трансформации производственно-торговой политики в условиях санкций. Рассматриваются государственные программы поддержки, проблемы и перспективы развития отрасли. Подчёркивается значимость конкурентоспособности предприятий для обеспечения экономической безопасности страны и благосостояния населения. Теоретический анализ позволяет определить тенденции деятельности предприятий и принять адекватные управленческие решения.

Ключевые слова: экономика; лёгкая промышленность; предприятия; санкции; импортозамещение; конкурентоспособность; факторы; состояние; проблемы; перспективы.

Abstract. The article examines the competitiveness of Russian light industry enterprises in the context of import substitution. Key external and internal factors affecting the industry are identified, and the consequences of the forced transformation of production and trade policies under sanctions are analysed. State support programmes, industry challenges, and development prospects are considered. The importance of enterprise competitiveness for national economic security and public welfare is emphasised. Theoretical analysis identifies trends for informed management decisions.

Keywords: economy; light industry; enterprises; sanctions; import substitution; competitiveness; factors; status; problems; prospects.

Государственная политика импортозамещения начала реализовываться руководством Российской Федерации с 2014 года, своевременно реагируя на актуальные изменения в мире и стране, с основной целью — принятие масштабных мер господдержки промышленно-технологического суверенитета страны, обеспечения её экономической безопасности. Нормативно-правовой основой данного процесса, рассчитанного на средне-долгосрочную перспективу, послужило Постановление правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» [1]. В документе понятие «импортозамещение» формулируется как создание современных производств, которые могут конкурировать с иностранными компаниями и выпускать товары, которые вытеснят зарубежные аналоги. Соответственно, механизм повышения конкурентоспособности предприятия И.А. Ганина и Л.А. Маркова предлагают понимать как, в первую очередь, «сложное, чётко выверенное взаимодействие экономических, организационных, правовых, мотивационных и иных элементов, слаженно реализующих конкретные функции, как на микро, так и на макроуровне в рамках общей структуры в соответствии с установленными целями и оценкой внешних вызовов и тенденций» [2, с. 123].

В июне 2014 года вносятся актуальные изменения в Федеральный закон РФ «О защите конкуренции» 2006 года [3]. С августа 2015 года в Российской Федерации стали создаваться правительственные комиссии по импортозамещению. Начиная с 2022 года, после ухода с российского рынка ряда зарубежных компаний, специализирующихся в сфере выпуска изделий лёгкой промышленности, для Российского государства задача ускоренного развития отечественной отрасли, как и адаптация всей экономики страны к новым условиям, стала наиболее актуальной. Принятая в 2020 году и скорректированная в 2024 году Стратегия развития лёгкой промышленности до 2035 года [4] предусматривает поддержку стратегически важных производств, повышение конкурентоспособности предприятий и продукции (в том числе в условиях импортозамещения), создание новых рабочих мест, рост доли продукции отрасли в ВВП, противодействие нелегальному импорту и мн. др. Правительством РФ, министерствами и ведомствами разрабатываются и реализуются программы поддержки импортозамещения: «Единая лизинговая субсидия», «Организация льготного кредитования с использованием средств Фонда развития промышленности», «Привлечение инвестиций в рамках специального инвестиционного контракта», «Предоставление поручительств» и др. Кроме того, предусмотрены федеральные и региональные налоговые льготы для производителей [5].

На степень конкурентоспособности любого промышленного предприятия влияют как внешние, так и внутренние факторы (см. Рис. 1).

Рисунок 1. Факторы конкурентоспособности предприятия [6]

Министерство промышленности и торговли РФ, профильные организации, банки, иные заинтересованные структуры осуществляют мероприятия по развитию отрасли в условиях санкций и импортозамещения: помощь в обновлении оборудования; выдача кредитов и займов по сниженным ставкам; выделение субсидий; запуск конкурентоспособных производств; поддержка уже работающих предприятий; создание условий для снижения зависимости от импорта и мн. др. При этом всё более широко стали использоваться преимущества инновационных технологических разработок и цифровизации: автоматизация и компьютеризация производства, логистические операции и пр., что приводит к минимизации издержек [7].

Для оценки эффективности принятых органами власти всех уровней организационно-правовых мер с учётом сложившихся условий стоит указать, что доступ к передовым зарубежным технологиям и необходимым товарам не только в определённой степени сохранился в рамках как прямого, так и «параллельного» импорта, но и значительно расширился за счёт поставок из дружественных стран, в том числе ЕЭС, ШОС, БРИКС. Федеральным центром и субъектами РФ принимаются адекватные меры по разработке и реализации более эффективной экспортной политики в данном направлении, что способствует повышению уровня конкурентоспособности предприятий лёгкой промышленности. Так, по данным Росстата, экспорт основных товаров лёгкой промышленности из Российской Федерации только в первой половине

2025 года вырос на 39,3% относительно аналогичного периода предыдущего года и составил \$0,5 млрд. При этом импорт уменьшился на 5% (\$4,4 млрд). Среднегодовой рост рынка составил 12% [8].

Тем не менее, несмотря на ряд предпринимаемых мер, способствующих повышению эффективности производственной деятельности предприятий лёгкой промышленности, она продолжает испытывать определённые трудности. Более того, возникает ряд новых рисков и вызовов, обусловленных как внутренними, так и внешними факторами, что характерно для всей отечественной отрасли. Помимо прочего, проблема актуализируется тем, что лёгкая промышленность всё более приобретает стратегическое значение. Во-первых, в последние годы швейные предприятия стали получать меньше заказов, поскольку снизился спрос на их продукцию. Во-вторых, с целью снижения себестоимости производства владельцы предприятий начали переносить свои предприятия в страны СНГ. В-третьих, российские производители и продавцы стали активно осваивать маркетплейсы, сети которых имеют как явные преимущества, так и существенные недостатки (насыщенность контрафактной продукцией, технические и юридические проблемы, ограниченные возможности для прямых поставщиков и пр.). В итоге закрываются как давно действующие, так и новые фабрики. В июне 2025 года Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), как сообщает О. Скопина, отрасль производства одежды и обуви признана самой «пострадавшей» из промышленных отраслей. Здесь можно назвать ещё ряд наиболее осязаемых проблем: высокая себестоимость продукции; повышение налогов и пошлин; отсутствие конкурентоспособности; падение потребительского спроса; увеличение контрафактной продукции. Кроме того, начиная с 1 января 2026 года, повышаются налоги для бизнеса (НДС) и экологический сбор, что несомненно приведёт к увеличению себестоимости товаров и, как следствие, к повышению цен для потребителей [9].

В свою очередь А. Сбитнева указывает на ряд других не менее существенных проблем: слабая научно-техническая и технологическая база; изношенность оборудования; высокая добавленная стоимость; сохранение зависимости от импорта сырья, материалов, красителей, оборудования; отсутствие должного внимания к отрасли российских инвесторов и банков; недостаточность государственной поддержки в плане финансирования, ограничения импорта и поощрения экспорта; отставание от общемировых тенденций; низкая оплата труда; нехватка профессиональных кадров; высокая конкуренция со стороны более дешёвого импортного товара; большой объём нелегального производства и теневого импорта [10]. Относительно последней из указанных проблем С.Ю. Миночкина отмечает тот факт, что объёмы теневого импорта достигают 500–700 млрд рублей; в целом это превышает объём всего производства предприятий лёгкой промышленности [11, с. 30]. В

связи с нехваткой высококвалифицированных специалистов производства В.В. Филатов, В.Ю. Мишаков и другие авторы называют также низкий уровень профессионализма менеджеров и маркетологов. Значительно возросла доля работников, не имеющих необходимого уровня профессиональной подготовки. Среди них особо выделяются неквалифицированные трудовые мигранты [12, с. 76].

Комплекс указанных проблем создаёт кризисную ситуацию в лёгкой промышленности России, снижает не только конкурентоспособность предприятий, но и потенциал развития отрасли в целом, несмотря на очевидную её перспективность. Однако наличие проблем не отменяет планов модернизации. Для этого необходимо принятие следующих мер: проведение необходимых научно-технических исследований; обучение и консультации предпринимателей и работников; более активное внедрение и широкое использование инновационных технологий; федеральная и региональная поддержка (финансирование, субсидирование, льготное кредитование, создание промышленных кластеров); развитие международного сотрудничества с учётом современных условий с целью выхода на новые рынки и обмена опытом [13].

Однако важно понимать, что импортозамещение необходимо рассматривать как процесс активизации российской промышленности, в том числе рассматриваемой отрасли, а не как замену зарубежных товаров более дешёвыми и доступными отечественными [14, с. 78]. Это обусловлено тем, что замещение импорта — это, в первую очередь, процесс создания собственной производственной базы, способной поставлять аналоги популярных зарубежных товаров. По мнению О. Бобкова, данный процесс приведёт «к протекции внешних и внутренних экономических интересов, стимулированию быстрого развития национальных компаний, минимизации различных геополитических и финансовых рисков» [15].

Анализ современного состояния лёгкой промышленности страны свидетельствует о заинтересованности государства и бизнеса в её интенсивном развитии, увеличении доли российской продукции на отечественном рынке посредством принятия организационно-правовых решений, внедрения новых технологий с целью реорганизации и развития производств. Постепенно под влиянием глобальных и внутренних факторов вектор движения товаров лёгкой промышленности смещается в сторону экспорта, что в перспективе позволит отечественным предприятиям лёгкой промышленности нарастить свои мощности. В итоге это положительно отразится на экономической ситуации в стране и, как результат, будет способствовать повышению благосостояния россиян. Здесь стоит отметить, что, учитывая повышение интереса потребителей к экологически чистым материалам, производители товаров лёгкой промышленности постепенно

переходят к использованию инновационных технологий, тем самым адаптируя производственные стратегии к актуальным на текущий момент требованиям.

Таким образом, общими усилиями руководства страны и субъектов РФ, коммерческих структур, общей стратегии развития отрасли лёгкой промышленности и отдельных её предприятий фактически удалось преодолеть кризисную ситуацию, обусловленную, в первую очередь, внешними факторами, и выйти на новый уровень производства и сбыта. Во многом тому способствовала государственная политика импортозамещения. Более того, намечены и реализуются наиболее перспективные направления развития отрасли с целью создания условий для совершенствования технологической базы, производственно-торговых отношений и, как следствие, повышения конкурентоспособности российских производителей на мировом рынке.

Библиографический список:

1. Анализ состояния и перспектив лёгкой промышленности России / Заводы.РФ, 13 апреля 2025 г. URL: <https://заводы.рф/publication/lyogkaya-promyshlennost-rossii> (дата обращения: 21.12.2025).

2. Бобков О. Программы импортозамещения в России — что это такое, политика, стратегия, цели и задачи / «Клеверенс», 17 марта 2024. URL: <https://www.cleverence.ru/articles/biznes/programma-importozameshcheniya-v-rossii-cto-eto-takoe-strategiya-i-politika/> (дата обращения: 21.12.2025).

3. Гунина И.А., Маркова Л.А. Формирование механизма повышения конкурентоспособности промышленных предприятий в условиях импортозамещения // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 2(57). С. 120–126.

4. Государственная поддержка предприятий лёгкой промышленности / BIGTEXTILE.RU. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/b5f2e6ab> (дата обращения: 21.12.2025).

5. Марченко М.С. Финансирование импортозамещения в российской текстильной промышленности // Вестник Российского нового университета. 2018. Вып. 1. С. 76–83.

6. Миночкина С.Ю. Развитие механизма взаимодействия участников рынка продукции лёгкой промышленности в условиях цифровой трансформации: дис. ... канд. эк. наук. 5.2.3. М., 2025. 200 с.

7. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (ред. от 01.12.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности"» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162176/ (дата обращения: 21.12.2025).

8. Распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 № 1512-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354707/ (дата обращения: 21.12.2025).

9. Росстат: экспорт текстиля, текстильных изделий и обуви из России в январе–марте 2025 года вырос на 39,3% к показателю 2024 года / РИА НОВОСТИ, 10.06.2025. URL: <https://riamoda.ru/news/63116.html> (дата обращения: 21.12.2025).

10. Сбитнева А. Ключевые проблемы лёгкой промышленности России и способы их решения / СберПро, 27 декабря 2024 г. URL: <https://sber.pro/publication/kliuchevye-problemy-liogkoi-promyshlennosti-rossii-i-sposoby-ikh-resheniia/> (дата обращения: 21.12.2025).

11. Скопина О. Нелёгкая судьба российского легпрома. Что ждёт швейную промышленность после кризисного 2025 года? / ИА «Красная весна», 7 октября 2025. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/b5f2e6a6> (дата обращения: 21.12.2025).

12. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 31 июля 2025) «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 21.12.2025).

13. Филатов В.В., Мишаков В.Ю. и др. Анализ проекта управления изменениями в рамках Стратегии развития лёгкой промышленности Российской Федерации // Технология текстильной промышленности. 2024. № 1 (397). С. 73–85.

14. Хамьянова Е.О., Головина А.Н. Роль маркетинга и брендинга в управлении конкурентоспособностью компании // Эл. журнал «Научный лидер». 2025. № 20(221). URL: <https://scilead.ru/article/8793-rol-marketinga-i-brendinga-v-upravlenii-konku> (дата обращения: 21.12.2025).

15. Хозяйство. Промышленность / Портал БРЭ. URL: <https://bigenc.ru/c/moskovskaia-oblast-khoziaistvo-promyshlennost-9cc836> (дата обращения: 21.12.2025).

*Кувалдина Т.Б., д.э.н., профессор кафедры
«Экономическая безопасность и управление финансами»
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет путей сообщения»
e-mail: kuvaldina2004@mail.ru*

Россия, Омск

*Kuvaldina T.B., Doctor of Economics,
Professor of the Department of
«Economic security and financial management»
federal state budgetary educational institution of higher education
«Omsk State Transport University»
e-mail: kuvaldina2004@mail.ru
Russia, Omsk*

Краудфандинг как инструмент для привлечения стартового капитала Crowdfunding as a tool for raising start-up capital

Аннотация. С развитием цифровых технологий у настоящих и потенциальных предпринимателей появилась возможность привлечь стартовый капитал и финансирование для расширения деятельности или запуска нового продукта через специализированные онлайн-платформы. Этот способ получения денежных средств называется краудфандингом. Статья посвящена исследованию краудфандинга как эффективного инструмента привлечения стартового капитала для инновационных проектов и малого бизнеса. Рассматриваются основные формы и модели краудфандинга, преимущества и ограничения этого механизма финансирования. Особое внимание уделено анализу факторов успеха кампаний по сбору средств, влиянию социальных сетей и репутации инициаторов проекта на итоговую сумму инвестиций. Проведен сравнительный анализ зарубежного и российского опыта реализации краудфандинг-проектов, выявлены особенности национальных рынков и специфика функционирования площадок коллективного финансирования. Сделаны выводы о перспективах внедрения краудфандинга в российскую экономику, предложены практические рекомендации по повышению успешности сбора средств и минимизации рисков участников процесса. Статья представляет интерес для исследователей рынка венчурного инвестирования, предпринимателей, государственных структур и инвесторов, заинтересованных в развитии новых форм привлечения капитала.

Ключевые слова: капитал, стартовый капитал, привлечение капитала, сбор средств, цифровая экономика, краудфандинг.

Annotation. With the development of digital technologies, current and potential entrepreneurs have the opportunity to attract start-up capital and funding

for expanding their operations or launching a new product through specialized online platforms. This method of raising funds is called crowdfunding. This article examines crowdfunding as an effective tool for raising start-up capital for innovative projects and small businesses. The main forms and models of crowdfunding, as well as the advantages and limitations of this financing mechanism, are examined. Particular attention is paid to analyzing the factors that determine the success of fundraising campaigns, the influence of social media and the reputation of project initiators on the final investment amount. A comparative analysis of international and Russian experience in implementing crowdfunding projects is conducted, identifying the characteristics of national markets and the specifics of the functioning of collective financing platforms. Conclusions are drawn about the prospects for introducing crowdfunding into the Russian economy, and practical recommendations are offered for increasing the success of fundraising and minimizing the risks for participants. The article will be of interest to researchers of the venture capital market, entrepreneurs, government agencies, and investors interested in developing new forms of capital raising.

Key words: capital, start-up capital, capital raising, fundraising, digital economy, crowdfunding.

Проблема финансирования стартапа является одной из ключевых препятствий для начала предпринимательской деятельности. Традиционно желающие начать свой бизнес полагались на банковские кредиты, инвестиции венчурных фондов и личные накопления. Однако эти методы часто оказываются труднодоступными для молодых инициатив из-за высоких требований банков, недостаточного доверия со стороны инвесторов и нехватки собственных средств. В связи с этим особую значимость приобретает изучение альтернативных механизмов привлечения начального капитала, одним из которых становится краудфандинг.

Термин «краудфандинг» активно применяется в финансовой сфере, понятен профессиональному сообществу. Краудфандинг (англ. crowdfunding) – это способ привлечения денежных средств от большого количества людей (толпы, англ. crowd) посредством специальных интернет-платформ или иных каналов коммуникации. Обычно этот метод используется для финансирования творческих проектов, стартапов, благотворительных акций, научных исследований и других начинаний.

Общепринятая структура краудфандинга включает три основных элемента (рис. 1).

Рисунок 1 – Структура краудфандинга

Важно отметить, что в разных странах существуют законодательные различия в регулировании краудфандинга, однако само понятие прочно закрепилось в международном лексиконе и стало частью современного экономического инструментария. Российские ученые также изучают феномен краудфандинга с точки зрения экономики, права, социологии и менеджмента (табл. 1). Основные направления исследований включают:

- анализ особенностей функционирования краудфандинговых платформ в России и сравнение их с международными аналогами;
- изучение влияния краудфандинга на развитие малого и среднего предпринимательства;
- исследование правовых аспектов краудфандинга и возможных путей совершенствования правового регулирования;
- оценка роли краудфандинга в финансировании инновационных проектов и социальной ответственности бизнеса;
- выявление факторов успешного проведения краудфандинговых кампаний и разработка рекомендаций для организаторов.

Таблица 1 – Суждения отечественных экономистов о сущности краудфандинга

Ф.И.О. авторов	Краудфандинг
Габов А.В., Хаванова И.А. [1]	коллективное (от лат. <i>Collectivus</i> – сборный) сотрудничество лиц, которые добровольно направляют средства (на возмездной или безвозмездной основе) для поддержания каких-либо проектов.
Глыбоцкая Л.О. [3]	форма коллективного финансирования проектов через цифровые платформы, при которой множество участников вносят сравнительно небольшие суммы для реализации замысла автора.
Кузнецов В.А. [5]	деятельность, связанная с привлечением финансовых ресурсов от большого количества людей, добровольно объединяющих свои ресурсы на специализированных интернет-сайтах (краудфандинговых площадках) в целях реализации продукта или услуги.
Смольникова А.В. Кузбенова Э.Р. [7]	особая модель финансирования проекта, при котором инвестирование осуществляют множество субъектов, в том числе и физических лиц, и обладает такими характеристиками, как наличие конкретной цели, добровольность, прозрачность и возможность неденежного участия.

Эсенгулова Н.А., Орозалиева М.С. [8]	метод финансирования бизнеса, при котором есть возможность использовать для инвестирования небольшие денежные средства, принадлежащие большому количеству людей, обычно через интернет, т.е. это массовый сбор средств в целях финансирования какого-либо бизнеса или проекта.
--	--

О плюсах такого способа привлечения денежных средств предпринимателями высказываются многие ученые. Как отмечают Н.А. Эсенгулова, М.С. Орозалиева «одним из главных преимуществ краудфандинга является то, что он позволяет предпринимателям проверять свои идеи и рынок, прежде чем делать более крупные инвестиции» [8]. По мнению Т.Т. Мухамедьяровой-Левиной, В.Д. Заболотниковой «важным преимуществом краудфандинга является возможность каждого из участников достигнуть поставленных целей в соответствии с собственными предпочтениями» [6].

Краудфандинг представлен различными формами и моделями, каждая из которых отличается механизмом привлечения средств и характером взаимоотношений между организатором и участниками проекта (табл. 1).

Таблица 1 – Формы и модели краудфандинга

ФОРМЫ	Донативный (безвозмездный)	подразумевает добровольные пожертвования на реализацию социально значимых проектов, культурных мероприятий или помощь нуждающимся людям. Средства собираются без ожидания какого-либо вознаграждения или возврата вложенных денег.
	Вознаграждение за участие («reward-based»)	наиболее распространённая форма, при которой участники получают вознаграждение (например, продукт, сувенир, благодарность) в обмен на поддержку проекта. Чем больше сумма взноса, тем значительнее награда. Например, организаторы могут предлагать ранние версии продукта, эксклюзивные товары или персонализированные сувениры.
	Акционерный (equity-crowdfunding)	участникам предлагается стать совладельцами компании путем приобретения её акций или долей. Такой тип чаще всего применяется для крупных инвестиционных проектов, поскольку предполагает серьёзные юридические процедуры и соблюдение законов о ценных бумагах.
	Кредитный (debt-based или peer-to-peer lending)	организаторы привлекают средства путём заимствования у широкой аудитории с обязательством вернуть деньги с процентами. Проекты такого типа напоминают традиционные займы, но кредитором выступает сообщество, а не одно юридическое лицо.
	Благотворительный	особый случай донативного краудфандинга, направленный исключительно на поддержку некоммерческих целей и общественных инициатив, направленных на решение социальных, экологических или гуманитарных задач.
МОДЕЛИ	Модель all-or-nothing («всё или ничего»)	реализация проекта признается успешной исключительно при достижении запланированного объема привлечённых средств. В случае неполучения необходимой суммы в установленные сроки, ранее полученные взносы подлежат возврату спонсорам, а сам проект получает статус несостоявшегося.
	Flexible funding («гибкая»)	все внесённые средства остаются у организаторов независимо от того, была ли собрана необходимая сумма. Часто такая модель применяется для долгосрочных проектов или ситуаций, когда частичное финансирование также приемлемо.

Все перечисленные в таблице 1 формы и модели используются в зависимости от характера проекта, целей создателей и ожиданий доноров. Грамотный выбор формы и модели краудфандинга способен значительно повлиять на успех всей кампании.

Для успешной краудфандинговой кампании важны несколько ключевых факторов, которые непосредственно влияют на итоговую сумму собранных средств. Дадим некоторые рекомендации для участников краудфандинга:

1) Четкость концепции и привлекательность идеи. Организатор должен ясно и убедительно изложить идею своего проекта, подчеркнув его уникальность и пользу для потенциальных спонсоров. Чем понятнее цель и яснее пути её достижения, тем проще привлечь инвесторов.

2) Качественное представление проекта. Важно подготовить качественное визуальное сопровождение (видео, фотографии, схемы), определить понятные этапы реализации проекта и четкую структуру бюджета.

3) Репутация и предыдущий опыт команды. Потенциальные инвесторы предпочитают поддерживать проекты тех авторов и команд, которые имеют положительный опыт в аналогичных начинаниях. Наличие историй успешных проектов служит гарантией того, что команда сможет реализовать задуманное и оправдать ожидания участников.

4) Эффективное продвижение через социальные сети. Следует использовать активные каналы распространения информации (социальные сети, тематические форумы, пресс-релизы).

5) Поддержка известных лиц и инфлюенсеров. Нужно привлечь внимание лидеров мнений и известных лиц для повышения осведомленности о проекте. Положительные отзывы влиятельных персон помогают быстро набрать популярность и собрать необходимые средства.

6) Ясные цели и реалистичные сроки. Чёткое обозначение целей кампании, конкретных сумм и сроков выполнения помогает потенциальным инвесторам оценить перспективы проекта. Реалистичность планов внушает доверие и мотивирует поддерживать инициативу.

7) Регулярное обновление страницы кампании, показывающее активность и заинтересованность авторов. Люди охотнее поддерживают проекты, авторы которых регулярно сообщают о ходе работ и результатах промежуточных этапов.

8) Соответствие потребностям аудитории. Проект должен соответствовать интересам своей целевой группы. Если кампания направлена на широкую аудиторию (например, новинки гаджетов или творческие инициативы), она должна демонстрировать ценность и полезность предлагаемого продукта или услуги.

9) Оптимальная продолжительность кампании. Срок проведения кампании играет существенную роль. Очень короткие или чрезмерно длинные

периоды снижают эффективность сбора средств. Практика показывает, что оптимальным сроком является примерно 30-60 дней.

10) Финансовая доступность вознаграждений. Предоставляемые награды должны быть финансово привлекательными и релевантными.

В России привлечение денежных средств через использование инструмента краудфандинга получило распространение среди начинающих предпринимателей. По данным BusinesStat, объем российского рынка краудфандинга в 2024 году продемонстрировал значительное увеличение на 59% и составил 53 млрд. руб. Рост оборота рынка за пятилетний период (2020-2024 гг.) оказался восьмикратным. Максимальные темпы прироста наблюдались в 2021 и 2024 годах, при этом самый высокий годовой темп роста – 97% отмечался в 2021 году, когда рынок расширился с 7 до 14 млрд. руб. [9] (рис. 2).

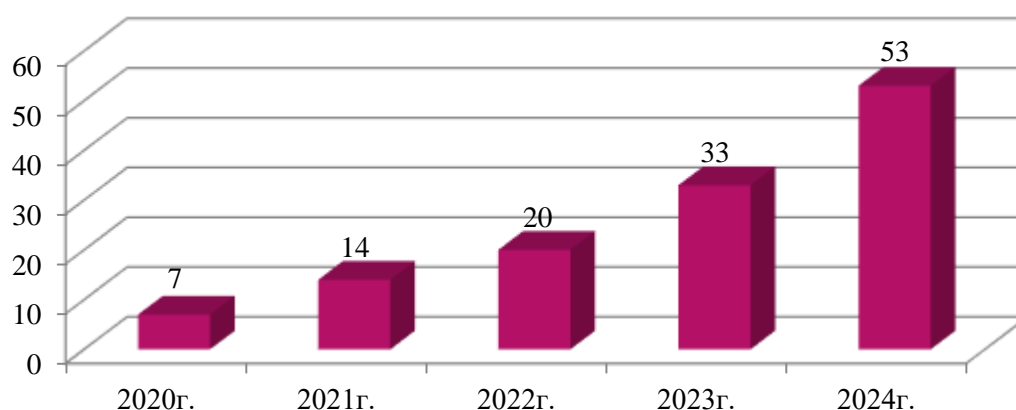

Рисунок 2 – Оборот рынка краудфандинга в России в 2020-2024 гг., млрд. руб.[9]

Согласно отчету Fortune Business Insights (март 2025 года), объем мирового рынка краудфандинга в 2024 году достиг отметки в 1,6 млрд. долларов США [10]. В условиях возрастающей конкуренции и усложнения угроз российские площадки могут укрепить свои позиции путем внедрения лучших мировых практик, углубленной проработки вопросов информационной защиты и гибкого реагирования на экономические перемены. Данные меры будут содействовать снижению рисков, поддержке инновационного потенциала, укреплению региональной экономики и формированию эффективной инфраструктуры для притока инвестиций и развития молодежных стартапов.

Краудфандинг в России воспринимается как эффективный инструмент поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП), что нашло свое отражение в национальной стратегии трансформации финансового рынка до 2030 года. В правительственных документах подчеркивается важность альтернативных источников финансирования, таких как краудфандинг,

краудлендинг и краудинвестинг, в качестве механизмов расширения доступа бизнеса к капиталам. Согласно прогнозу инвестиционной платформы Money Friends, объем средств, выдаваемых через краудлендинговые платформы, к 2030 году может достичь от 800 млрд. до 1 триллиона руб. [4] (рис. 2).

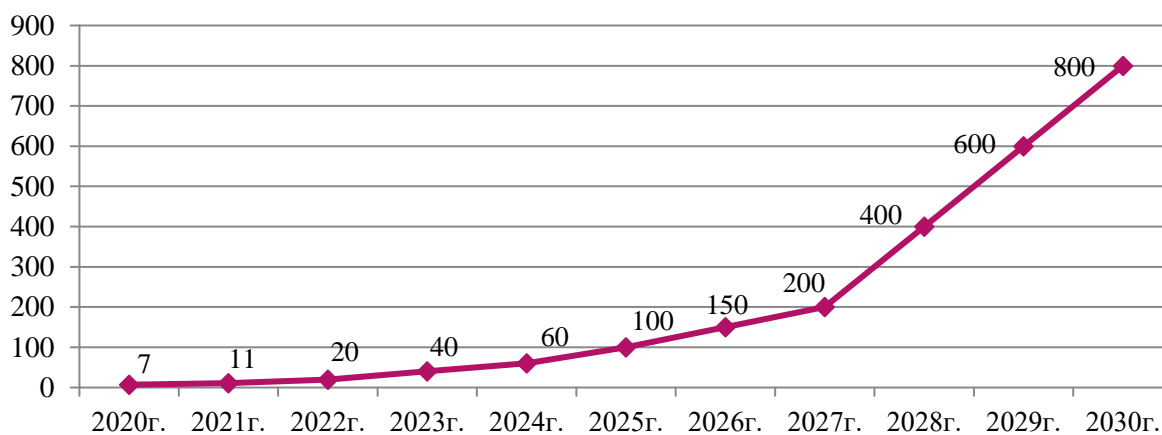

Рисунок 2 – Потенциал роста выдачи денежных средств через краудплатформы (млрд. руб.) [11]

Повышению интереса к краудфандингу способствуют процессы цифровизации, внедрение технологий искусственного интеллекта, развитие цифрового рубля, а также реализация государственных инициатив, таких как учреждение первого специализированного инвестиционного фонда для малого и среднего предпринимательства. Всё перечисленное свидетельствует о формировании нового структурного вектора, интегрирующего краудфандинг в современную цифровую финансовую инфраструктуру, что открывает дополнительные возможности для инновационного и регионального развития. Но как полагает А.Г. Глебова, Р.Э. Сурмалян «в России краудфандинг, по крайней мере, на начальном этапе развития, должен находиться под пристальным надзором государства с упором на защиту инвесторов и прозрачность (что повышает доверие, но может замедлять появление новых продуктов)» [2].

Исследование показало, что краудфандинг является эффективным инструментом для привлечения стартового капитала, особенно для малых и средних предприятий, инновационных проектов и социальных инициатив. Ключевыми факторами успеха выступают качественная подготовка проекта, эффективная коммуникационная стратегия, правильное управление рисками и создание доверительного взаимодействия с инвесторами. Результаты подтверждают целесообразность включения краудфандинга в национальную политику поддержки предпринимательства и развития инноваций.

Библиографический список:

1. Габов, А.В. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта / А.В. Габов, И.А. Хаванова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 47. – С. 28-44.
2. Глебова, А.Г. Краудфандинг как механизм интеграции России в глобальный финансовый рынок / А.Г. Глебова, Р.Э. Сурмалян // Мировая экономика и мировые финансы. – 2025. – Т. 4, № 2. – С. 79-87.
3. Глыбоцкая, Л.О. Краудфандинг как бизнес-модель устойчивости независимых авторов и художников / Л.О. Глыбоцкая // Символ науки: международный научный журнал. – 2025. – Т. 2, № 12-1. – С. 35-49. – EDN SWEUNK.
4. Кувалдина, Т.Б. Краудфандинг как элемент цифровой финансовой инфраструктуры / Т.Б. Кувалдина, К.Е. Следнева, Ю.Г. Балашова // Сибирская финансовая школа. – 2025. – № 2(158). – С. 113-123.
5. Кузнецов, В.А. Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования / В.А. Кузнецов // Деньги и кредит. – 2017. – № 1. – С. 65-73.
6. Мухамедьярова-Левина, Т.Т. Краудфандинг как способ коллективного инвестирования / Т.Т. Мухамедьярова-Левина, В.Д. Заболотникова // Вестник университета Туран. – 2020. – № 2(86). – С. 136-140.
7. Смольникова, А.В. Краудфандинг как механизм народного финансирования: история и современность / А.В. Смольникова, Э.Р. Кузбенова // Научные записки молодых исследователей. – 2021. – Т. 9, № 1. – С. 5-12.
8. Эсенгулова, Н.А. Краудфандинг – новый инструмент финансирования бизнеса: особенности, преимущества и перспективы / Н.А. Эсенгулова, М.С. Орозалиева // М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университетинин кабарлары. – 2024. – № 1(62). – С. 94-97.
9. В 2020-2024 гг оборот рынка краудфандинга в России увеличился в 8 раз: с 7 до 53 млрд руб. // <https://marketing.rbc.ru>: сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/15655/> (дата обращения 06.02.2026).
10. Краудинвестинг. Акционерный краудфандинг. Краудлендинг // <https://www.tadviser.ru>: сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения 06.02.2026).
11. Обозначены перспективы индустрии краудфандинга до 2030 года // <https://bosfera.ru>: сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://bosfera.ru/press-release/oboznacheny-perspektivy-industrii-kraudfandinga-do-2030-goda?amp> (дата обращения 06.02.2026).

*Курбанов М.Э., аспирант,
Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова,
Россия, Владикавказ*

*Kurbanov M.E., graduate student,
North Ossetian Kosta Levanovich Khetagurov State University,
Russia, Vladikavkaz*

Трансформация парадигм финансового риска: от классических моделей к концепции «черных лебедей» и системной неустойчивости в условиях санкционного давления

Transforming financial risk paradigms: from classical models to the concept of "black swans" and systemic instability under sanctions pressure

Аннотация. В статье исследуется фундаментальная эволюция концептуальных подходов к оценке и управлению финансовыми рисками. Проведен критический анализ перехода от классической портфельной теории Г. Марковица и модели ценообразования капитальных активов У. Шарпа к современным нелинейным парадигмам. Доказана несостоятельность традиционных количественных метрик, опирающихся на закон нормального распределения, перед лицом экстремальных шоков. Особое внимание уделено концепции «черных лебедей» Н. Талеба и гипотезе системной хрупкости Х. Мински, раскрывающим эндогенную природу кризисов. В контексте беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику проанализирована трансформация национального риск-менеджмента. Обоснована необходимость отказа от микропруденциального фокуса в пользу макропруденциального регулирования, учитывающего каскадные эффекты, сетевую взаимосвязанность институтов и геополитическую фрагментацию. Предложен переход к парадигме резильентности, базирующейся на жестком стресс-тестировании, сценарном моделировании и технологиях машинного обучения для раннего выявления уязвимостей в условиях структурных сдвигов. Это значительно повысит адаптивность финансовой системы к непредсказуемым геополитическим вызовам.

Ключевые слова: финансовый риск, эволюция парадигм, портфельная теория, модель ценообразования активов, системная хрупкость, черный лебедь, санкционное давление, риск-менеджмент, макропруденциальное регулирование, нелинейная динамика, финансовая турбулентность, структурная трансформация, микропруденциальный подход, каскадные эффекты, геополитическая неопределенность, эндогенная природа риска,

системный шок, иллюзия контроля, нормальное распределение, диверсификация активов.

Abstract The article investigates the fundamental evolution of conceptual approaches to financial risk assessment and management. A critical analysis of the transition from H. Markowitz's classical portfolio theory and W. Sharpe's capital asset pricing model to modern nonlinear paradigms is conducted. The failure of traditional quantitative metrics based on the normal distribution law in the face of extreme shocks is proven. Special attention is paid to N. Taleb's "black swans" concept and H. Minsky's systemic fragility hypothesis, which reveal the endogenous nature of crises. In the context of unprecedented sanctions pressure on the Russian economy, the transformation of national risk management is analyzed. The necessity of abandoning the microprudential focus in favor of macroprudential regulation, taking into account cascade effects, network interconnectedness of institutions, and geopolitical fragmentation, is substantiated. A transition to the resilience paradigm, based on rigorous stress testing, scenario modeling, and machine learning technologies for early vulnerability detection under structural shifts, is proposed. This will significantly increase the adaptability of the financial system to unpredictable geopolitical challenges.

Keywords: financial risk, paradigm evolution, portfolio theory, asset pricing model, systemic fragility, black swan, sanctions pressure, risk management, macroprudential regulation, nonlinear dynamics, financial turbulence, structural transformation, microprudential approach, cascade effects, geopolitical uncertainty, endogenous nature of risk, systemic shock, illusion of control, normal distribution, asset diversification.

Развитие мировой финансовой архитектуры на протяжении последних десятилетий сопровождается процессами постоянного характера в части усложнения механизмов взаимодействия экономических агентов. В этой связи концептуализация финансового риска претерпела существенные изменения, отражая переход от детерминированных представлений о рынке к пониманию его глубокой стохастичности и нелинейности. Актуальность проводимых исследований в сфере управления рисками обусловлена тем, что классические парадигмы, доминировавшие в академической и практической среде во второй половине XX века, демонстрируют очевидную несостоятельность перед лицом современных глобальных шоков. Особенно остро существующий диссонанс проявляется в условиях беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику, когда традиционные модели оценки вероятности дефолта или рыночной волатильности теряют свою прогностическую силу. Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе эволюции парадигм финансового риска – от нормального распределения доходностей к признанию системной хрупкости (термин, обозначающий низкую

способность системы выдерживать растущее давление факторов внешней среды) и непредсказуемости экстремальных событий.

В целях ознакомления с основами финансовых теорий природы рисков рассмотрим классическую парадигму финансов, сущность которой можно охарактеризовать как иллюзия контроля и нормальное распределение.

Основы современной теории финансов были заложены в 1950-1960-х годах благодаря новаторским работам Г. Марковица и У. Шарпа. Так, в предложенной Марковицем портфельной теории впервые была формализована концепция диверсификации, а также обоснована математически идея о том, что риск инвестиционного портфеля может быть снижен без ущерба для ожидаемой доходности путем комбинирования активов с низкой ковариацией [1]. В этой парадигме риск отождествлялся исключительно с дисперсией (или стандартным отклонением) доходности актива относительно ее математического ожидания.

Дальнейшее развитие эта логика получила в модели ценообразования капитальных активов (Capital Asset Pricing Model, или CAPM), разработанной У. Шарпом, Дж. Линтнером и Я. Моссином [2]. В данной модели заложена концепция, разделяющая общий риск на систематический (рыночный, измеряемый бета-коэффициентом) и несистематический, являющийся специфическим для конкретной компании. При этом одним из постулатов является утверждение о том, что рынок вознаграждает инвестора только за принятие систематического риска.

Обе указанные выше концепции базировались на ряде строгих и, как показало время, чрезмерно идеализированных предпосылок. Ключевой из них являлась гипотеза об эффективности рынков и допущение о том, что колебания цен активов подчиняются закону нормального (гауссовского) распределения [3]. Нормальное распределение предполагает, что экстремальные отклонения от среднего значения (события, находящиеся в «хвостах» распределения) имеют исчезающе малую вероятность. В рамках этой парадигмы финансовые рынки рассматривались как механистические системы, стремящиеся к равновесию, а риск воспринимался как измеримая, прогнозируемая и поддающаяся строгому математическому контролю величина.

Своеобразным триумфом этой парадигмы стало внедрение в 1990-х годах метрики Value-at-Risk (VaR), которая позволила финансовым институтам агрегировать различные виды рыночных рисков в единое числовое значение, отражающее максимальные потенциальные потери с заданной доверительной вероятностью на определенном горизонте времени [4]. Подход VaR стал индустриальным стандартом и основой Базельских соглашений по банковскому надзору. Однако именно повсеместное использование моделей, основанных на исторических данных и предположении о нормальности, заложило мину замедленного действия под глобальную финансовую систему.

Первые серьезные сомнения в адекватности классической парадигмы возникли после финансового кризиса хедж-фонда Long-Term Capital Management в 1998 году, совет директоров которого включал нобелевских лауреатов

М. Шоулза и Р. Мертона. Модели и финансовая политика фонда, рассчитанные на конвергенцию спредов, оказались бессильны перед лицом суверенного дефолта России, который, согласно гауссовским моделям, был событием с вероятностью, стремящейся к нулю.

Глобальный финансовый кризис 2007-2009 годов окончательно обнажил эпистемологический кризис традиционного риск-менеджмента [5]. Выяснилось, что финансовые рынки характеризуются распределениями с «толстыми хвостами», где экстремальные события происходят значительно чаще, чем предсказывает нормальное распределение. Более того, в периоды рыночного стресса корреляции между различными классами активов, которые в стабильные времена служили основой для диверсификации по Марковицу, стремительно приближаются к единице.

Наиболее яркую и бескомпромиссную критику классической финансовой теории представил Н. Н. Талеб в своей концепции «черных лебедей» [6]. Талеб определил «черного лебедя» как событие, обладающее тремя характеристиками: оно аномально по своей природе, так как выходит за рамки обычных ожиданий, имеет колоссальные последствия и ретроспективно объясняется так, словно было предсказуемым.

Согласно Талебу, использование метрик типа VaR создает опасную иллюзию безопасности. Риск-менеджеры, опираясь на исторические данные, концентрируются на известных рисках, полностью игнорируя возможность беспрецедентных шоков. Талеб утверждает, что социально-экономические системы функционируют в области «Крайнестана» (Extremistan), где единичное событие может диспропорционально повлиять на всю систему, в отличие от «Среднестана» (Mediocristan), где применимо нормальное распределение.

В контексте теории Талеба, эволюция риск-менеджмента должна заключаться не в попытках точнее предсказать непредсказуемое, а в построении систем, способных выдерживать экстремальные шоки, то есть обладающих свойством устойчивости [7].

Критика классических моделей стимулировала развитие концепции системного риска и системной хрупкости. В отличие от индивидуального риска отдельного финансового института, системный риск подразумевает вероятность коллапса всей финансовой системы или ее значительной части, что влечет за собой катастрофические последствия для реального сектора экономики [8].

Важнейший вклад в понимание системной хрупкости внес Х. Мински с его гипотезой финансовой нестабильности [9]. Мински доказал, что

капиталистическая экономика эндогенно генерирует финансовые кризисы. В периоды длительной макроэкономической стабильности экономические агенты и акторы (банки, корпорации, микробизнес) склонны к избыточному оптимизму, что приводит к увеличению долговой нагрузки и переходу от обеспеченного финансирования к спекулятивному. В этот момент система становится предельно хрупкой, и малейший экзогенный шок или изменение процентных ставок провоцирует так называемый «момент Мински», выражающийся в резком падении стоимости активов и массовый делеверидж.

Современные исследователи системной «хрупкости» акцентируют внимание на сетевой топологии финансового рынка. Высокая взаимосвязанность институтов, сложность деривативных контрактов и концентрация активов создают среду, в которой локальный шок мгновенно распространяется по всей системе через механизмы каскадных дефолтов и информационного заражения [10]. В такой парадигме риск перестает быть экзогенной переменной; он становится эндогенным продуктом самого функционирования финансовой системы.

Рассматривая российский опыт трансформации риск-менеджмента в условиях санкционного давления, отметим, что для российской финансовой системы эволюция парадигм риска приобрела особое, беспрецедентное измерение в свете геополитических событий 2022-2024 годов. Введение масштабных экономических санкций, заморозка золотовалютных резервов в зарубежных банках, отключение ключевых банков от системы SWIFT и блокировка доступа к международным рынкам капитала стали классическим примером «черного лебедя» макроэкономического масштаба.

В этих условиях традиционные модели оценки рисков, базирующиеся на исторических данных и международной интеграции, оказались нерелевантными и не отвечающими реалиям финансовой действительности. Российская экономика столкнулась с необходимостью форсированной структурной трансформации, что потребовало кардинального пересмотра парадигмы риск-менеджмента как на уровне коммерческих банков, так и на уровне мегарегулятора.

Во-первых, произошла переоценка странового и валютного рисков. Токсичность резервных валют (доллара и евро) вынудила финансовые институты экстренно перестраивать балансы, переходя на расчеты в национальных валютах дружественных стран, прежде всего в юанях. Это породило новые формы риска ликвидности и инфраструктурного риска, связанные с ограниченной емкостью альтернативных валютных рынков и зависимостью от клиринговых центров третьих стран.

Во-вторых, санкции обострили проблему кредитного риска в условиях разрыва устоявшихся цепочек поставок. Модели вероятности дефолта, построенные на ретроспективной финансовой отчетности заемщиков, перестали отражать реальное положение дел. Предприятия реального сектора

столкнулись с необходимостью поиска новых поставщиков, логистических маршрутов и рынков сбыта, что сделало их финансовые потоки крайне изменчивыми. В ответ на это банки вынуждены переходить от количественного моделирования к качественному сценарному анализу и оценке устойчивости бизнес-моделей клиентов в условиях геополитического стресса.

В-третьих, сформировалась системная неустойчивость и хрупкость инфраструктуры фондового рынка. Блокировка активов российских инвесторов в международных депозитариях (Euroclear, Clearstream) выявила недооцененный ранее кастодиальный риск (вероятность потерь от операций с криптоактивами). Этот прецедент наглядно продемонстрировал, что в условиях фрагментации глобальной экономики правовые и институциональные риски могут превалировать над чисто финансовыми.

Все эти факторы и события сформировали макросреду и условия для перехода к макропруденциальной парадигме и обеспечению резильентности: осознание ограниченности классических микропруденциальных подходов, ориентированных на устойчивость отдельного института, и необходимости учета системной хрупкости привело к смещению фокуса в сторону макропруденциального регулирования. Так, Банк России в условиях структурной трансформации активно применяет макропруденциальный инструментарий для купирования системных рисков.

Ключевым элементом новой парадигмы становится концепция резильентности – способности финансовой системы демпфировать, поглощать шоки, адаптироваться к новым условиям и быстро восстанавливать свои функции. В отличие от традиционного риск-менеджмента, который стремится минимизировать вероятность наступления негативного события, парадигма резильентности исходит из того, что шоки неизбежны (принцип Талеба), и фокусируется на минимизации их последствий.

В практической плоскости это выражается в проведении жестких макроэкономических стресс-тестов, учитывающих экстремальные, но вероятные сценарии дальнейшего усиления санкционного давления, падения цен на энергоносители и технологической изоляции. Кроме того, регулятор активно внедряет контрциклические надбавки к капиталу и макропруденциальные лимиты, ограничивая системную уязвимость в сегментах с признаками перегрева (например, в необеспеченном потребительском кредитовании или ипотеке с низким первоначальным взносом).

Обобщая эволюцию подходов к оценке и управлению финансовыми рисками, можно выделить ключевые отличия классических моделей от современных концепций, учитывающих нелинейность и системную хрупкость. В таблице 1 представлены результаты сравнительного анализа основных парадигм.

Таблица 1 – Сравнительный анализ парадигм финансового риска

Критерий сравнения	Классическая парадигма	Парадигма VaR	Концепция «Черных лебедей»	Парадигма системной хрупкости	Санкционная парадигма
Природа риска	Экзогенная, случайная	Экзогенная, статистическая	Экзогенная, непредсказуемая	Эндогенная, поведенческая	Эндогенная + Геополитическая
Распределение вероятностей	Нормальное (Гаус-совское)	Нормальное / Историческое	«Толстые хвосты»	Нелинейное, каскадное	Структурные сдвиги, разрывы
Ключевая метрика	Дисперсия (стандартное отклонение), Бета-коэффициент	Value-at-Risk (VaR), Expected Shortfall	Неприменимость точных метрик	Уровень леввериджа, сетевые связи	Стресс-тестирование, сценарный анализ
Фокус управления	Оптимизация портфеля, диверсификация	Контроль лимитов, достаточность капитала	Создание антихрупкости	Макропруденциальное регулирование	Суверенный риск-менеджмент, резильентность
Главная уязвимость	Игнорирование экстремальных событий	Иллюзия точности, процикличность	Сложность практической операционализации	Трудность точного определения «момента Мински»	Дефицит исторических данных, изоляция

Источник: составлено автором.

Визуализация исторической трансформации подходов к риск-менеджменту представлена на рисунке 1. Переход от классических моделей к санкционной парадигме демонстрирует смещение фокуса от попыток точного математического измерения риска к необходимости обеспечения системной устойчивости в условиях абсолютной неопределенности.

Рисунок 1 – Эволюция парадигм финансового риска: ключевые этапы и концепции (составлено автором)

В качестве заключения отметим, что эволюция парадигм финансового риска отражает сложный путь познания природы экономических процессов. От элегантных, но упрощенных математических конструкций Марковица и Шарпа, предполагавших возможность точного измерения и контроля риска в условиях нормального распределения, научная мысль пришла к осознанию нелинейности, системной хрупкости и доминирующего влияния «черных лебедей».

Глобальные кризисы начала XXI века и беспрецедентный санкционный шок, с которым столкнулась российская экономика, окончательно развенчали иллюзию детерминированности финансовых рынков. Современная парадигма риск-менеджмента отказывается от слепой веры в исторические экстраполяции (VaR) в пользу сценарного моделирования, стресс-тестирования и концепции антихрупкости.

Важным, актуальным вектором развития риск-менеджмента в российской экономике становится цифровизация и внедрение технологий искусственного интеллекта. В условиях высокой неопределенности и дефицита релевантных исторических данных машинное обучение позволяет анализировать огромные массивы неструктурированной информации (альтернативные данные), выявляя скрытые паттерны и векторы, а также

ранние индикаторы финансового стресса, недоступные классическим эконометрическим моделям.

Для российской финансовой системы успешное прохождение периода структурной трансформации требует не просто адаптации существующих моделей, а формирования суверенной методологии управления рисками. Эта методология должна органично сочетать макропруденциальное регулирование, направленное на снижение системной хрупкости, с развитием инновационных подходов к оценке кредитных и инфраструктурных рисков в условиях геополитической фрагментации. Только переход от попыток предсказать будущее к созданию институтов, способных выдерживать любые непредсказуемые шоки, может обеспечить долгосрочную стабильность финансовой системы в эпоху перманентной турбулентности.

Список источников

1. Markowitz, H. Portfolio Selection. The Journal of Finance, 7(1), 77-91. 1952. URL: https://efalken.com/LowVolClassics/markowitz_JF1952.pdf.
2. Sharpe, W. F. Capital Asset Prices: A Theory of Market Equilibrium under Conditions of Risk. The Journal of Finance, 19(3), 425-442. 1964. URL: <https://finance.martinsewell.com/capm/Sharpe1964.pdf>.
3. Fama, E. F. Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work. The Journal of Finance, 25(2), 383-417. 1970. URL: <http://www.e-m-h.org/Fama70.pdf>.
4. Jorion, P. Value at Risk: The New Benchmark for Managing Financial Risk (3rd ed.). McGraw-Hill. 2006. URL: https://www.academia.edu/8519246/Philippe_Jorion_Value_at_Risk_The_New_Benchmark_for_Managing_Financial_Risk_3rd_Ed_2007.
5. Taskinsoy, J. (2022). Financial Crises Continue to Strike amid Accelerated Evolution of Risk Management. SSRN Electronic Journal.
6. Taleb, N. N. (2007). The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. Random House. URL: https://www.researchgate.net/publication/358722911_Financial_Crises_Continue_to_Strike_amid_Accelerated_Evolution_of_Risk_Management.
7. Taleb, N. N. Antifragile: Things That Gain from Disorder. Random House. URL: http://kgt.bme.hu/files/BMEGT30M400/Taleb_Antifragile_2012.pdf.
8. Barth, D. Black Swans and Financial Stability. Federal Reserve Board Finance and Economics Discussion Series. URL: <https://www.federalreserve.gov/econres/feds/files/2025043pap.pdf>.

9. Minsky, H. P. The Financial Instability Hypothesis. The Jerome Levy Economics Institute Working Paper No. 74. URL: https://econpapers.repec.org/paper/levwrkrap/wp_5f74.htm.

10. Розмаинский, И. В. Гипотеза финансовой неустойчивости почти 50 лет спустя. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipoteza-finansovoy-nestabilnosti-pochti-50-let-spustya/viewer>.

*Розмыслов А.Н., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом и экономической теории ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
Россия, Луганск*

*Филипенко Т.В., старший преподаватель кафедры управления персоналом и экономической теории ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»
Россия, Луганск*

*Rozmyslov A.N., PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Economic Theory, Vladimir Dahl Luhansk State University,
Lugansk, Russia*

*Filipenko T.V., Senior Lecturer at the Department of Personnel Management and Economic Theory, Vladimir Dahl Luhansk State University,
Lugansk, Russia*

Влияние демографических вызовов на построение региональной экосистемы при реализации принципов социального партнерства
The impact of demographic challenges on building a regional ecosystem while implementing the principles of social partnership

Аннотация. Исследование посвящено анализу демографических проблем в региональных экосистемах. Эти проблемы выражаются в понижении уровня рождаемости, увеличении доли пожилого населения, оттоке активного трудоспособного населения и других деструктивных процессах, препятствующих устойчивому развитию территорий. Решение этих вопросов невозможно без совместной работы и комплексного подхода, объединяющего усилия различных социальных институтов. Особую актуальность в этом контексте приобретает институт социального партнерства, который позволяет объединить государство, бизнес, общественные организации и граждан для выработки устойчивых механизмов демографического развития. В рамках данного исследования проведен анализ наиболее значимых демографических проблем, с которыми сталкиваются современные регионы, а также исследована их тесная связь с протекающими социально-экономическими процессами в экосистеме региона. Научная новизна исследования заключается в систематизации подходов к использованию механизмов социального партнерства для решения демографических проблем при разработке институциональной модели управления человеческим капиталом в экосистеме регионального значения.

Ключевые слова: демография, экосистема, регион, социальное

партнерство, факторы развития, человеческий капитал, устойчивое развитие.

Annotation. The study is devoted to the analysis of demographic problems in regional ecosystems. These problems are expressed in a decrease in the birth rate, an increase in the proportion of the elderly population, an outflow of the active able-bodied population and other destructive processes that hinder the sustainable development of territories. It is impossible to solve these issues without joint work and an integrated approach combining the efforts of various social institutions. Of particular relevance in this context is the institution of social partnership, which makes it possible to unite the state, business, public organizations and citizens to develop sustainable mechanisms for demographic development. This study analyzes the most significant demographic problems faced by modern regions, as well as their close relationship with ongoing socio-economic processes in the ecosystem of the region. The scientific novelty of the research lies in the systematization of approaches to the use of social partnership mechanisms to solve demographic problems in the development of an institutional model of human capital management in a demographic crisis in an ecosystem of regional importance.

Keywords: demography, ecosystem, region, social partnership, development factors, human capital, sustainable development.

Развитие института социального партнерства выступает ключевым механизмом для управления социальными конфликтами и осуществления социальной политики. Его основная задача заключается в достижении баланса интересов между работодателями и работниками, опираясь на принципы социальной справедливости, при активном участии государства.

Социальное партнерство выступает действенным механизмом регулирования социально-трудовых отношений и реализуется в форме социального диалога. В России создание Института социального партнерства основывается на основании трипартизма, где главными участниками процесса выступают работодатели, наемные работники и государство. Главными направлениями реализации социального диалога являются: заключение договоров и соглашений с учетом интересов сторон, проведение консультаций, проведение переговоров между сторонами социального партнерства, предотвращение конфликтов и их урегулирование со стороны государства средствами нормативно-правовой базы, участие работников в управлении и распределении прибыли, совместное участие работодателей и работников в распределении фондов социального страхования, контроль за выполнением договоренностей и тому подобное. Важная роль отводится государству, которое выступает гарантом правоотношений сторон и выполняет функции регулирования, организации и координации.

Вопросам влияния методов воздействия Института социального партнерства на демографические процессы уделяли внимание такие ученые как: Н.И. Гракчев, К.Д. Крылов, Д.А. Чуйков, С.Ю. Чуча, С.А. Дюжиков и др.

При этом, отдельное внимание роли демографических процессов в экосистеме региона уделяли такие ученые как: Д.Ю. Федоров, В.А. Безвербный, Т.К. Ростовская, А.М. Ситковский, С.В. Рославцев, О.А. Козлова, Н.М. Макарова, В.Н. Архангельский, К.Б. Борисова, Л.М. Дворецкий, А.А. Федотов и др.

Становление партнерских отношений между государством, бизнесом и наемными работниками должно основываться на применении такого неформального института, как социальная ответственность бизнеса, который способствует формированию и наращиванию человеческого капитала, росту эффективности мотивации работников. Как считает А.О. Иншакова «...экономический смысл социального партнерства заключается в выстраивании партнерских социально-трудовых отношений между работниками и работодателями при посредничестве и при поддержке органов государственного регулирования занятости» [1, с. 149].

Реализация экономического смысла социального партнерства тесно связана с потенциалом человеческого капитала в конкретном регионе, что реализуется благодаря достойной оплате труда (экономическая составляющая социального партнерства), поскольку мотивация экономической активности основана в материальной плоскости. Заработная плата является мощным источником формирования, функционирования и накопления человеческого капитала. В отдельных случаях политика оплаты труда не способствует расширенному воспроизводству рабочей силы, поскольку больше ориентирована на выживание, что приводит к торможению процессов модернизации экономики на всех уровнях.

По мнению Д.А. Чуйкова «... реализацию социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений стало действенным свидетельством возрастания роли трехстороннего партнерства в регулировании таких отношений» [2, с. 172].

Социальное партнерство может помочь в решении демографических проблем за счет консолидации усилий разных участников общественной жизни, а именно:

1. Участие бизнеса в решении демографических проблем.
2. Межведомственное взаимодействие при проведении мероприятий по улучшению инфраструктуры, направленных на стимулирование рождаемости.
3. Развитие механизмов независимой общественной экспертизы решений, принимаемых органами государственной власти по вопросам реализации семейной и демографической политики.

Потребность в обеспечении конкурентных преимуществ, доходности и увеличения регионального благосостояния создают экономический интерес работодателя и администрации региона к развитию человеческого капитала. По мнению Е.М. Азарян и Н.Ю. Возияновой это безусловно положительно отразится на качестве жизни населения региона [3]. Основываясь на таком понимании, управление развитием человеческого капитала должно включать

модель взаимодействия интересов администрации региона, работодателя и индивидуума в расширенном воспроизводстве человеческого капитала. По мнению И.А. Ангелиной и П.Ю. Ткачука на работодателя возложена стратегическая функция развития предпринимательского потенциала на уровне региона [4].

Реализация мотивационной модели развития человеческого капитала должна осуществляться по следующим основным направлениям:

1. Коренное изменение отношения к демографическому процессу, осознание его ключевой роли в повышении конкурентоспособности как региональной, так и национальной экономики.

2. Обеспечение соответствия образовательного уровня трудоспособного населения и уровня его доходов, что будет способствовать мотивации к получению высокого образования и трансформации образовательного потенциала в полной мере в человеческий капитал.

3. Стимулирование работодателей к осуществлению инвестиций в непрерывное повышение квалификации и профессиональную переподготовку. Это связано с быстрым старением знаний, опыта, мастерства.

4. Обеспечение сотрудничества между учреждениями образования и работодателями, что будет способствовать оптимизации качества подготовки кадров к соответствующим потребностям рынка труда.

5. Формирование активного поведения человека. Возникает потребность возрождать и развивать ее способности к творчеству, нестандартному мышлению, саморазвитию и самореализации.

В условиях глобальных трансформаций необходимо формировать новое сознание человека, диктуемое новой парадигмой развития общества в основе которой лежит тезис о преодолении демографического кризиса. Как отразил в своем докладе Д.Ю. Федоров «...преодоление демографического кризиса возможно при комбинации социальных, экономических, культурно-просветительских и инновационных инструментов в сочетании с реализацией комплекса мер в сфере миграционной политики» [5, с. 130]. Кроме того, по мнению Е.Я. Пастухова и Т.А. Логунов «... сокращение численности и доли граждан трудоспособного возраста является вызовом для экономического развития» [6, С. 113].

Учитывая исследования институциональных условий, влияющих на формирование, использование и развитие человеческого капитала, в работе предложена институциональная модель управления человеческим капиталом в условиях демографического кризиса. Модель включает инструменты эффективного использования демографической политики, как результат влияния институциональных факторов на систему управления человеческим капиталом в экосистеме регионального назначения (рис. 1).

По мнению таких ученых как, В.А. Безвербный, Т.К. Ростовская, А.М. Ситковский и С.В. Рославцев «... демографический фактор оказывает

умеренное влияние на валовой региональный продукт (ВРП), тогда как доходы региональных бюджетов сильнее зависят от структуры экономики и уровня хозяйственной активности» [7, с. 604]. При этом хозяйственная активность региона безусловно зависит от уровня развития человеческого капитала.

Следовательно, центром стратегии управления развитием человеческого капитала должен стать человек, как единица совокупности, которая используется в виде объекта изучения, а также как элемент, который влияет на демографические процессы и структуру населения.

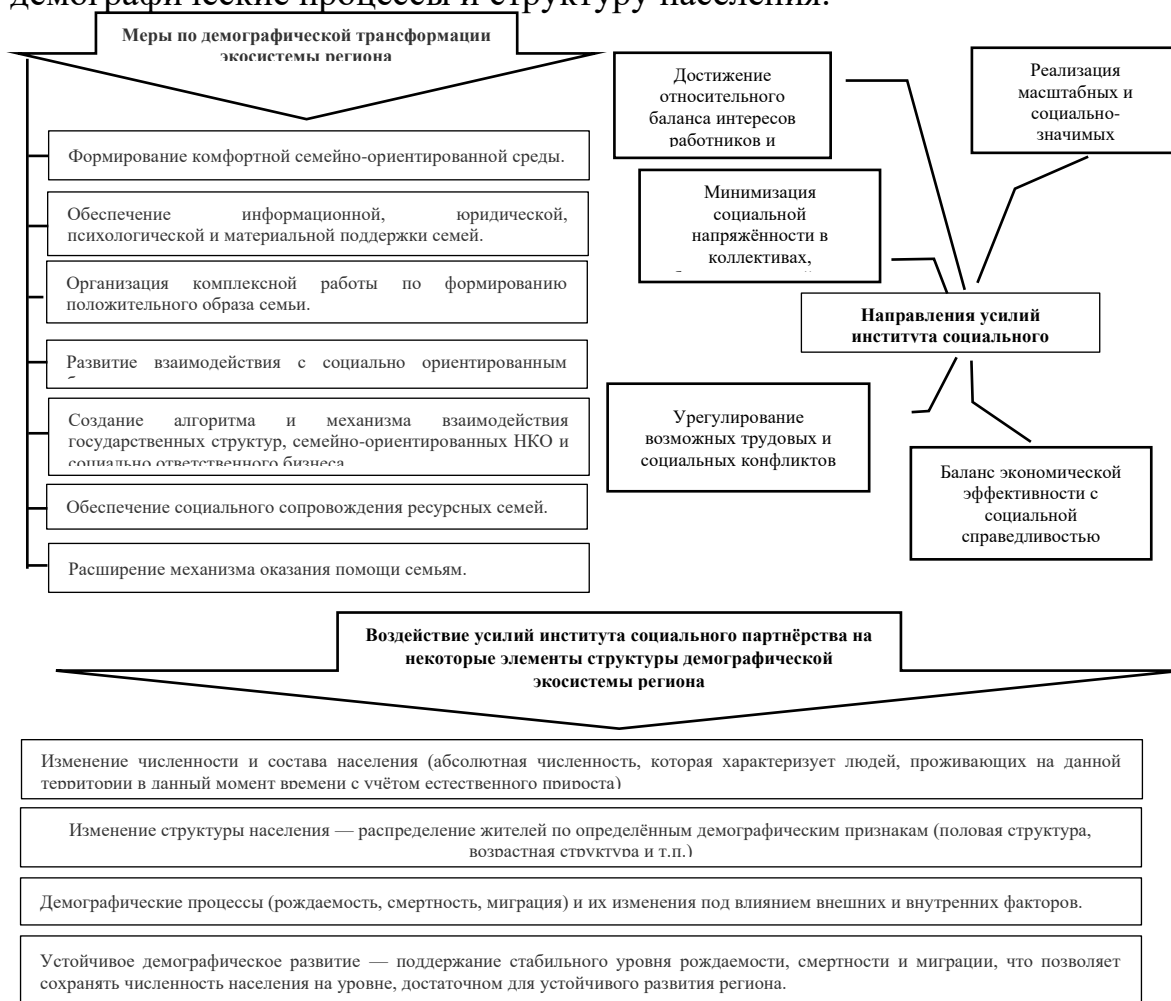

Рисунок 1 - Демографическая трансформация экосистемы региона за счет усилий института социального партнёрства (разработано авторами)

Эта стратегия должна служить интересам гражданина, предприятия, региона и страны в целом. На региональном уровне следует больше уделять внимания следующим факторам развития:

участие демографического климата в разработке стратегии развития региона;

внедрение концепции «обучающийся регион» и пропаганде непрерывного образования;

применение политики Talent Management - привлечение и удержание перспективных талантливых специалистов на региональном рынке труда;
проведение региональной инновационной мотивационной политики;
внедрение региональных программ развития для создание внутреннего кадрового резерва;
проведение диагностики компетенций человеческого капитала с целью стратегического развития региона;
разработка региональных инвестиционных программ в человеческий капитал и определение инструментов их реализации;
укрепление связей с другими регионами и образовательными структурами;
уделение первоочередного внимание развитию бенчмаркинга человеческого капитала;
внедрение принципов региональной и социальной ответственности.

Важное место в управлении демографическими процессами на уровне региона отводится социальному обеспечению. В данном случае главным препятствием в реализации демографической политики является бедность, преодоление которой должно осуществляться не столько за счет поддержки малообеспеченных семей, сколько на основе более активных мер, в частности, обеспечения работающих граждан или безработных рабочими местами, комфортными условиями труда и достойной оплатой труда, организация обучения и повышения квалификации и тому подобное.

Развитие концепции человеческого капитала на уровне региона предполагает прежде всего инвестирование в человека (образование, профессиональную подготовку и повышение квалификации, здравоохранение, мобильность, духовное и физическое развитие человека и т.д.), что способствует повышению производительности труда и дохода, является основной предпосылкой устойчивого развития региона.

Таким образом, влияние демографической политики на региональную экосистему основано на развитии человеческого капитала, что должно проявляться в заинтересованности региональных властей внедрять разнообразные социальные мероприятия поддержки и реализации демографии в регионе. В зависимости от того, как конкретный регион будет финансировать и создавать условия для развития регионального человеческого капитала (в первую очередь, финансируя такие сферы как: образование и наука, здравоохранение, духовное и физическое развития населения в регионе), зависит социально-экономическое, инновационное и культурное развитие региона в будущем и определение места данного региона в стране в целом.

Библиографический список:

1. Иншакова А.О., Матыцин Д. Е., Шарифов Р. В. Устойчивое развитие бизнеса 4.0 на основе института социального партнерства в регионах России: новое качество цифрового экономического роста // Вестник экономической безопасности. 2025. № 4. С. 147–155. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-4-147-155>. EDN: OTZAPL.
2. Чуйков Д.А. Правовые и организационные аспекты социального партнерства в сфере труда на федерально-окружном уровне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. №5. С. 171-176.
3. Азарян Е.М. Роль маркетингового виртуального потенциала в повышении качества жизни населения / Е.М. Азарян, Н.Ю. Возиянова // Синергия в науке и технологиях: сборник статей Международной научно-практической конференции, Саратов, 18 марта 2025 года. – Москва: Издательство «Доброе слово и Ко», 2025. – С. 255-262. – EDN DIBZME.
4. Ангелина И.А., Ткачук П.Ю. Стратегические ориентиры развития предпринимательской деятельности в Донецком и Луганском регионах в условиях цифровых преобразований // Управленческий учет. – 2021. – № 12-3. – С. 772-784. – DOI 10.25806/uu12-32021772-784. – EDN MISYMO.
5. Фёдоров Д.Ю. Демографический вызов России. Итоги 2025 г. (Аналитический обзор) // Перспективы. Электронный журнал. 2025. №4 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskiy-vyzov-rossii-itogi-2025-g-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 24.03.2026).
6. Пастухова Е.Я., Логунов Т.А. Демографический фактор экономического развития регионов Сибирского федерального округа России в 2005–2022 годах // Народонаселение. 2024. Том 27. № 1. С. 109–122. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-109-122> EDN BWCQYS
7. Безвербный В.А., Ростовская Т.К., Ситковский А.М., Рославцев С.В. Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 602–617. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617 EDN YZRFOF

*Салахова С.М., магистрант,
Алеткин П.А., доцент, к.н., КФУ / Институт управления, экономики и
финансов / кафедра учета, анализа и аудита
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
e-mail: salakhova.sabina@yandex.ru*

Казань, Россия

Salakhova S.M., Master's Student

*Aletkin P.A., Associate Professor, PhD (Candidate of Sciences)
Kazan Federal University / Institute of Management, Economics and Finance /
Department of Accounting, Analysis and Audit
Don State Technical University
e-mail: salakhova.sabina@yandex.ru
Kazan, Russia*

**Амортизационная политика предприятия как инструмент управления
финансовыми результатами
The company's depreciation policy as a tool for managing financial results**

Аннотация. В статье рассматривается амортизационная политика предприятия как инструмент управления финансовыми результатами. Показано, что параметры начисления амортизации влияют на величину расходов, себестоимость продукции, бухгалтерскую и налоговую прибыль, а также на налоговую нагрузку и финансовую устойчивость организации. Проанализированы научные подходы к трактовке амортизационной политики и классификации основных средств. Отмечено, что выбор метода начисления амортизации должен определяться не формальными соображениями, а реальной моделью потребления ресурса и финансовыми целями предприятия. Систематизированы особенности влияния способов начисления амортизации на финансовые результаты деятельности хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: амортизация, амортизационная политика, основные средства, финансовые результаты, учетная политика, налоговая нагрузка, методы начисления амортизации.

Annotation. The article considers the depreciation policy of an enterprise as a tool for managing financial results. It is shown that depreciation parameters affect the amount of expenses, the cost of production, accounting and tax profits, as well as the tax burden and financial stability of the organization. Scientific approaches to the interpretation of depreciation policy and classification of fixed assets are analyzed. It is noted that the choice of the depreciation method should be determined not by formal considerations, but by the actual model of resource consumption and the financial goals of the enterprise. The features of the impact of depreciation methods on the financial performance of an economic entity are systematized.

Key words: depreciation, depreciation policy, fixed assets, financial results, accounting policy, tax burden, depreciation methods.

В современных условиях амортизационная политика предприятия выступает не только элементом учетной системы, но и важным инструментом управления финансовыми результатами. Ее значение определяется тем, что параметры начисления амортизации напрямую влияют на величину расходов, себестоимость продукции, бухгалтерскую и налоговую прибыль, налоговую нагрузку, показатели ликвидности и финансовой устойчивости. Следовательно, амортизационная политика должна рассматриваться не как техническое приложение к учетной политике, а как часть финансового механизма предприятия.

Экономическая сущность амортизации раскрывается через характеристики основных средств как объекта управления. Основные средства представляют собой материально-вещественные активы, используемые в производственной, управленческой и иной деятельности организации в течение длительного периода и способные приносить экономические выгоды в будущем. Такое понимание основано как на классической экономической теории, так и на современных стандартах учета. А. Смит связывал основной капитал с ресурсами, создающими доход в течение длительного времени [9]. В прикладном аспекте И.В. Захаров и О.Н. Тарасова подчеркивают длительность использования имущества и получение экономических выгод [4], И.М. Дмитриева делает акцент на материально-вещественной форме актива [3], а Е.Е. Кузьмина и Л.П. Кузьмина связывают сущность основных средств с сохранением натуральной формы и переносом стоимости посредством амортизации [6].

Для управления финансовыми результатами важно учитывать неоднородность основных средств. Их классификация по отраслевому признаку, функциональному назначению, принадлежности, вещественно-натуральному составу и степени использования, позволяет выбирать методы начисления амортизации с учетом особенностей конкретных активов. Использование единого метода для всех объектов приводит к искажению финансового результата, поскольку здания, транспорт, оборудование и инвентарь различаются по срокам службы, интенсивности износа и роли в процессе создания стоимости. Поэтому амортизационная политика должна строиться на дифференцированном подходе к группам активов.

Нормативная база предоставляет организации возможность выбора допустимых способов начисления амортизации. В соответствии с ФСБУ 6/2020 [2] и положениями главы 25 Налогового кодекса РФ [1] предприятие вправе устанавливать методы начисления амортизации с учетом категории основного средства, срока его полезного использования и целей учета. Однако наличие формальной свободы выбора еще не означает наличия эффективной

амортизационной политики. На практике нередко метод подбирается лишь с позиции минимизации налога на прибыль в краткосрочном периоде, тогда как его влияние на себестоимость, бухгалтерскую прибыль, показатели отчетности и финансовую устойчивость учитывается недостаточно. Такой подход сужает управленческий потенциал амортизационной политики.

В научной литературе амортизационная политика трактуется по-разному. Г. Н. Курбанов [7] рассматривает ее как инструмент финансового менеджмента, Н. В. Конципко [5] связывает с обеспечением воспроизводства основных фондов, а Л. А. Сухарева и В. С. Огородник [10] акцентируют влияние амортизационных процессов на финансовый результат предприятия. Обобщение этих подходов позволяет определить амортизационную политику как систему принципов, методов и организационных решений, направленных на экономически обоснованное распределение стоимости основных средств по периодам их использования, регулирование налоговой нагрузки, поддержание финансовой устойчивости и обеспечение условий для воспроизводства активов.

Наиболее очевидно влияние амортизационной политики на финансовые результаты проявляется через выбор метода начисления амортизации. Как видно из таблицы 1, в бухгалтерском учете применяются линейный метод, метод уменьшаемого остатка и способ списания стоимости пропорционально объему продукции, а в налоговом учете используются линейный и нелинейный методы. Каждый из них по-разному воздействует на расходы, прибыль и налоговую базу.

Таблица 1 – Влияние способов начисления амортизации на финансовые результаты деятельности хозяйствующего субъекта [8]

Способ начисления амортизации	Характеристика метода	Влияние на финансовые результаты
Линейный метод	Амортизация начисляется равномерно на протяжении всего срока полезного использования объекта исходя из его первоначальной стоимости.	Обеспечивает стабильный уровень расходов и равномерное включение амортизации в себестоимость продукции, что делает финансовый результат более прогнозируемым.
Метод уменьшаемого остатка	Амортизация рассчитывается от остаточной стоимости основного средства с применением повышающего коэффициента, что приводит к ускоренному списанию стоимости в первые годы эксплуатации.	В начальный период увеличиваются расходы и снижается налогооблагаемая прибыль, что уменьшает налоговую нагрузку. В последующие годы расходы сокращаются, что способствует росту прибыли.
Производственный (пропорциональный) метод	Размер амортизации определяется пропорционально фактическому объему	Амортизационные расходы напрямую зависят от уровня использования оборудования. При росте объема производства

	произведенной продукции или выполненных работ.	обеспечивается более точное распределение затрат и повышение экономической эффективности деятельности предприятия.
--	--	--

Таким образом, амортизационная политика в современных условиях должна рассматриваться не как формальный элемент учетной политики, а как полноценный инструмент финансового управления предприятием. Ее потенциал заключается в возможности целенаправленно регулировать структуру расходов, динамику себестоимости продукции, величину прибыли, а также уровень налоговой нагрузки в различные периоды хозяйственной деятельности. Выбор метода начисления амортизации фактически определяет временное распределение затрат и тем самым влияет на показатели рентабельности, ликвидности и финансовой устойчивости организации.

Библиографический список:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. действующая) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 15.10.2025).
2. Об утверждении Федеральных стандартов бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» : приказ Минфина России от 17.09.2020 № 204н (ред. от 30.05.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365338/76123180f1200d66eb1102dd61173d0f8d64d569/ (дата обращения: 15.10.2025).
3. Дмитриева, И. М. Бухгалтерский учет : учебник и практикум для среднего профессионального образования / И. М. Дмитриева. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 287 с.
4. Захаров, И. В. Бухгалтерский учет и анализ : учебник для вузов / И. В. Захаров, О. Н. Тарасова ; под ред. И. М. Дмитриевой. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 409 с.
5. Конципко, Н. В. Развитие концептуальных подходов к амортизационной политике как собственному источнику финансирования корпорации / Н. В. Конципко // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2017. – № 37. – С. 153–168.
6. Кузьмина, Е. Е. Комплексный анализ хозяйственной деятельности : учебник и практикум для вузов / Е. Е. Кузьмина, Л. П. Кузьмина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 514 с.
7. Курбанов, Г. Н. Амортизационная политика, формы и системы зарубежных стран / Г. Н. Курбанов // Актуальные вопросы экономических наук. – 2013. – № 31. – С. 157–163.

8. Омаркадиев, И. М. Амортизационная политика и ее влияние на финансовое состояние предприятия / И. М. Омаркадиев, А. М. Халилова, А. М. Мусаева, Э. Б. Мурзагельдиева // Актуальные проблемы и перспективы развития АПК Республики Дагестан : материалы региональной научно-практической конференции. – Махачкала, 2024. – С. 246–250.

9. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов : в 3 т. Т. 1 / А. Смит ; пер. П. А. Бибикова. – Санкт-Петербург : Типография И. И. Глазунова, 1866. – 496 с.

10. Сухарева, Л. А. Исторические аспекты формирования научной мысли об амортизационной политике / Л. А. Сухарева, В. С. Огородник // Современное общество и власть. – 2019. – № 1 (11). – С. 138–145.

*Салгираев З.А., аспирант,
Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова
Salgiraev Z.A.,
graduate student,
North Ossetian Kosta Levanovich Khetagurov State University,
Russia, Vladikavkaz*

**Теоретические модели влияния технологий на финансовые рынки
Theoretical models of the impact of technology on financial markets**

Аннотация. В статье исследуются концептуальные основы трансформации финансовой архитектуры под воздействием прорывных технологий (алготрейдинга, блокчейна, искусственного интеллекта). Систематизированы теоретические модели, описывающие механизмы технологического влияния на микроструктуру рынка, ликвидность и транзакционные издержки. Проанализирована модификация классических подходов (модели Глостена-Милгрона и Кайла) в условиях высокочастотной торговли, где скорость обработки информации становится ключевым фактором преодоления асимметрии. Рассмотрена теория финансовой дезинтермедиации в контексте распределенных реестров, снижающих потребность в традиционных посредниках за счет алгоритмического доверия. Обосновано, что внедрение робо-эдвайзинга трансформирует поведенческие паттерны инвесторов и теорию портфельного управления. Сделан вывод о формировании новой парадигмы технологически детерминированного финансового рынка, требующей адаптации регуляторных механизмов к эндогенным системным рискам алгоритмической среды.

Ключевые слова: финансовые технологии, микроструктура рынка, высокочастотная торговля, алготрейдинг, асимметрия информации, модель Кайла, модель Глостена-Милгрона, блокчейн, дезинтермедиация, транзакционные издержки, смарт-контракты, распределенные реестры, искусственный интеллект, машинное обучение, робо-эдвайзинг, портфельное управление, алгоритмическое доверие, финансовые инновации, эффективность рынка, поведенческие финансы, системный риск, ликвидность, волатильность, спреды, маркет-мейкеры, информационное преимущество, технологический детерминизм, цифровая трансформация, финтех, регуляторные механизмы, эндогенные шоки, финансовая архитектура, сетевые эффекты, децентрализация, автоматизация.

Abstract. The article investigates the conceptual foundations of financial architecture transformation under the influence of breakthrough technologies

(algorithmic trading, blockchain, artificial intelligence). Theoretical models describing the mechanisms of technological impact on market microstructure, liquidity, and transaction costs are systematized. The modification of classical approaches (Glosten-Milgrom and Kyle models) in the context of high-frequency trading, where information processing speed becomes the key factor in overcoming asymmetry, is analyzed. The theory of financial disintermediation is considered in the context of distributed ledgers, which reduce the need for traditional intermediaries through algorithmic trust. It is substantiated that the introduction of robo-advising transforms investor behavioral patterns and portfolio management theory. A conclusion is drawn regarding the formation of a new paradigm of a technologically determined financial market, requiring the adaptation of regulatory mechanisms to the endogenous systemic risks of the algorithmic environment.

Keywords: financial technologies, market microstructure, high-frequency trading, algorithmic trading, information asymmetry, Kyle model, Glosten-Milgrom model, blockchain, disintermediation, transaction costs, smart contracts, distributed ledgers, artificial intelligence, machine learning, robo-advising, portfolio management, algorithmic trust, financial innovations, market efficiency, behavioral finance, systemic risk, liquidity, volatility, spreads, market makers, informational advantage, technological determinism, digital transformation, fintech, regulatory mechanisms, endogenous shocks, financial architecture, network effects, decentralization, automation.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется беспрецедентной скоростью проникновения цифровых технологий в архитектуру финансовых рынков. Переход от голосовых торгов к электронным платформам, а затем к доминированию алгоритмических и высокочастотных стратегий кардинально изменил ландшафт ценообразования и распределения капитала. Появление технологий распределенных реестров и искусственного интеллекта не просто оптимизирует существующие бизнес-процессы, но ставит под сомнение фундаментальные теоретические постулаты о роли финансовых посредников, природе транзакционных издержек и механизмах достижения рыночного равновесия.

Масштабная цифровизация последних двух десятилетий превратилась в один из наиболее значимых структурных факторов эволюции мировых финансовых рынков. Появление электронных торговых систем, алгоритмических стратегий, блокчейн-протоколов и аналитики больших данных изменило не только инфраструктуру торговли, но и фундаментальные принципы ценообразования, формирования ликвидности и распределения информации между участниками рынка. Новые цифровые инструменты позволяют создавать устойчивые конкурентные преимущества для технологически оснащённых игроков, одновременно обостряя давние

проблемы информационного неравенства между крупными институтами и розничными инвесторами, не располагающими сопоставимыми ресурсами.

Ускорение технологических изменений ставит под сомнение адекватность многих теоретических конструкций, служивших ориентиром для аналитиков и регуляторов на протяжении последних полувека. Алгоритмические торговые системы исполняют тысячи заявок в секунду, принципиально меняя динамику формирования цен. Децентрализованные протоколы позволяют обмениваться финансовыми активами без традиционных посредников. Платформенные гиганты аккумулируют данные о поведении сотен миллионов пользователей, превращая информацию в стратегический актив с нулевыми предельными издержками тиражирования.

В академической и научной среде наблюдается очевидный разрыв между стремительной эмпирической эволюцией финтеха и скоростью адаптации классической финансовой теории. Традиционные модели микроструктуры рынка, разработанные в 1980-х годах, базировались на предположениях, которые сегодня требуют существенной ревизии в свете технологического детерминизма. Цель настоящего исследования заключается в систематизации и критическом анализе теоретических моделей, объясняющих влияние прорывных технологий на функционирование финансовых рынков, с акцентом на алготрейдинг, децентрализованные финансы и алгоритмическое управление капиталом.

Фундамент теории микроструктуры рынка был заложен в работах, моделирующих процесс ценообразования в условиях асимметрии информации. Двумя своеобразными краеугольными камнями этой теории являются модель Глостена-Милгрона и модель Кайла [1, 2].

В классической модели Глостена-Милгрона маркет-мейкер сталкивается с проблемой неблагоприятного отбора, поскольку он не знает, торгует ли контрагент на основе инсайдерской информации или по мотивам ликвидности. Модель Кайла рассматривает стратегическое поведение информированного трейдера, который максимизирует прибыль, постепенно реализуя свой ордер, чтобы скрыть информационное преимущество за «шумом» неинформированных торговцев.

Внедрение высокочастотной торговли (High-Frequency Trading, HFT) кардинально изменило эти теоретические конструкты [3]. В современной HFT-парадигме понятие «информированности» претерпело смысловую трансформацию. Если в классических моделях инсайдер обладал фундаментальной информацией о будущей стоимости актива, то в алгоритмической среде «информированность» означает наличие технологического преимущества – микросекундной разницы в скорости получения публичных данных и выставления ордеров.

Современные теоретические модели (например, модель Будиаса и Фуко) адаптируют логику Кайла к HFT-реалиям. Они демонстрируют, что

высокочастотные маркет-мейкеры способны нивелировать риск неблагоприятного отбора за счет превосходства в скорости, успевая отменить свои котировки до того, как «медленные» трейдеры отреагируют на новые макроэкономические данные [4]. Это приводит к парадоксальному теоретическому выводу: технологическое преимущество HFT-фирм сужает бид-аск спреда (цены купли-продажи финансовых активов), повышая ликвидность в спокойные периоды, но одновременно создает феномен «иллюзорной ликвидности», которая мгновенно исчезает при малейших признаках рыночного стресса, провоцируя микро-обвалы (падения цен). Таким образом, технология переводит проблему асимметрии из плоскости обладания фундаментальными знаниями в плоскость инфраструктурной скорости.

Вторым важнейшим направлением теоретического осмысления влияния технологий является концепция дезинтермедиации (исключение финансовых посредников из сделок между продавцами и покупателями), катализатором которой выступают технологии распределенных реестров (DLT) и блокчейн.

Рассматриваемая Д. Даймондом традиционная теория финансового посредничества объясняет существование банков и брокеров их способностью снижать транзакционные издержки, преодолевать асимметрию информации и обеспечивать трансформацию активов [5]. Посредник выступает доверенным третьим лицом, аккумулирующим информацию о заемщиках и гарантирующим исполнение контрактов.

Р. Льюис и другие авторы отмечают, что внедрение блокчейн-технологий и смарт-контрактов бросает вызов этой парадигме, предлагая теоретическую модель децентрализованного консенсуса [6]. В DLT-среде функция доверия переносится с институционального посредника на криптографический алгоритм (алгоритмическое доверие). Смарт-контракты обеспечивают автоматическое, детерминированное исполнение обязательств при наступлении заданных условий, элиминируя риск контрагента.

Теоретические модели децентрализованных финансов показывают, что технология позволяет расщепить функции классического банка. Например, автоматизированные маркет-мейкеры в децентрализованных биржах заменяют институциональных поставщиков ликвидности математическими пулами, где ценообразование определяется детерминированной формулой постоянного производства, а не книгой ордеров. Это ведет к радикальному снижению транзакционных издержек и демократизации доступа к капиталу [7].

Однако новые теоретические исследования, по мнению Ф. Кайя, указывают на то, что полная дезинтермедиация труднодостижима и является практически утопией. Вместо исчезновения посредников происходит их трансформация: на смену традиционным банкам приходят технологические платформы, «оракулы» (поставщики внешних данных для смарт-контрактов)

и разработчики протоколов [8]. Возникает новая форма агентской проблемы: асимметрия информации теперь заключается в неравном понимании программного кода между создателями смарт-контрактов и их пользователями.

Третьим аспектом технологической трансформации является применение машинного обучения и искусственного интеллекта в инвестиционном анализе и управлении активами. Внедрение робо-эдвайзинга требует пересмотра классической современной портфельной теории Марковица и подходов поведенческих финансов.

В классической парадигме процесс формирования портфеля опирается на исторические оценки ожидаемой доходности и ковариационных матриц. По мнению М. Кирнс внедрение инструментария и возможностей ИИ расширяет теоретические границы оптимизации за счет способности алгоритмов обрабатывать огромные объемы неструктурированных альтернативных данных (спутниковые снимки, тональность социальных сетей, семантический анализ корпоративной отчетности) [9]. Теоретические модели машинного обучения (например, нейронные сети) отказываются от жестких эконометрических предпосылок о линейности и нормальном распределении, выявляя сложные, нелинейные паттерны ценообразования.

Взаимосвязь и эволюция данных концепций отражены на рисунке 1, иллюстрирующем переход от классических теоретических моделей к современной алгоритмической архитектуре, генерирующей эндогенные системные риски.

Рисунок 1 – Технологическая трансформация финансовых рынков

Особый теоретический интерес представляет влияние алгоритмических советников на поведение розничных инвесторов. Согласно поведенческой финансовой теории, инвесторы подвержены когнитивным искажениям: неприятию потерь, эффекту диспозиции, излишней самоуверенности. Теоретические модели робо-эдвайзинга постулируют, что делегирование инвестиционных решений алгоритму должно элиминировать эмоциональную компоненту торговли, снижая частоту нерациональных сделок и повышая общую эффективность рынка [10].

Тем не менее, массовое внедрение ИИ порождает новые теоретические риски. Если большинство рыночных агентов будут использовать схожие оптимизационные алгоритмы машинного обучения, это может привести к беспрецедентной гомогенизации торговых стратегий. В моменты рыночного

стресса алгоритмы, обученные на схожих паттернах, могут синхронно начать распродажу активов, создавая разрушительные каскадные эффекты и повышая системную хрупкость рынка.

Для наглядного обобщения рассмотренных теоретических сдвигов ниже представлена сравнительная таблица, систематизирующая влияние ключевых технологий на фундаментальные параметры финансового рынка (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ теоретических моделей влияния технологий на финансовые рынки

Технология	Затрагиваемая теоретическая концепция	Ключевой механизм трансформации	Влияние на ликвидность и транзакционные издержки	Основной генерируемый риск
Высокочастотная торговля (HFT)	Микро-структура рынка (модели Кайла, Глостена-Милгрона)	Смещение фокуса с инсайдерской информации на скорость обработки	Сужение спредов в спокойные периоды, но возникновение «иллюзорной ликвидности»	Технологическая асимметрия
Блокчейн и DeFi	Теория финансового посредничества (Diamond, Leland/Pyle)	Замена институционального доверия на алгоритмическое (смарт-контракты)	Радикальное снижение издержек за счет автоматизированных маркет-мейкеров	Сетевая хрупкость, уязвимости программного кода
Искусственный интеллект	Современная портфельная теория, поведенческие финансы	Делегирование инвестиционных решений алгоритмам машинного обучения	Повышение эффективности ценообразования за счет анализа неструктурированных данных	Гомогенизация стратегий, процикличность, синхронные распродажи

Теоретическое осмысление влияния технологий на финансовые рынки демонстрирует глубокий парадигмальный сдвиг. Эмпирические инновации опережают развитие классических академических моделей, требуя формирования новой, технологически детерминированной финансовой теории.

Во-первых, микроструктурные модели должны инкорпорировать фактор технологической скорости как главный источник информационной асимметрии, признавая двойственную природу алгоритмической ликвидности. Во-вторых, теория финансового посредничества трансформируется в концепцию ре-интермедиации, где место традиционных институтов занимают протоколы алгоритмического доверия и технологические платформы. В-третьих, применение ИИ в управлении

капиталом смещает фокус с преодоления индивидуальных когнитивных искажений на управление рисками алгоритмической гомогенизации и системной взаимосвязи.

Дальнейшее развитие финансовой науки должно быть направлено на интеграцию компьютерных наук, криптографии и поведенческой экономики для создания междисциплинарных моделей, способных адекватно описывать сложную, нелинейную и высокоскоростную динамику современных рынков. Только такой подход позволит разработать эффективные регуляторные механизмы, способные купировать новые эндогенные риски цифровой финансовой архитектуры.

Неотъемлемой частью теоретического анализа влияния технологий на финансовые рынки является концептуализация новых форм системного риска. Классическая макроэкономическая теория (например, модель Бернанке-Гертлера) рассматривает финансовый акселератор как механизм усиления экзогенных шоков через балансы банков и заемщиков. В условиях тотальной алгоритмизации и децентрализации этот механизм приобретает новые, эндогенные формы.

Технологический детерминизм порождает феномен так называемой «сетевой хрупкости» (network fragility). Теоретические модели финансового заражения (financial contagion), изначально разработанные для анализа межбанковского кредитования, сегодня применяются к децентрализованным протоколам. В DeFi-экосистеме взаимозависимость смарт-контрактов (композиционность, или «денежное лего») означает, что уязвимость в одном базовом протоколе может последовательно обрушить большое количество надстроек, создавая системный кризис без участия традиционных финансовых институтов. Это требует разработки принципиально нового теоретического аппарата для оценки вероятности дефолта, не привязанного к балансовой отчетности юридических лиц, а основанного на анализе программного кода и топологии транзакционных графов.

Кроме того, алгоритмическая торговля и робо-эдвайзинг создают риск «процикличности на стероидах». Если классические модели предполагали наличие гетерогенных агентов (фундаментальных инвесторов и шумовых трейдеров), обеспечивающих ликвидность при отклонении цены от справедливой стоимости, то повсеместное использование машинного обучения может привести к доминированию тренд-следящих стратегий. Теоретически это означает, что в периоды рыночного стресса алгоритмы будут синхронно генерировать сигналы на продажу, лишая рынок абсорбирующей емкости и экспоненциально увеличивая волатильность.

Регуляторная парадигма также сталкивается с необходимостью теоретической переоценки. Концепция надзора, ориентированная на регулирование деятельности конкретных юридических лиц, оказывается неэффективной в децентрализованной среде. Академическое сообщество

дискутирует о переходе к регулированию, основанному на деятельности, или даже к регулированию самого программного кода. Теоретические модели оптимального регулирования финтеха (например, концепция «регуляторных песочниц») пытаются найти баланс между стимулированием инноваций и минимизацией системного риска, однако эта задача осложняется беспрецедентной скоростью технологических изменений, оставляющей регуляторов в положении догоняющих.

Таким образом, теоретические модели влияния технологий на финансовые рынки должны не только описывать новые механизмы ценообразования и дезинтермедиации, но и формировать концептуальную базу для превентивного выявления системных уязвимостей в алгоритмической архитектуре глобальных финансов. Это требует междисциплинарного синтеза экономики, информатики и теории сложных систем.

Список источников

1. Glosten L. R., Milgrom P. R. Bid, ask and transaction prices in a specialist market with heterogeneously informed traders // *Journal of Financial Economics*. – 1985. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0304405X85900443>
2. Kyle A. S. Continuous Auctions and Insider Trading // *Econometrica*. – 1985. URL: <https://www.econometricsociety.org/publications/econometrica/1985/11/01/continuous-auctions-and-insider-trading>
3. O'Hara M. High frequency market microstructure // *Journal of Financial Economics*. – 2015. URL: https://statmath.wu.ac.at/~hauser/LVsFinEtricsQF/References/oHara2015JFinEco_HighFrequ_Market_MiicroStruct.pdf
4. Biais B., Foucault T., Moinas P. Equilibrium Fast Trading // *Journal of Financial Economics*. – 2015. URL: <https://www.fmg.ac.uk/sites/default/files/2020-08/Bruno-Biais-paper.pdf>
5. Diamond D. W. Financial Intermediation and Delegated Monitoring // *The Review of Economic Studies*. – 1984. URL: http://www.rncarpio.com/teaching/BankTopics/Diamond_1984_DelegatedMonitoring.pdf
6. Lewis R., McPartland J., Ranjan R. Blockchain and Financial Market Innovation // *Economic Perspectives*. – 2017. URL: <https://www.getabstract.com/en/summary/blockchain-and-financial-market-innovation/31518>
7. Cai C. W. Disruption of financial intermediation by FinTech: a review on crowdfunding and blockchain // *Accounting & Finance*. – 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/327866843_Disruption_of_financial_intermediation_by_FinTech_a_review_on_crowdfunding_and_blockchain

8. Kaja F., Martino E., Paces A. M. FinTech and The Law & Economics of Disintermediation // European Corporate Governance Institute. – 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/347666454_FinTech_and_The_Law_Economics_of_Disintermediation

9. Kearns M., Nevmyvaka Y. Machine Learning for Market Microstructure and High Frequency Trading // High Frequency Trading: New Realities for Traders, Markets, and Regulators. – Risk Books, 2013. URL: <https://www.cis.upenn.edu/~mkearns/papers/KearnsNevmyvakaHFTRiskBooks.pdf>

10. D'Acunto P., Prabhala N., Rossi A. G. The Promises and Pitfalls of Robo-Advising // The Review of Financial Studies. – 2019. URL: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp6907.pdf

*Степанян Д.С., магистрант направления подготовки
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
автономной некоммерческой образовательной организации
высшего образования
Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»
e-mail: experthravo23@gmail.com
Россия, Краснодар*

*Алборова С.С., к.ю.н., доцент
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
автономной некоммерческой образовательной организации
высшего образования
Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»
e-mail: m.a.vysochin@ruc.su
Россия, Краснодар*

*Stepanyan D.S., Master's Degree Student
Krasnodar Cooperative Institute (branch)
autonomous non-profit educational organization higher education
Central Union of the Russian Federation
"Russian University of Cooperation"
e-mail: experthravo23@gmail.com
Russia, Krasnodar*

*Alborova S.S., Ph.D., Associate Professor
Krasnodar Cooperative Institute (branch)
autonomous non-profit educational organization higher education
Central Union of the Russian Federation
"Russian University of Cooperation"
e-mail: m.a.vysochin@ruc.su
Russia, Krasnodar*

**Законодательное регулирование, как фактор развития института
высшего должностного лица субъекта Российской Федерации
Legislative regulation as a factor in the development of the institution of a
senior official of a constituent entity of the Russian Federation**

Аннотация. В статье рассматривается институт развития высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, реализующего взаимодействие между федеральной и региональной ветвями власти. Определяются нормативно-правовые акты, регулирующие порядок избрания,

реализации и отстранения от должности главы субъекта. Выявлены правовые противоречия в законодательном регулировании и порядке избрания высшего должностного лица субъекта РФ. Определены проблемы распределения полномочий и ответственности. Предложены основные пути оптимизации института главы субъекта РФ. Обосновано законодательное регулирование института высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: высшее должностное лицо субъекта РФ, институт высшего должностного лица, избрание главы, полномочия главы, отстранение от должности.

Annotation. The article considers the institution of development of the highest official of the constituent entity of the Russian Federation, implementing interaction between the federal and regional branches of government. Regulatory legal acts governing the procedure for the election, implementation and removal from office of the head of the subject are determined. Legal contradictions were revealed in the legislative regulation and the procedure for electing the highest official of the subject of the Russian Federation. Problems of distribution of powers and responsibilities are defined. The main ways of optimizing the institution of the head of the subject of the Russian Federation are proposed. The legislative regulation of the institution of the highest official of the constituent entity of the Russian Federation is justified.

Key words: the highest official of the subject of the Russian Federation, the institution of the highest official, the election of the head, the powers of the head, removal from office.

Институт высшего должностного лица субъекта Российской Федерации претерпел значительные преобразования, которые были реализованы за счет реформирования системы государственного управления, обеспечивающее федеративное устройство страны, гарантированное Конституцией РФ.

Система государственного управления предопределяется взаимодействием федерального центра и региональной властью, частью которой является институт высшего должностного лица субъекта РФ, который перераспределяет властные полномочия на уровне субъекта.

Институт высшего должностного лица субъекта РФ (губернатора региона или главы республики) действует на основании Конституции РФ, Федерального закона от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», Указов Президента РФ, определяют порядок избрания, ответственность и полномочия, обеспечивая баланс региональных интересов и федерального контроля. [1, 2]

Избрание высшего должностного лица субъекта РФ осуществляется прямым голосованием граждан или депутатами законодательного органа субъекта РФ, сроком на 5 лет. Избранным главой может быть гражданин РФ, в возрасте от 30 лет, постоянно проживающий в РФ и не имеющий

гражданства или вида на жительство другой страны. [3]

Основные полномочия высшего должностного лица субъекта РФ рассмотрены на рисунке 1.

Порядок наделения полномочиями высшего должностного лица.

Глава субъекта РФ может избираться:

1) всеобщим прямым тайным голосованием (кандидата должны поддержать 5-10% депутатов муниципальных собраний);

2) депутатами законодательного собрания субъекта РФ (кандидаты выдвигаются президентом РФ по предложениям от партий). [4]

Рисунок 1. Полномочия высшего должностного лица субъекта РФ

Порядок отстранения от должности высшего должностного лица регламентируется Статьей 28 Федерального закона от 21.12.2021 N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Основаниями для отстранения от должности можно считать смерть; отставку; отрешение от должности в связи с утратой доверия Президента РФ; выражение недоверия законодательным органом субъекта РФ; признание судом недееспособным, безвестно отсутствующим; вступление в силу обвинительного приговора суда в отношении высшего должностного лица;

выезд на ПМЖ в другую страну, прекращение гражданства РФ. [5]

Институт высшего должностного лица субъекта РФ развивается, меняется, выявляя противоречия, которые впоследствии приводят к изменениям в законодательстве.

Основное правовое противоречие возникает при избрании главы региона, которое согласно действующему законодательству (№ 414-ФЗ) допускает прямые выборы или депутатами по списку, предложенному Президентом РФ, что нивелирует прямое избирательное право в некоторых субъектах РФ.

Список кандидатов главы региона формируется Президентом РФ, ограничивая права политических партий самостоятельно выдвигать кандидатуры.

При исполнении полномочий глава субъекта должен действовать в интересах населения, одновременно подчиняясь федеральным органам власти, что создает конфликт интересов при исполнении полномочий.

Полномочия высшего должностного лица субъекта РФ ограничивают федеральные законы и акты Президента РФ, влияя на самостоятельность региона по вопросам совместного ведения.

На главу возложена ответственность за социально-экономическое развитие региона, но при этом финансовая база зависит от субсидирования из федерального бюджета. Наблюдается разрыв между полномочиями и ресурсами высшего должностного лица.

Глава региона имеет право отклонять законы субъектов, формирует правительство и принимает решение об отставке высшего исполнительного органа, что концентрирует в одних руках избыточную власть без должного контроля со стороны законодательного органа субъекта.

Для оптимизации института высшего должностного лица субъекта РФ необходимо развивать законотворческую деятельность в следующих направлениях.

1. Совершенствование порядка избрания главы региона.
2. Усиление ответственности главы региона за исполнение федеральных законов.
3. Оптимизация полномочий, позволяющих разграничить руководство исполнительной власти региона.
4. Внедрение современных методов управления, повышение прозрачности деятельности, использование открытых данных.
5. Приведение наименования должностей «глава» и «губернатор» к единому правовому стандарту.

Таким образом, предложенные законотворческие меры направлены на совершенствование и оптимизацию института высшего должностного лица региона, а также на создание более сбалансированной, подотчетной и эффективной системы регионального управления.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»

3. Малый А.Ф. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации: вопросы правового статуса // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2 (46). С. 56-65.

4. Старостин А.Ю. Правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // В сборнике: Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2022. С. 129-134.

5. Чепрасов М.Н. Место Высшего Должностного Лица Субъекта Российской Федерации в системе государственного управления // В сборнике: Научный альманах «В зеркале права». Сборник научных трудов. Липецк, 2024. С. 94-97.

*Степанян Д.С., магистрант направления подготовки
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
автономной некоммерческой образовательной организации
высшего образования
Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»
e-mail: experthravo23@gmail.com
Россия, Краснодар*

*Алборова С.С., к.ю.н., доцент
Краснодарский кооперативный институт (филиал)
автономной некоммерческой образовательной организации
высшего образования
Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»
e-mail: m.a.vysochin@ruc.su
Россия, Краснодар*

*Stepanyan D.S., Master's Degree Student
Krasnodar Cooperative Institute (branch)
autonomous non-profit educational organization higher education
Central Union of the Russian Federation
"Russian University of Cooperation"
e-mail: experthravo23@gmail.com
Russia, Krasnodar*

*Alborova S.S., Ph.D., Associate Professor
Krasnodar Cooperative Institute (branch)
autonomous non-profit educational organization higher education
Central Union of the Russian Federation
"Russian University of Cooperation"
e-mail: m.a.vysochin@ruc.su
Russia, Krasnodar*

**Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, как орган
публичной власти на примере Краснодарского края**

**The highest official of the constituent entity of the Russian Federation, as a
public authority on the example of the Krasnodar Territory**

Аннотация. В статье рассматривается высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, как органа публичной власти, реализующего взаимодействие между федеральной и региональной ветвями власти. Определяются нормативно-правовые акты, регулирующие порядок избрания,

реализации и отстранения от должности главы субъекта. Рассматривается перечень ключевых показателей эффективности работы губернаторов. Характеризуются основные сведения глав Краснодарского края, выбранных с 1991 года по настоящее время. Определяются полномочия губернатора Краснодарского края при осуществлении исполнительной власти, а также в сфере законотворчества и взаимодействия с ЗСК.

Ключевые слова: высшее должностное лицо субъекта РФ, избрание главы, полномочия главы, отстранение от должности.

Annotation. The article considers the highest official of a constituent entity of the Russian Federation as a public authority that implements interaction between the federal and regional branches of government. Regulatory legal acts governing the procedure for the election, implementation and removal from office of the head of the subject are determined. The list of key performance indicators of governors is being considered. The main information of the heads of the Krasnodar Territory, selected from 1991 to the present, is characterized. The powers of the governor of the Krasnodar Territory in the exercise of executive power, as well as in the field of lawmaking and interaction with the KYC are determined.

Key words: the highest official of the subject of the Russian Federation, the election of the head, the powers of the head, removal from office.

Российское государство, являясь федеративным по административному устройству, предполагает наличие высшего должного лица, которое возглавляет высший исполнительный орган государственной власти в каждом субъекте федерации.

Институт высшего должностного лица субъекта Российской Федерации регулируется Конституцией РФ, Федеральным законом от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», Указами Президента РФ.[1, 2]

В различных субъектах РФ высшее должностное лицо именуется «глава республики» или «губернатор» края, области, автономной области.

Гражданин России (согласно ст. 20 ФЗ от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации») возрастом более 30 лет может быть избран на должность главы или губернатора сроком на 5 лет. При этом он не может быть гражданином иностранного государства или иметь вид на жительство в другой стране.

Высшее должностное лицо субъекта РФ избирается:

– гражданами на основе всеобщего прямого избирательного права. В этом случае кандидата должны поддержать 5-10% депутатов муниципального собрания. Каждый депутат может поддержать одного кандидата;

– депутатами законодательного органа региона по предложению Президента РФ. Данный вид избрания введен с 2004 года. [3]

В 2010 году Государственная дума приняла поправки, исключая для глав субъектов РФ возможность именоваться президентами.

После вступления в должность, согласно статье 20 ст. N 414-ФЗ глава (губернатор) осуществляет руководство исполнительной властью и определяет структуру органов исполнительной власти в регионе;

Высшее должностное лицо субъекта РФ одновременно совмещает государственную должность РФ и должность субъекта РФ.

28.11.2024 года президент РФ Владимир Путин подписал указ с новым перечнем ключевых показателей эффективности работы губернаторов (Рисунок 1).

Рисунок 1. Перечень ключевых показателей эффективности работы губернаторов

Институт губернаторов Краснодарского края стал формироваться с 1991 года. 24.08.1991 года указом Президента РСФСР Б.Н. Ельциным был назначен первый глава администрации региона (Таблица 1).

Таблица 1. Главы администрации Краснодарского края

Имя	Период руководства	Партия	Основание наделения полномочиями
Василий Николаевич Дьяконов	24.08.1991-09.12.1992	-	Назначен на пост Президентом РФ
Николай Дмитриевич Егоров	23.12.1992-18.06.1994	беспартийный	Назначен на пост Президентом РФ
Евгений Михайлович Харитонов	02.08.1994-15.07.1996	КПСС Наш дом - Россия	Назначен на пост Президентом РФ

Николай Дмитриевич Егоров	15.07.1996-05.01.1997	беспартийный	Назначен на пост Президентом РФ
Николай Игнатович Кондратенко	05.01.1997-05.01.2001	КПСС, КПРФ	Победил на выборах 22.12.1996 г.
Александр Николаевич Ткачёв	05.01.2001-22.04.2015	1) КПСС 2) Наш дом - Россия 3) КПРФ 4) Единая Россия	Победил на выборах 03.12.2000 г. Переизбран на выборах 14.03.2004 г. 23.04.2007 г. утверждён ЗСК по представлению Президента РФ. 21.03.2012 г. утверждён ЗСК по представлению Президента РФ.
Вениамин Иванович Кондратьев	С 22.04.2015	беспартийный	22.04.2015 г. назначен Президентом РФ, как врио главы администрации Победил на выборах 13.09.2015 г.

Губернатор Краснодарского края имеет ряд полномочий при осуществлении исполнительной власти:

1) представляет регион в федеральных органах государственной власти, в отношениях с другими субъектами РФ, органами местного самоуправления, с органами и должностными лицами зарубежных государств и подписывать необходимые документы;

2) назначает половину членов избирательной комиссии края;

3) согласовывает назначение прокурора края и должностных лиц территориальных подразделений;

4) награждает краевыми наградами и присваивает почётные звания края;

5) разрабатывает и представляет на утверждение ЗСК (законодательного собрания края) систему исполнительных органов государственной власти Краснодарского края;

6) утверждает структуру и штатное расписание территориальных и отраслевых подразделений администрации края;

7) назначает на должность и освобождает от должности заместителей губернатора, руководителей структурных подразделений администрации края, а также решает вопросы применения к ним мер дисциплинарной ответственности;

8) осуществляет общее руководство администрацией края;

9) решает вопросы о представительстве органов исполнительной власти края при Президенте и Правительстве РФ;

10) осуществляет функции распорядителя кредитов при исполнении бюджета Краснодарского края;

11) рассматривает постановления ЗСК о выражении недоверия должностным лицам администрации края и принимает по ним окончательное решение;

12) осуществляет полномочия, предусмотренные законодательством РФ

и края. [4]

Полномочия в сфере законотворчества и взаимодействия с ЗСК:

- 1) реализует право законодательной инициативы в ЗСК;
- 2) участвует в заседаниях ЗСК с правом совещательного голоса;
- 3) подписывает и обнародует законы края;
- 4) использует в необходимых случаях право отлагательного вето;
- 5) вносит на утверждение ЗСК проекты краевого бюджета и отчета о его исполнении, а также проекты бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов и отчеты об их исполнении;
- 6) вносит предложения о созыве внеочередных заседаний ЗСК;
- 7) предлагает вопросы в повестку дня заседаний ЗСК;
- 8) представляет в ЗСК для утверждения в форме законов программы социально-экономического развития Краснодарского края и отчеты об их исполнении;
- 9) обращается к ЗСК с ежегодными посланиями о положении в Краснодарском крае, о перспективных направлениях деятельности администрации по социально-экономическому развитию края;
- 10) представляет на рассмотрение ЗСК проекты законов Краснодарского края об утверждении заключений и расторжении договоров Краснодарского края в порядке, предусмотренном законом края. [5]

В случае отсутствия губернатора края, невозможности выполнения им своих обязанностей, а также досрочного прекращения полномочий, его обязанности временно осуществляет один из первых заместителей.

Таким образом, главное должностное лицо Краснодарского края решает широкий спектр задач, подчиняясь Президенту РФ, представляет интересы жителей края, работает на улучшение экономики и социальной жизни региона.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»
3. Малый А.Ф. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации: вопросы правового статуса // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2 (46). С. 56-65.
4. Старостин А.Ю. Правовой статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // В сборнике: Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2022. С. 129-134.
5. Чепрасов М.Н. Место Высшего Должностного Лица Субъекта Российской Федерации в системе государственного управления // В сборнике: Научный альманах «В зеркале права». Сборник научных трудов. Липецк, 2024. С. 94-97.

УДК 338.246.2

DOI 10.26118/1418.2026.51.24.050

Го Шаочжэн, PhD Студент (Экономика)

Мусаева Н.М., доктор экономических наук, профессор,

Директор Высшей школы экономики

Чэнь Юй, PhD Студентка (менеджмент)

Кыргызский национальный университет имени Жусуп Баласагина,

E-mail: guoshaozheng34@gmail.com

Кыргызстан, Бишкек

Guo Shaozheng, PhD Student (Economics)

Musaeva N.M., Doctor of Economic Sciences, Professor,

Director of the Higher School of Economics

Chen Yu, PhD Student (Management)

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn,

E-mail: guoshaozheng34@gmail.com

Kyrgyzstan, Bishkek

**Гибридные механизмы стимулирующей поддержки малого и среднего
бизнеса: сравнительный анализ Китая и Кыргызстана и пути
оптимизации**

**Hybrid mechanisms for stimulating support for small and medium-sized
businesses: a comparative analysis of China and Kyrgyzstan and ways to
optimize them**

Аннотация. Малые и средние предприятия являются важнейшей составляющей национальных экономик, однако они часто сталкиваются с трудностями в доступе к финансированию, слабой инновационной способностью и неравномерностью условий развития. Одиночные политические меры часто оказываются недостаточными для удовлетворения разнообразных потребностей этих предприятий. В данном исследовании рассматриваются гибридные механизмы стимулирующей поддержки малого и среднего бизнеса в Китае и Кыргызстане, анализируются различия в составе политики и результатах реализации. Результаты показывают, что Китай делает акцент на цифровых финансах и многоуровневом развитии предприятий, тогда как Кыргызстан сосредоточивается на базовых гарантиях и антикризисной помощи. На основе сравнительных результатов в статье предлагаются стратегии оптимизации, ориентированные на соответствие инструментов, целевую направленность, скоординированную реализацию и расширение измерений, что позволяет предложить ориентиры для совершенствования политики поддержки малого и среднего бизнеса в обеих странах.

Ключевые слова: малые и средние предприятия; гибридные стимулы; механизмы поддержки; сравнительный анализ Китая и Кыргызстана; оптимизация политики.

Abstract. Small and medium-sized enterprises constitute a vital component of national economies, yet they commonly encounter difficulties in accessing finance, weak innovative capacity, and uneven development environments. Single policy interventions often prove insufficient to address the diverse requirements of these enterprises. This study examines the hybrid incentive support mechanisms for SMEs in China and Kyrgyzstan, analysing differences in policy composition and implementation outcomes. The findings indicate that China emphasises digital finance and tiered enterprise cultivation, whereas Kyrgyzstan concentrates on foundational safeguards and crisis relief. Drawing upon these comparative results, the paper proposes optimisation strategies centred upon instrument appropriateness, targeted objectives, coordinated implementation, and dimensional expansion, thereby offering reference points for the refinement of SME support policies in both nations.

Keywords: Small and medium sized enterprises; Hybrid incentives; Support mechanisms; China Kyrgyzstan comparison; Policy optimization.

Introduction

SMEs account for over ninety per cent of enterprises worldwide, contributing more than half of global GDP and employment [1]. They play a demonstrable role in economic stabilisation, innovation promotion, and employment absorption. Nevertheless, SMEs universally confront challenges regarding financing constraints, limited innovative capabilities, and insufficient risk resilience. Reliance upon singular instruments, whether fiscal subsidies or financial support, frequently proves inadequate. Hybrid incentive support mechanisms, which integrate fiscal, financial, industrial, and innovation policy instruments to generate synergistic effects in incentivisation, safeguarding, and enablement, have emerged as a principal approach to assisting SMEs in overcoming developmental bottlenecks. Nations have established distinctive SME support mechanisms reflecting their respective developmental stages, institutional conditions, and resource endowments. Existing scholarship predominantly focuses upon individual countries or single policy instruments, with limited systematic comparison of mechanism design and operational effectiveness across economies at different developmental stages. This study selects China, an emerging economy, and Kyrgyzstan, a developing economy, as case studies. Through comparative analysis of the specific differences and underlying causes of their hybrid incentive support mechanisms for SMEs, the paper identifies optimisation directions of general applicability, offering guidance for policy refinement in both nations and comparable economies.

Materials and Methods

Research Materials

Research materials comprise academic papers from Chinese and international sources, official policy documents and statistical reports from both nations, and research outputs from international organisations including the World Bank. These encompass SME incentive policies, implementation data, effectiveness evaluations, and global SME development research, providing a sound empirical foundation.

Research Methods

This study employs comparative research methodology, examining hybrid incentive support mechanisms for SMEs in China and Kyrgyzstan, economies at distinct developmental stages. Two comparative dimensions are constructed: core composition and operational effectiveness. The analysis identifies differences between the two nations regarding incentive instruments, funding sources, implementation models, and policy outcomes, summarising the characteristics and underlying causes of mechanism design, and distilling optimisation principles.

Results and Discussion

Comparative Results

Table 1. Comparison of Core Composition of Hybrid Incentive Support Mechanisms

Dimension	China	Kyrgyzstan
Core instruments	Digital finance, fiscal subsidies, R&D incentives, cross border e-commerce support.	Anti-crisis funds, credit concessions, business registration facilitation.
Funding structure	Fiscal funds, bank credit, capital markets, social capital, diversified market allocation.	Fiscal appropriations, international aid, local microcredit, heavy reliance upon external inputs.
Incentive objectives	Cultivating innovative enterprises, promoting digital transformation and international development.	Safeguarding basic enterprise survival, reducing unemployment, developing foundational industries, with consideration for green transition.
Implementation and coordination	Multi departmental coordination with market institution participation, preliminary cross departmental mechanisms established.	Government dominated with limited international organisation participation, coordination mechanisms absent.
Application and oversight	Primarily digital application with streamlined processes, high approval efficiency, dynamic oversight.	Primarily offline application with simple processes but low transparency, weak oversight systems.

Source: Author compilation based on reference materials

Table 2. Comparison of Operational Effectiveness of Hybrid Incentive Support Mechanisms

Dimension	China	Kyrgyzstan
Core effectiveness indicators	14,600 specialised, refined, distinctive, novel enterprises, continuous improvement in digital transformation penetration.	Improved enterprise survival rates amid global economic volatility, basic employment stability, preliminary progress in green transition exploration.
Coverage	Broad coverage with effective support for micro enterprises, innovative enterprises, and cross border trading enterprises.	Narrow coverage concentrated upon agriculture, manufacturing, and green related SMEs.
Policy optimisation	Digital feedback channels enabling policy adjustment aligned with enterprise development and innovation requirements.	Single feedback channels, absence of systematic policy optimisation, weak stability
Principal remaining challenges	Uneven regional development, pronounced disparities between coastal and inland areas.	Limited support funding, low administrative efficiency, high institutional transaction costs.

Source: Author compilation based on reference materials

Discussion

Differentiated Characteristics and Underlying Causes

Influenced by developmental stage, institutional environment, and resource endowment, China and Kyrgyzstan demonstrate markedly different mechanism characteristics despite both employing fiscal, financial, and policy instruments. As an emerging economy, China has established a diversified, coordinated mechanism centred upon quality enhancement and efficiency improvement, underpinned by mature digital industries and capital markets. Digital finance has effectively resolved SME financing information asymmetries [2], whilst multi departmental and market institution coordination ensures policies better reflect market requirements. Scientific policy mix design has further enhanced innovation incentive effectiveness [3]. As a developing economy constrained by economic scale and administrative efficiency, Kyrgyzstan has combined national strategic opportunities and planning orientations [4] to establish a mechanism centred upon foundational safeguards and crisis relief [5][6], whilst exploring green economy adaptation support [7]. Heavy reliance upon external funding inputs, insufficient coordination, and beneficiary concentration in core foundational industries and green related domains characterise this approach.

Common Challenges

Both nations' practices reveal optimisation space within their hybrid incentive support mechanisms. Regarding policy coordination, partial instrument misalignment reduces incentive effectiveness. Kyrgyzstan lacks overall coordination

mechanisms, whilst China demonstrates weak cross regional coordination. Regarding targeted implementation, certain policies fail to distinguish enterprise differences, proving unable to match the practical requirements of different industries and scales. Regarding feedback optimisation, Kyrgyzstan lacks systematic policy adjustment, whilst China, despite possessing digital channels, exhibits policy updating in remote areas that lags behind enterprise development. Regarding incentive dimensions, existing mechanisms concentrate upon foundational support such as financing and markets, paying insufficient attention to cultivating enterprise innovation motivation, with labour protection and innovation incentive linkages remaining unestablished [8].

Optimisation Implications

Drawing upon comparative results and global SME development requirements, mechanism optimisation should address four aspects.

First, instrument appropriateness: nations should select instruments according to developmental stage and resource conditions. China may continue exploring digital finance and innovation incentive integration. Kyrgyzstan should prioritise foundational safeguards and effective utilisation of international aid resources.

Second, targeted objectives: moving beyond uniform policies to classify implementation according to enterprise scale, industry, and developmental stage. China should focus upon narrowing regional gaps. Kyrgyzstan should expand policy coverage.

Third, coordinated implementation: establishing cross departmental and cross agent coordination mechanisms. China should strengthen cross regional coordination. Kyrgyzstan should deepen cooperation with international organisations and local financial institutions. Both nations should advance application and oversight process digitisation.

Fourth, dimensional expansion: beyond foundational financing and market support, establishing labour protection and innovation incentive linkages to stimulate enterprise innovation motivation through improved labour protection systems, thereby enriching mechanism content.

Conclusion

This study has compared hybrid incentive support mechanisms for SMEs in China and Kyrgyzstan. The findings indicate that both nations employ fiscal, financial, and policy foundations, yet have developed distinct models reflecting developmental stage and conditions: China emphasises digital finance and tiered cultivation, whilst Kyrgyzstan concentrates upon foundational safeguards and crisis relief. Both nations' practices demonstrate that mechanism effectiveness depends upon instrument appropriateness to developmental stage, coordinated policy implementation, and targeted support objectives. Future mechanism refinement requires adherence to principles of instrument appropriateness, targeted objectives, and coordinated implementation, alongside dimensional expansion linking labour

protection and innovation incentives, thereby assisting SMEs in overcoming developmental bottlenecks through synergistic instrument application.

This study provides dual case reference for emerging and developing economies. China and Kyrgyzstan may strengthen policy exchange and mutual learning: China sharing digital finance and mechanism coordination experience, whilst Kyrgyzstan's crisis relief practices may inform China's addressing of regional development imbalances, jointly promoting SME development.

References:

1. World Bank. Small and medium enterprises (SMEs) finance. 2025. <https://www.worldbank.org/en/topic/sme/finance>
2. Saleh D, Bejaoui S. Kyrgyz Republic Country strategic opportunities programme. 2024.
3. Feng Y, Meng M, Li G. Impact of digital finance on the asset allocation of small and medium sized enterprises in China. *Journal of Innovation & Knowledge*. 2023;8:100405.
4. Ma S, Zhang Z, Wang Y. An analysis of the path of labour protection in the innovation of small and medium sized enterprises: A moderated mediation model. *International Review of Economics and Finance*. 2025;99:104055.
5. Derkenbaeva S, Galushkina E, Soodonbekova A, et al. Impact of global economic instability on social policies: Adaptation and resilience strategies. *Social Sciences & Humanities Open*. 2025;12:101946.
6. Aidarkanov A M. Theoretical foundations and current state of private entrepreneurship in the Kyrgyz Republic. 2024.
7. Abduzhalieva E, Dolonova T, Meymankulova N, Savina S. Prospects for the development of small and medium sized businesses in a green economy in Kyrgyzstan. *E3S Web of Conferences*. 2024;533:04009. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202453304009>
8. Zhao K, Shan H, Gao Y. Policy mix and SME innovation: Evidence from China. *PLoS ONE*. 2025;20(2):e0319080. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0319080>

УДК 005.5:004.94

*Аристова И.Ю., преподаватель
кафедры общеобразовательных и гуманитарных наук
Бендерского политехнического института
ГОУ «ПГУ им. Т.Г. Шевченко»
e-mail: jo.92@mail.ru*

Приднестровье, Бендеры

*Федорова Т.А., старший преподаватель
кафедры транспортно-технологических машин и комплексов
Бендерского политехнического института
ГОУ «ПГУ им. Т.Г. Шевченко»
e-mail: katadim81@mail.ru*

Приднестровье, Бендеры

*Жадаев Д.С., старший преподаватель
кафедры эксплуатация транспортного электрооборудования и техническое
обслуживание автомобилей
Бендерского политехнического института
ГОУ «ПГУ им. Т.Г. Шевченко»
e-mail: zhadaevdmitrii@gmail.com*

Приднестровье, Бендеры

Aristova I.Yu., Lecturer

Department of General Education and Humanities

Bendery Polytechnic Institute

State Educational Institution "T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University"

e-mail: jo.92@mail.ru

Pridnestrovie, Bendery

Fedorova T.A., Senior Lecturer

Department of Transport-Technological Machines and Complexes

Bendery Polytechnic Institute

State Educational Institution "T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University"

e-mail: katadim81@mail.ru

Pridnestrovie, Bendery

Zhadaev D.S., Senior Lecturer

Department of Operation of Transport Electrical Equipment and Vehicle

Maintenance

Bendery Polytechnic Institute State Educational Institution "T.G. Shevchenko

Pridnestrovian State University"

e-mail: zhadaevdmitrii@gmail.com

Pridnestrovie, Bendery

Математическое моделирование и информационные технологии как основа современных систем управления

Mathematical Modeling and Information Technologies as the Basis of Modern Management Systems

Аннотация. В статье рассматривается роль математического моделирования и информационных технологий в построении и функционировании современных организационных и технических систем управления. Показано, что математические модели обеспечивают формализацию целей, ограничений и критериев эффективности управления, а информационные технологии создают инструментальную среду для их практической реализации. Исследуется взаимосвязь между теоретическими моделями и их прикладным использованием в задачах управления качеством и поддержки принятия решений. В результате проведённого анализа обоснована роль вероятностных и статистических методов, а также управления знаниями в повышении устойчивости и обоснованности управленческих решений. Показано, что интеграция математического аппарата и информационных технологий обеспечивает переход от описательных моделей к функционирующим информационно-аналитическим системам, повышающим устойчивость и эффективность организаций.

Ключевые слова: математическое моделирование, информационные технологии, организационные и технические системы, системы управления, управление знаниями, поддержка принятия решений.

Abstract. The article examines the role of mathematical modeling and information technologies in the development and functioning of modern management systems for organizational and technical objects. It is shown that mathematical models provide formalization of management goals, constraints, and performance criteria, while information technologies create an instrumental environment for their practical implementation. The relationship between theoretical models and their applied use in quality management and decision support tasks is analyzed. As a result, the significance of probabilistic and statistical methods, as well as knowledge management, in improving the sustainability and justification of managerial decisions is substantiated. It is demonstrated that the integration of mathematical tools and information technologies enables the transition from descriptive models to functioning information-analytical systems that enhance organizational sustainability and efficiency.

Keywords: mathematical modeling, information technologies, organizational and technical systems, management systems, knowledge management, decision support.

Современные организационные системы, к которым относятся промышленные предприятия, энергокомпании, образовательные и научные

учреждения, характеризуются высокой сложностью, динамичностью и значительными объёмами обрабатываемых данных. Управление такими системами требует перехода от интуитивных и эмпирических методов к научно обоснованным подходам, базирующимся на точных расчётах и комплексном анализе информации.

Вместе с тем, многие технологические и бизнес-процессы вследствие своей сложности, слабой формализуемости и неопределённости исходных данных не могут быть описаны математическим аппаратом в приемлемом объёме или в допустимое время. Данное обстоятельство связано с онтологическими ограничениями сложности объекта управления, что подчёркивается в ряде исследований по управлению сложными системами [1, 4]. В этих условиях задачи управления сложными объектами во многом решаются на основе накопленного опыта руководителя — лица, принимающего решение (ЛПР). Используемые ЛПР методы носят приближённый характер и опираются на профессиональные знания и интуитивные представления о функционировании системы [2, 12]. В условиях оперативного управления режимами энергосистем, это связано с жестким ограничением времени для принятия решения, а при прогнозировании перспективных режимов и проектировании развития энергосистем — с неопределенностью и неоднозначностью исходной информации, например данных о перспективных нагрузках энергосистемы [4].

Актуальность исследования обусловлена усложнением современных организационных и технических систем, ростом объёмов обрабатываемой информации и необходимостью принятия управленческих решений в условиях нестабильной внутренней и внешней среды организаций и предприятий Приднестровского региона. При этом цифровизация экономики, промышленности и образования требует интеграции математического моделирования, современных информационных технологий, аналитики данных и интеллектуальных систем принятия решений в единый методологический подход. Данный подход позволит сформировать необходимый аналитический фундамент, который позволит не только описывать сложные процессы, но и прогнозировать их развитие, оптимизировать управленческие решения и повышать общую эффективность системы [3, 4].

Целью данной статьи является анализ и синтез подходов к применению математических методов и информационных технологий как комплексного методологического подхода для построения современных систем управления в организационных и технических системах, с учётом исследований в смежных прикладных областях.

Методологической основой исследования является системный подход и теория управления организационными системами, в рамках которых управление рассматривается как процесс целенаправленного воздействия на

динамическую систему при наличии ограничений и неопределённости внешней среды [5, 6]. Такой подход позволяет объединить математическое моделирование и информационные технологии в единый замкнутый контур управления.

Математика, прежде всего, в формах математического моделирования, теории вероятностей и математической статистики, выступает фундаментальной основой для построения объективных методов оценки качества, эффективности и устойчивости систем управления. При этом математическая модель представляет собой формализованное описание объекта или процесса с использованием математического аппарата. В контексте управления организационными системами такие модели позволяют:

- формализовать знания о системе, выделяя существенные взаимосвязи и параметры;
- проводить вычислительные эксперименты и оценивать последствия тех или иных управленческих решений без риска для реальной системы;
- оптимизировать параметры функционирования, находя наилучшие значения ключевых показателей при заданных ограничениях.

В работах [7, 8] показано, что качество продукции и процессов в машиностроении не может рассматриваться исключительно как формальное соответствие нормативным требованиям. Напротив, качество является вероятностной характеристикой, формируемой под воздействием множества случайных и слабо детерминированных факторов на протяжении всего жизненного цикла изделия. В этой связи, предложенная вероятностная математическая модель количественной оценки качества крупных электрических машин, позволяет перейти от субъективных экспертных оценок к формализованному измерению уровня качества с использованием теории вероятностей и статистики [7]. Можно отметить, что данный подход принципиально расширяет возможности систем управления, так как позволяет интегрировать результаты измерений, испытаний и эксплуатационных наблюдений в единую аналитическую модель. При этом, математическое моделирование становится связующим элементом между первичными данными и управленческими решениями, обеспечивая воспроизводимость, сопоставимость и обоснованность принимаемых решений.

В рамках исследования используется общепринятая в теории управления организационными системами математическая постановка задачи управления, основанная на представлении системы в виде вектора состояния, управляемого посредством целевой функции и системы ограничений [5, 6].

С позиции теории управления организационными системами, функционирование организации может быть представлено в виде динамической системы с обратной связью. Состояние системы в дискретный момент времени k описывается вектором состояния (1):

$$x_k = \{x_{1k}, x_{2k}, \dots, x_{nk}\}, \quad (1)$$

где x_{ik} - параметры состояния системы, характеризующие ключевые аспекты деятельности системы (производственные, экономические, качественные, ресурсные или иные показатели);

n — размерность пространства состояний;

k — дискретный временной индекс.

Управляющее воздействие задаётся вектором (2), который отражает совокупность управленческих решений:

$$u_k = \{u_{1k}, u_{2k}, \dots, u_{mk}\}. \quad (2)$$

где u_{1k} - управляемый параметр, характеризующий конкретное управленческое воздействие на систему (например, объём выпуска, распределение ресурсов, величина бюджета, корректирующие мероприятия, изменение режимов работы и др.);

m - размерность пространства управлений;

Динамика системы описывается уравнением перехода (3):

$$x_{k+1} = G(x_k, u_k, \xi_k), \quad (3)$$

где G - оператор динамики системы;

ξ_k , - вектор возмущающих факторов внешней и внутренней среды.

Функция $G(\cdot)$ может быть представлена в виде:

- системы уравнений;
- имитационной модели;
- алгоритмической процедуры;
- интеллектуальной модели (например, на основе машинного обучения).

Цель управления формализуется с помощью целевой функции (4):

$$J = \sum_{k=1}^T F(x_k, u_k) \rightarrow \min (\max), \quad (4)$$

где $F(x_k, u_k)$ - функция, отображающая выбранные критерии эффективности управления;

T - горизонт планирования, в пределах которого оцениваются последствия управленческих воздействий u_k на состояние системы x_k .

Задача управления решается при выполнении ограничений (5):

$$u_k \in U, x_k \in X, \quad (5)$$

где U и X — допустимые области управлений и состояний системы [6].

Таким образом, математическое моделирование обеспечивает формализацию управленческой задачи, а информационные технологии — её вычислительную реализацию.

Развитие информационных технологий выступает необходимым условием практической реализации математических моделей управления. В исследованиях [2, 3] подчеркивается, что, без внедрения цифровых инструментов сбора, хранения и обработки данных, математические модели остаются теоретическими и не применимыми в реальных системах управления [4].

Именно информационные системы позволят аккумулировать большие массивы разнородных данных, формировать базы знаний и обеспечивать их применение в процессах управления, а также организационных и технических системах. Особое значение в этом контексте приобретает управление знаниями, как встроенный элемент современных систем управления [12]. В работе [9] обоснована идея о том, что знания персонала, результаты анализа несоответствий и накопленный управленческий опыт представляют собой особый вид нематериального актива, который подлежит систематизации, измерению и управлению. Таким образом управления знаниями превращается в базовый инструмент повышения зрелости и адаптивности любой сложной системы.

Развитие данных идей в контексте управления сложными организационными и техническими системами представлено в ряде исследований, в которых математическое моделирование, системный анализ и информационные технологии рассматриваются как методологическая основа построения интеллектуальных систем поддержки принятия управленческих решений. Так, в работе [3] отмечается, что управление такими сложными системами, как энергосистема, связано с формированием управляющих воздействий, направленных на изменение траектории динамики системы в пространстве допустимых состояний. Реализация данного подхода требует использования математических моделей, адекватно описывающих поведение системы и влияние управляющих факторов. В связи с этим в исследовании [3] предложена классификация интеллектуальных систем поддержки принятия управленческих решений, а также разработаны концептуальная и даталогическая модели базы данных, обеспечивающие практическую реализацию математического аппарата в виде ИТ-архитектуры системы управления.

На основе проведенного анализа, можно выделить общую парадигму построения современных систем управления, включающую три взаимосвязанных этапа:

- на первом этапе осуществляется формализация предметной области посредством построения математических и информационных моделей,

включая вероятностные модели оценки качества, ER-модели данных и диаграммы потоков данных;

- второй этап связан с разработкой алгоритмического ядра системы, обеспечивающего расчёт количественных показателей качества, прогнозирование состояний системы и формирование логики принятия управленческих решений;

- на третьем этапе результаты моделирования и алгоритмической обработки реализуются в виде информационно-аналитической системы поддержки принятия решений, обеспечивающей сбор данных, выполнение расчётов и предоставление управленческой информации пользователю.

Современная система управления организацией, основанная на этой парадигме, представляет собой единую информационно-аналитическую платформу. Она аккумулирует данные всех подразделений, использует комплекс математических моделей для их анализа (от статистических до имитационных и оптимизационных) и предоставляет менеджеру (оператору, диспетчеру) инструменты для стратегического и оперативного управления, будь то контроль качества продукции или управление режимами энергосистемы.

Представленная на рис. 1 концептуальная схема единой платформы управления современной организационной системой иллюстрирует реализацию замкнутого контура управления, в рамках которого математическое моделирование и информационные технологии функционируют как взаимодополняющие элементы единого информационно-аналитического пространства.

Рис.1. Концептуальная схема единой платформы управления современной организационной системой

Данная схема соответствует методологии управления в организационных системах и может быть использована при решении научных и прикладных задач, связанных с разработкой, моделированием и внедрением

информационно-аналитических и интеллектуальных систем управления сложными организационно-техническими системами.

Проведённый анализ подтверждает, что использование математического моделирования обеспечивает формализацию целей, критериев и ограничений управления, тогда как информационные технологии создают условия для их практической реализации за счёт автоматизации расчётов и организации обратной связи. Реализация данного подхода позволяет перейти от описательных представлений к функционирующим информационно-аналитическим платформам, повышающим обоснованность управленческих решений, адаптивность и устойчивость систем управления.

Особую практическую значимость данный подход приобретает для организаций и предприятий Приднестровского региона, функционирующих в условиях ограниченных ресурсов, высокой неопределённости внешней среды и необходимости повышения эффективности управленческих решений на основе анализа данных и накопленных знаний.

Библиографический список:

1. Грибков Андрей Армович, Зеленский Александр Александрович Управление сложными системами: ключевые характеристики и онтологическое ограничение сложности объекта управления // Общество: философия, история, культура. 2025. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-slozhnymi-sistemami-klyuchevye-harakteristiki-i-ontologicheskoe-ogranichenie-slozhnosti-obekta-upravleniya> (дата обращения: 06.02.2026).

2. Жадаев, Д. С. Математическая модель интеллектуальной системы поддержки принятия управленческих решений в энергосистемах / Д. С. Жадаев // Эргодизайн. – 2023. – № 1(19). – С. 13-20. – DOI 10.30987/2658-4026-2023-1-13-20. – EDN DESNIH.

3. Жадаев, Д. С. Модели и функции интеллектуальной системы поддержки принятия управленческих решений в энергосистемах / Д. С. Жадаев // Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении. – 2023. – № 4(22). – С. 55-63. – DOI 10.30987/2658-6436-2023-4-55-63. – EDN ZOJOWG.

4. Жадаев, Д. С. Модели описания и оценок эффективности принятия решений в энергосистемах как организационных системах / Д. С. Жадаев // Актуальные вопросы развития естественных и технических наук : Материалы XXX Всероссийской научно-практической конференции, Ставрополь, 20 ноября 2023 года. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф", 2023. – С. 108-111. – EDN JQZXPQ.

5. Клейнер Г.Б. Системная экономика: шаги развития: Монография / Г.Б. Клейнер. Предисловие академика В.Л. Макарова. – Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», 2021. – 746 с.
6. Новиков Д. А. Теория управления организационными системами. 4-е изд., испр. и дополн. – М.: ЛЕНАНД, 2022. – 500 с.
7. Федорова, Т. А. Вероятностная математическая модель количественной оценки качества крупных электрических машин в контексте управления знаниями / Т. А. Федорова // Обеспечение и повышение качества изделий машиностроения и авиакосмической техники: материалы Международной научно-технической конференции. – Брянск: Брянский государственный технический университет, 2020. – С. 415-419.
8. Федорова, Т. А. Взаимосвязь анализа действующей системы менеджмента качества и анализа состояния производства / Т. А. Федорова, В. Н. Радченко // Технологии и реинжиниринг наземных транспортно-технологических комплексов: Сборник статей. – Тирасполь: Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 2025. – С. 50-56. – EDN GMQJGO.
9. Федорова, Т. А. Взаимосвязь инструментов управления качеством и менеджмента знаний / Т. А. Федорова, Т. Ю. Баева // Colloquium-Journal. – 2019. – № 9-2(33). – С. 21. – EDN ZIRGDR.
10. Федорова, Т. А. Система менеджмента качества предприятий как совокупность взаимосвязанных процессов / Т. А. Федорова // Закономерности взаимодействия технических устройств и человека в технических и антропогенно-измененных системах: Материалы международной научно-практической конференции, Брянск, 25 апреля 2016 года. – Брянск: Брянский государственный технический университет, 2016. – С. 87-92. – EDN WENQIL.
11. ISO 9001:2015. Quality management systems — Requirements. — Geneva : International Organization for Standardization, 2015.
12. Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. — New York : Oxford University Press, 1995. — 304 p. — DOI: 10.1016/0024-6301(96)81509-3.

*Иванова У.П., специалист направления подготовки
«Правовое обеспечение национальной безопасности»
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
e-mail: ivanova.u.p@yandex.ru
Россия, Москва,*

*Маврина А.С., Риск-менеджер,
Центр корпоративных риск решений, ПАО Сбербанк
e-mail: mavrina.a.s@gymn1sam.ru
Россия, Самара*

*Научный руководитель:
Мальцев А.А., к.и.н., доцент
кафедры Отечественной истории и историографии
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»,
e-mail: malcev@gymn1sam.ru
Россия, Самара*

*Ivanova U.P., specialist in the field of training “Legal Support for National
Security” O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
e-mail: malcev@gymn1sam.ru
Russia, Moscow*

*Mavrina A.S., Risk Manager, Corporate Risk Solutions Center, Sberbank PJSC
e-mail: mavrina.a.s@gymn1sam.ru
Russia, Samara
Supervisor:*

*Maltsev A.A., Ph.D., Associate Professor
Departments of National History and Historiography
FSAEI HE "Samara National Research University
named after Academician S.P. Korolev, "
e-mail: malcev@gymn1sam.ru
Russia, Samara*

**Проект Hyperloop: история и перспективы реализации (технический
и экономический аспекты)**

**The Hyperloop Project: History and Prospects of Implementation
(Technical and Economic Aspects)**

Аннотация. В статье рассмотрена история реализации проектов высокоскоростного транспорта в XIX-XXI вв. Сделан акцент на преемственности технологий европейских инженеров XIX в. и

использованных подходов И. Маском в ходе реализации проекта Hyperloop, как одного из наиболее перспективных видов транспорта будущего. Рассмотрены проекты реализации и применения скоростных вакуумных капсул в Новое и Новейшее время в Европе и США. Анализируются причины, помешавшие реализации «гиперпетли», делается вывод о том, что они аналогичны с проблемами запуска и эксплуатации в XIX в. В качестве основных факторов срыва реализации отнесены: технические сложности, с которыми столкнулись инженеры при испытании опытных образцов и экономические просчёты, допущенные при разработке.

Ключевые слова: инновационная концепция, скоростной вакуумный поезд, «гиперпетля».

Annotation. The article examines the history of the implementation of high-speed transport projects in the 19th and 21st centuries. It focuses on the continuity of technologies developed by European engineers in the 19th century and the approaches used by Elon Musk in the development of the Hyperloop concept, which is considered one of the most promising forms of transportation for the future. The article explores the projects and applications of high-speed vacuum capsules in Europe and the United States during the 20th and 21st centuries. It analyzes the reasons that hindered the implementation of the Hyperloop and concludes that they are similar to the challenges faced in the 19th century. The main factors contributing to the failure of the project were the technical difficulties faced by the engineers during the testing of the prototypes and the economic miscalculations made during the development process.

Key words: an innovative concept, a high-speed vacuum train, and a "hyperloop".

В современных российских научных исследованиях, посвященных транспортной системе Hyperloop, основное внимание уделяется анализу технических характеристик проекта, менеджменту и логистическим особенностям «гиперпетли», как уже реализованного проекта, составляющего конкуренцию существующим видам транспорта. Описываются преимущества фактически не существующей системы, прогнозируются якобы уже готовые результаты применения «гиперпетли» и факторы, определившие подобные конкурентные преимущества. Чаще всего данный недоработанный и не осуществленный проект выдается, как «инновационное достижение», являющееся символом эпохи и достижением технической мысли XXI в. Таким образом, можно констатировать отсутствие критического анализа данной системы, ее реальных возможностей и истории создания.

В эпоху Нового времени западноевропейские инженеры создали первые нестандартные проекты транспортных средств, перемещающихся на высоких скоростях, позже ставшие основой для идеи наземных и подземных систем скоростного транспорта. Первоначально в пилотных проектах не

предполагалось размещение поезда внутри самой трубы, она являлась элементом системы, обеспечивая движение состава. Наиболее близким к изучаемому проекту было инженерное решение «**атмосферной железной дороги**», предложенной английским изобретателем Джорджем Медхерстом. Суть идеи заключалась в создании системы, в которой по идущим наземным колеям можно проложить железную трубу шириной 30 см. с небольшим щелевым уплотнением по всей ее длине. Дж. Медхерст планировал подключить поезд к пневматическому поршню внутри трубы при помощи рычага, торчащего из отверстия.

Близким к проекту Дж. Медхерста являются **разработки механизма Генри Пинкуса**, основанного на принципах движения подвижного состава в тоннеле с разрежённым воздухом. Британский инженер, считавший, что в подобных условиях скорость будет намного выше, чем при стандартной эксплуатации. В отличие от своих предшественников он смог запатентовать данное изобретение в 1835 г. Технически модели Пинкуса от идеи Медхерста отличалась тем, что движение поршня обеспечивалось не повышением давления в трубе за поршнем, а созданием разрежения воздуха впереди него, то есть поршень как бы всасывался в трубу по направлению движения. Используя данный принцип был реализован проект Южнодевуонширской **пневматической пассажирской железной дороги**, разработанный Изамбардом Брюнелем, в основу которого были положены основные идеи Дж. Медхерста.

Предполагалось строить поезда на пневматической тяге, а паровые двигатели размещать на насосных станциях по пути следования. Пневматический поезд перемещался без паровоза, двигаясь за счёт разрежения, создаваемого в трубе. Вакуум в ней создавался стационарными компрессорными станциями, которые должны были в большом количестве располагаться на пути следования состава. В середине XIX в. данная схема казалась предпринимателям наиболее рентабельной, сопровождаясь дальнейшей модернизацией и активным инвестированием средств (рис.1.).

Рис.1. Южнодевуонширская пневматическая железная дорога

Наибольшее распространение получила схема, в которой между рельсами прокладывалась труба, имеющая по всей длине разрез в верхней части. Внутри нее размещался поршень, соединенный через соответствующий разрез с вагоном. Созданный в трубе вакуум приводил поршень в движение, Разрез в

трубе закрывался кожаными клапанами-затворами и работал по принципу «закрывающейся молнии» для сохранения вакуума, что приводило к снижению коэффициента полезного действия. Недостатки системы проявились сразу — тяговое усилие у состава получилось намного меньше, чем ожидали проектировщики. Для повышения мощности инженеры предложили на пути подзема состава заменить 15-дюймовые трубы на 22-дюймовые, а 15-дюймовые должны были установить на равнинных участках вместо предполагавшихся по проекту 12-дюймовых труб [2].

Помимо этого значительно выше запланированного оказался расход угля на компрессорных станциях, это было вызвано нарушением вакуума и нескоординированности работы компрессорных станций. Эксплуатация данной железной дороги с пневматическим поездом в три раза превышала расходы по сравнению с классическим перемещением на паровой тяге. Использование электрического телеграфа, который применили работники компрессорных станций в момент движения состава, способствовало сокращает топливные затраты на четверть, но не позволило серьезным образом удешевить процесс. В холодное время года издержки на перевозку резко возрастали, так как возникали проблемы с кожаными клапанами на трубе: первоначально их смазывали рыбьим жиром, что приводило к затвердеванию клапанов на холоде и нарушению вакуума. Клапаны оказались самым ненадежным элементом системы, требовавшим постоянного ухода и ежегодной замены. Высокие расходы на эксплуатацию заставили акционеров отказаться от дальнейшего финансирования проекта и вернуться к использованию паровозов. Следует отметить, что идейный вдохновитель Южнодевонширской пневматической железной дороги И. Брюнель, проанализировав несостоятельность проекта, отказался от причитавшегося ему гонорара, согласившись с акционерами о нерентабельности объекта и более эффективном использовании паровозов [7].

В дальнейшем попытки реализации плана по строительству пневматической дороги время от времени возникали на рубеже XIX –XX вв. Однако в 2010-х гг. проект, фактически разработанный, осуществленный и временно законсервированный, реанимировал известный предприниматель и изобретатель Илон Маск, выдав концепции развития транспорта первой половины XIX в. за сверхсовременные разработки, не имевшие аналогов ранее, получившим известность под названием «Hyperloop». История реализации данного проекта берет свое начало в 2013 г, когда основатель компании Tesla И. Маск предложил «футуристическую» транспортную систему, представляющую из себя «парящие» капсулы на магнитной тяге. Соединенные между собой, капсулы на высокой скорости должны перемещаться в вакуумной трубе, что позволяет преодолевать расстояние в 1 200 км всего за один час [4]. После презентации своего проекта И. Маск решил не патентовать проект, как и Дж. Медхерст в XIX в., а

предоставить возможность разрабатывать Hyperloop любому желающему. В результате чего появились две компании «Hyperloop One» - американская технологическая компания, имеющая цель реализовать идеи Маска в успешный коммерческий продукт. В основном она занималась поиском инвесторов для строительства магнитных путей. Второе юридическое лицо – «Hyperloop Transportation Technologies» - компания, объединяющая более 800 разработчиков, в которой собрались инвесторы и разработчики, желавшие реализовать идею И. Маска с перспективой в будущем получить долю от прибыли компании. Сущность концепции заключалась в том, чтобы расположить пассажиров в вагоны, которые бы двигались по тоннелю-трубе за счет потока воздуха, создаваемого огромными вентиляторами. Согласно техническим расчетам движение капсул по трубе осуществляется с помощью линейно-магнитного ускорения [2]. Разработчики новой транспортной системы заявили, что Hyperloop представляет собой цепочку капсул, которые перемещаются по трубе в вакууме - давление в ней равняется одной тысячной нормального атмосферного давления. Эта труба обеспечивает снижение уровня сопротивления воздуха, что позволяет Hyperloop достигать высоких скоростей. Технология Hyperloop предполагает, что внутри трубы, достигающей диаметр 7 м., с разреженным воздухом движется капсула аэродинамической формы. В движение капсулу приводит линейный электродвигатель. При этом капсула не касается стенок трубы, поскольку вентилятор в носовой части использует остаточный воздух для создания эффекта воздушной подушки [5]. Капсула имеет длину около 21 метра и способна нести 2 стандартных грузовых контейнера. Погрузка-разгрузка капсулы, как ожидается, будет занимать не более 15 минут. Масса капсулы вместе с грузом составит около 30 т. [1] Для создания воздушной подушки И. Маск предложил использовать набегающие воздушные массы: расположенные в носу транспортной капсулы специальные направляющие и вентилятор должны перенаправлять встречный поток воздуха под дно. В условиях форвакуума для создания воздушной подушки достаточно будет обеспечить давление в 9,4 кПа, что потребует подачи воздуха. Капсула же должна приводиться в движение линейным электродвигателем [4].

Статором - **неподвижной частью электрической, лопаточной и другой машины**, которая взаимодействует с подвижной частью — ротором, послужит алюминиевый рельс длиной 15 м на полу трубы, который необходим только через каждые 110 км. Поскольку система будет приводиться в движение электричеством, предусмотрено получение энергии с помощью солнечных батарей. Они должны вырабатывать 57 МВт электроэнергии при потребности системы в 21 МВт. [6] Также так как статор выполняет не только ускорение, но и торможение, в этом случае кинетическая энергия тоже преобразуется в электрическую [4]. С конца 2012 г. группа инженеров Tesla и SpaceX работала над моделированием концепции Hyperloop и 15 июня 2015

года началось строительство испытательной трассы Hyperloop длиной 1,6 км. Испытания прошли на 500-метровом полигоне в Лас-Вегасе [6]. Специально для этого теста по индивидуальному заказу была построена двухместная капсула XR-2 с маленькими окнами и кожаными сиденьями с ремнями безопасности. Первыми пассажирами в истории Hyperloop стали члены компании: технический директор Джош Гигель и руководитель отдела по качеству обслуживания пассажиров Сара Лучиан. Во время проезда по тоннелю капсула развила скорость 172 км/ч и заняла 15 секунд.[3] Успешные испытания показали реальный потенциал для реализации проекта, единственной проблемой оставалась высокая себестоимость проекта, которая должна была вырасти, в виду различных факторов, прежде всего роста стоимости земли при прокладке тоннеля через частные владения. [2] Параллельно с реализацией проекта в США делались попытки создания схожей транспортной системы в других странах. В 2016 г. в рамках XX Санкт-Петербургского экономического форума при поддержке Правительства г. Москвы, а также председателя совета директоров группы компаний «Сумма» З. Магомедова и председателя правления Hyperloop Technologies Ш. Пишевара был подписан Меморандум о намерениях с целью создания концепции применения технологии Hyperloop. Документ предусматривает разработку компанией и ее партнером ООО «Группа «Сумма» предварительного технико-экономического обоснования проекта создания пассажирского транспортного маршрута, работающего по технологии Hyperloop. Анализ Меморандума показал отсутствие четких сроков выполнения проекта, источников финансирования и распределения обязанностей для составления технической документации и соответствующего технического задания. Таким образом, можно констатировать, что документ являлся соглашением о намерениях, которое так и осталось проектом на бумаге, а основная группа инвесторов и партнеров в 2022 г. стала фигурантами уголовного дела о хищении средств в особо крупном размере, получив реальные сроки.

На начало 2026 г. компания Hyperloop One завершает процедуру банкротства, разбирая стартовую площадку, выставив на продажу земельный участок, на котором проходили испытания, фирма прекратила деятельность, не получив ни одного контракта на возведение коммерческих линий. На данный момент единственная тестовая площадка, осуществляющая испытания «капсул» на магнитной подушке остается в КНР и ее инженеры и менеджмент не делают громких заявлений относительно ближайшей коммерциализации проекта. Анализ причин, помешавших реализации «гиперпетли», можно отметить аналогичные с XIX в. факторы, прежде всего к ним можно отнести: технические сложности, с которыми столкнулись инженеры при испытании опытных образцов, экономические просчёты, которые не позволили найти инвесторов, логистические препятствия и ограничения пропускной способности транспортировочной трубы.

Библиографический список:

1. Hyperloop в России - ближайшие возможности реализации «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» №5(92) 2024 Alley-science.ru инновационной технологии транспортировки грузов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ablcompany.ru/news/hyperloop-v-rossii> (дата обращения: 22.12.2025).
2. Вакуумный поезд Hyperloop: что это такое и как он работает. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60c1cf329a7947b9452c5e7f> (дата обращения: 02.02.2026).
3. Испытания Гиперлупа с пассажирами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/giperlup-mozhet-vzorvatmozgipassazhira/> (дата обращения: 22.01.2025).
4. Куприяновский В.П., Климов А.А. Hyperloop – современное состояние и будущие задачи // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. №7. С. 129-144.
4. Нестеров С.Б., Холопкин И.И., Кондратенко Р.О. Аэродинамическое сопротивление движению скоростного поезда в вакуумной трубе // Вакуумная техника и технологии. М., 2018. №4. С.13-16.
5. Никакой революции транспорта, но деньги нужны. Узнали, как дела у Hyperloop Илона Маска. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tech.onliner.by/2020/08/23/kak-dela-u-hyperloop-ilona-maski> (дата обращения: 22.12.2025).
6. Сондырева, А.Ю. Обзор Hyperloop - проекта в концепции транспорта будущего // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 3. С. 524-527.
7. Хайретдинова М.Д. Будущее высокоскоростного железнодорожного транспорта в Европе // Актуальные проблемы современного транспорта. 2022. №2. С. 13-20.

*Хайдаров Л.Ш., студент 4 курса
факультета информационных технологий и электроники,
Пензенский государственный университет,
Россия, Пенза*

*Хайдаров Т.Ш., студент 3 курса
специальности «Информационные системы и программирование»
Колледж развития инновационных технологий,
Россия, Москва*

*Худенко А.-П.С., студентка 4 курса
факультета информационных технологий и электроники,
Пензенский государственный университет,
Россия, Пенза*

*Laziz Sh. Khaydarov, 4th year student,
Faculty of Information Technology and Electronics,
Penza State University ,
Russia, Penza*

*Timur Sh. Khaydarov, 3rd year student
specialties "Information systems and programming"
College of Innovative Technology Development,
Russia, Moscow*

*Anna-Polina Sergeevna Khudenko, 4th year student,
Faculty of Information Technology and Electronics,
Penza State University ,
Russia, Penza*

**Сравнительный анализ архитектур CPLD и FPGA: ключевые различия
и области применения**
**Comparative analysis of CPLD and FPGA architectures: key differences and
application areas**

Аннотация. Исследовательская работа посвящена сравнительному анализу двух наиболее распространённых классов программируемых логических интегральных схем. В данной статье проводится сравнительный анализ архитектур CPLD и FPGA, рассматриваются их ключевые различия в структуре, быстродействии и энергопотреблении. На основе изученных при проведении анализа материалов определены оптимальные области применения каждого типа устройств в современных цифровых системах. Результаты сравнительного анализа смогут помочь разработчикам и проектировщикам определить подходящий тип программируемых логических интегральных схем на основе технических требований проекта.

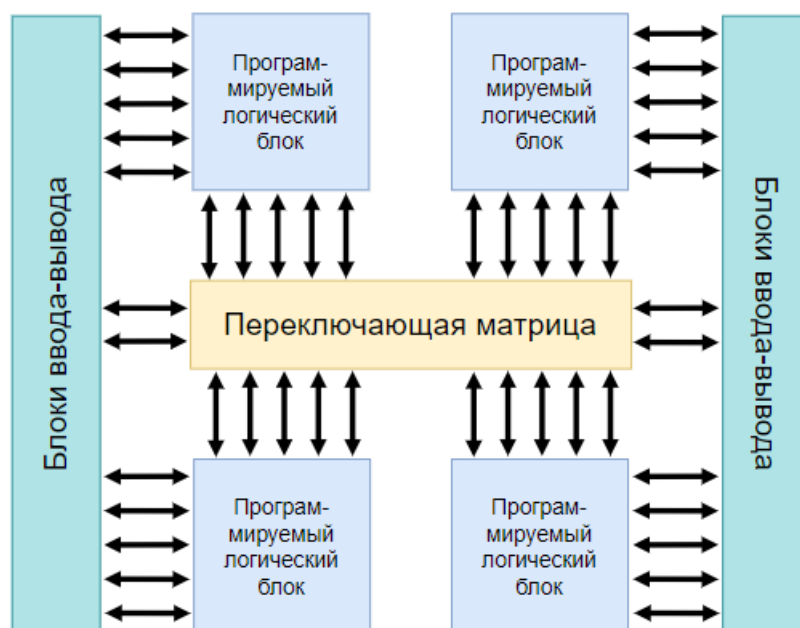
Ключевые слова: CPLD, FPGA, программируемая логика, сравнительный анализ, архитектура ПЛИС, цифровые системы, быстродействие, энергопотребление.

Abstract. This research paper is devoted to a comparative analysis of the two most common classes of programmable logic integrated circuits. This article provides a comparative analysis of CPLD and FPGA architectures, examining their key differences in structure, performance, and power consumption. Based on the data collected during the analysis, the optimal application areas for each device type in modern digital systems are determined. The results of this comparative analysis can help developers and designers select the appropriate type of programmable logic integrated circuit based on the design's technical requirements.

Keywords: CPLD, FPGA, programmable logic, comparative analysis, PLD architecture, digital systems, performance, power efficiency.

Введение. Развитие цифровой электроники программируемых логических интегральных схем (ПЛИС) стало ключевым компонентом современных электронных систем. Среди них наиболее распространены два класса устройств: CPLD (Complex Programmable Logic Device — Комплексное Программируемое Логическое Устройство) и FPGA (Field-Programmable Gate Array — Программируемая Пользователем Вентильная Матрица). Несмотря на привязанность к программируемой логике, эти устройства различаются по архитектуре, производительности и областям применения. CPLD, основанные на структурах PAL (Programmable Array Logic — Программируемая логическая матрица), характеризуются детерминированными задержками и низким энергопотреблением, что делает их идеальными для простых комбинационных схем и интерфейсных решений. В свою очередь, FPGA обладает высокой логической подсветкой и включает в себя специализированные блоки (DSP, RAM, процессорные ядра), что позволяет реализовывать сложные алгоритмы обработки данных.

Архитектурные особенности CPLD. CPLD представляют собой специализированный класс программируемых логических устройств, ориентированных на реализацию цифровых схем средней сложности. Отличительными характеристиками данных устройств являются предсказуемое временное поведение (детерминированность временных параметров) и высокая энергоэффективность. Благодаря этим особенностям CPLD нашли широкое применение в системах управления, контроллерах интерфейсов и других приложениях, где критичны стабильность работы и минимальное энергопотребление. Их архитектурная организация обеспечивает надежное выполнение логических операций с фиксированными временными задержками, что особенно важно для синхронных цифровых систем.

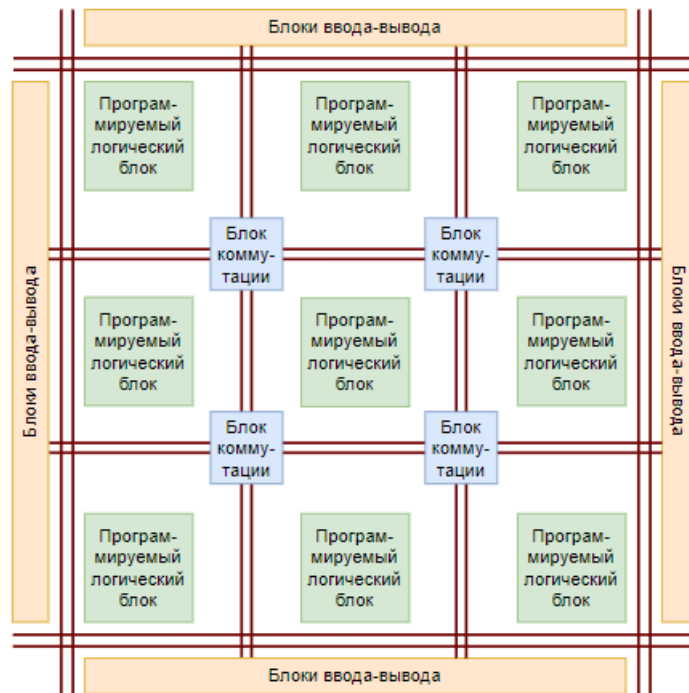

Рисунок 1. Архитектура и компоненты CPLD

Основные компоненты архитектуры CPLD (рисунок 1):

- Программируемые логические блоки — основной функционально-вычислительный блок;
- Блоки ввода-вывода — необходима для работы с периферией;
- Переключающая матрица — обеспечивает коммутацию между блоками.

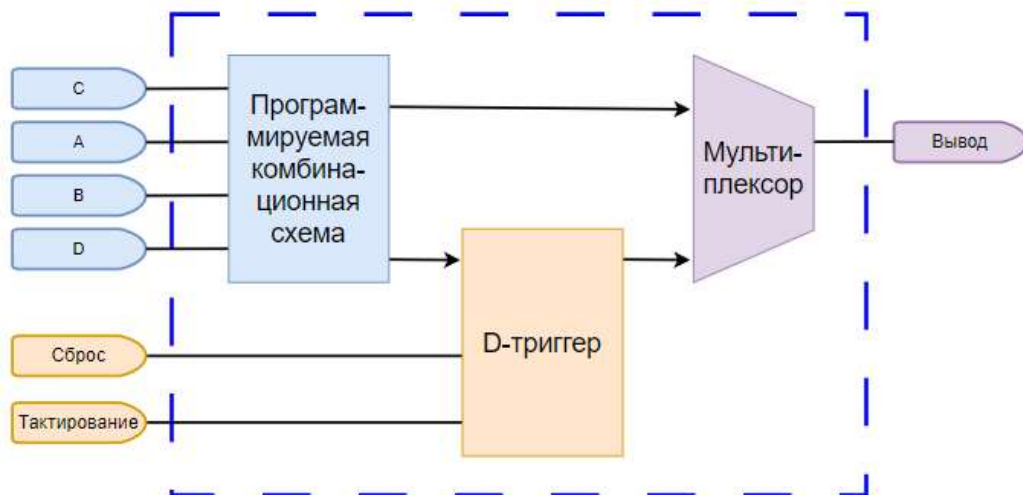
Архитектурные особенности FPGA. FPGA — высокопроизводительные программируемые логические устройства, основанные на матрице конфигурируемых логических элементов и гибкой системе межсоединений. Их ключевая особенность — возможность реконфигурации под конкретную задачу после изготовления. Современные FPGA содержат не только программируемую логику, но и встроенные аппаратные блоки: DSP-процессоры, блоки памяти, высокоскоростные трансиверы и даже многоядерные процессорные системы. Такая архитектура обеспечивает исключительную вычислительную плотность и энергоэффективность при реализации параллельных алгоритмов.

Рисунок 2. Архитектура и компоненты FPGA

Основные компоненты архитектуры FPGA (рисунок 2):

- Программируемые логические блоки (рисунок 3) — основной функционально-вычислительный блок;
- Блоки ввода-вывода — необходима для работы с периферией;
- Блоки коммутации — обеспечивает связь между программируемыми логическими блоками;
- Коммутационные каналы (маршруты) — позволяют прокладывать пути передачи данных между различными логическими блоками.

Рисунок 3. Структура программируемого логического блока FPGA

Сравнительный анализ архитектур CPLD и FPGA. CPLD и FPGA – это два типа программируемых микросхем ПЛИС, которые широко

применяются в цифровой электронике. Они похожи тем, что их можно настраивать под разные задачи, но при этом сильно различаются по устройству, скорости работы и возможностям.

Архитектура и принципы работы

CPLD – это микросхема с довольно простой структурой: внутри неё находятся программируемые логические блоки, соединённые через общую коммутационную матрицу. Она использует энергонезависимую память (EEPROM или Flash), поэтому сохраняет настройки даже после выключения и включается мгновенно.

FPGA, напротив, имеют более сложную архитектуру, собранную с общей матрицы из конфигурируемых логических элементов. Потребляют данные из внешнего хранилища (SRAM), что позволяет вместить заложенную конфигурацию после включения устройства, но обеспечивает больше гибкость и возможности мертвой зоны.

Логический ёмкость и производительность

FPGA обладают гораздо большей логической ёмкостью (сотни тысяч – миллионы элементов) по сравнению с CPLD (сотни – десятки тысяч). Благодаря этому FPGA лучше подходят для сложных задач: обработки сигналов, нейросетей или прототипирования процессоров.

CPLD, благодаря простому хранению данных и далее детерминистическому распределению времени, гарантирует устойчивую реализацию в системах с высокими требованиями в реакции на изменения, таких как управляющая логика и бортовые интерфейсы.

Гибкость и методы проектирования

FPGA позволяют реализовывать сложные схемы с помощью языков вроде VHDL или Verilog. Это даёт возможность создавать высокопроизводительные системы с параллельными вычислениями. Глубокая оптимизация алгоритмов, а также возможность использовать встроенное аппаратное обеспечение, легко настраиваемое под нужды конкретного алгоритма, позволяет добиться высокой производительности решений.

CPLD характеризуется более ограниченным подходом к программированию: по большому счету его программирование сводится к выводу логических блок-схем на VHDL, Verilog или на нисходящем уровне описанию таблиц истинности. Это ограничивает сложность проектируемого устройства, но упрощает программирование в случае решения достаточно простой задачи.

Энергопотребление.

Расходы на энергопотребление FPGA обычно выше, по причине повышенной плотности логики и необходимости поддержки SRAM-конфигурации, в отличие EEPROM используемой в CPLD. Для маломасштабных проектов CPLD предпочтительнее, конфигурирование CPLD не требует затрат

на контроллер для хранения конфигурации и обходит энергопотребление FPGA.

Управление тактовыми сигналами и периферия

FPGA предоставляют богатый инструментарий по управлению тактированием, поддерживают работу с несколькими независимыми тактовыми доменами, интегрируют массу специализированных блоков, что критично при работе через высокоскоростные интерфейсы.

CPLD обладают более скромным арсеналом инструментов управления тактированием (один PLL на весь микроконтроллер), что сужает область применимости контроллера.

	Энергопотребление	Количество вентиляей	Гибкость	Защищенность	Сложность задач	Диапазон рабочих частот	Задержки
CPLD	10 - 100 мВт	до 10.000	ограниченная	высокая	простая логика	10 - 200 МГц	фиксированные
FPGA	100 мВт - 10 Вт	От 100.000	высокая	низкая	сложные алгоритмы	50 МГц - 1 ГГц	зависит от размещения

Таблица 1. Ключевые различия между CPLD и FPGA.

Выводы. Выбор между CPLD и FPGA зависит от задачи: CPLD подходят для простых и энергоэффективных решений, а FPGA – для сложных и высокопроизводительных систем. Хотя технические возможности продолжают сближаться, от принципиальных различий этот выбор подвергся обостренному вниманию еще при разработке. Результаты сравнительного анализа помогут разработчикам/проектировщикам определить подходящий тип програм-мируемых логических интегральных схем на основе технических требований проекта.

Библиографический список:

1. Алексенко А. Г. «Современная микросхемотехника», издательство «Энергия», г. Москва, 1979 г., с. 5 — 18;
2. Соловьев В. В. « Архитектуры ПЛИС фирмы Xilinx: CPLD и FPGA 7-й серии», издательство «Горячая линия — Телеком», г. Москва, 2016 г., с 7 — 35;
3. Хэррис Д. М., Хэррис С. Л «Цифровая схемотехника и архитектура компьютера» второе издание, Издательство «Morgan Kaufman», 2013 г., с. 738 — 776.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПО МАТЕРИАЛАМ
XXIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

**"ТРАНСФОРМАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ НАУКИ В ЭПОХУ
ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА"**

20 февраля 2026 г.

Москва

Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 11.04.2026. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 23,5.
Издательство АНО ДПО «Университет ИТБО»
107113, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный округ Сокольники,
пл. Сокольническая, д. 4А, помещ. 12/4
https://anodpotsron@yandex.ru